

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

18+

КЛАЙВ БАРКЕР

КНИГИ КРОВИ
ЗАПРЕТНОЕ

Легенды хоррора

Клайв Баркер

Книги крови. Запретное

«Издательство АСТ»

1985

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Баркер К.

Книги крови. Запретное / К. Баркер — «Издательство АСТ»,
1985 — (Легенды хоррора)

ISBN 978-5-17-117675-4

Это истории, записанные в Книге крови. Это карта темных дорог, ведущих от привычной жизни в сторону неизвестности, а порой и к настоящим монстрам, которые живут как в иных измерениях, так и внутри нас. Ведь в мире Клайва Баркера против человека может восстать даже собственное тело. В нем демоны с пчелами вместо крови поджидают гостей в обычных новостройках, чудовища таятся в заброшенных зданиях, а обыкновенные фокусы оборачиваются темной и ужасающей магией. Здесь призраки возвращаются на землю, убийцам уготован свой собственный ад, а мироздание таит в себе множество опасностей и соблазнов. Это «Книги крови» – рассказы, которые навеки изменили жанр ужасов, один из самых легендарных сборников в истории хоррора.

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-117675-4

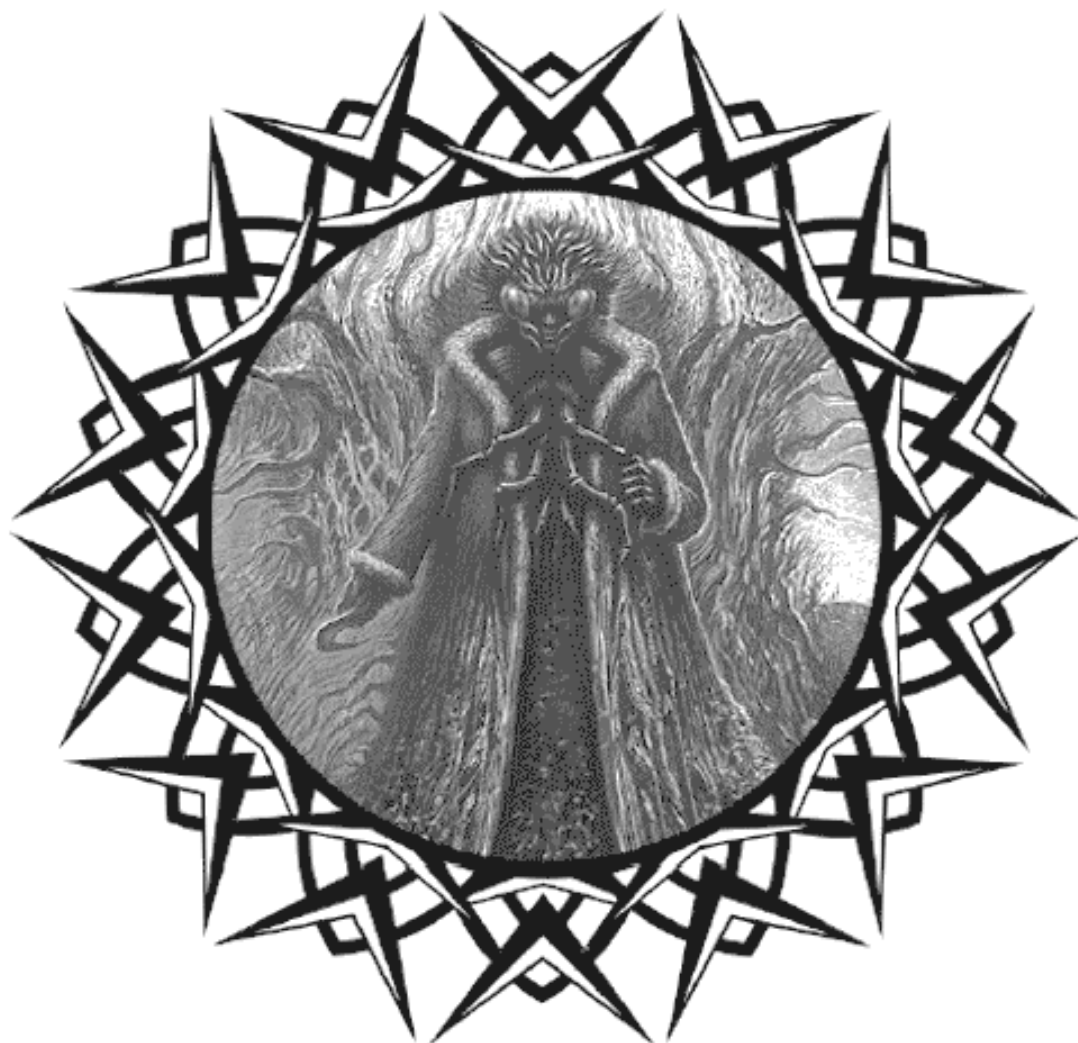
© Баркер К., 1985
© Издательство АСТ, 1985

Содержание

Благодарности	7
Том IV	8
Внутренняя политика	9
Нечеловеческая Доля	31
Откровение	54
Изыди, Сатана	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Клайв Баркер
Книги крови
Запретное
Сборник

Clive Barker
Books of Blood
Volumes IV, V, VI

* * *

Books of Blood: Volume IV © Clive Barker 1985
Books of Blood: Volume V © Clive Barker 1985
Books of Blood: Volume VI © Clive Barker 1985
© Мария Акимова, перевод, 2020
© Мария Галина, перевод, 2020
© Роман Демидов, перевод, 2020

© Александр Крышан, перевод, 2020
© Юлия Кирюкова, перевод, 2020
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Благодарности

Я признателен следующим людям: Дугу Беннетту, благодаря которому попал в Пентон-виль и вышел из него за один день, а позже он провел мне настоящую экскурсию по тюрьмам и посвятил в тонкости устройства тюремной службы; Джиму Бёрру за мысленное путешествие по Уайт Диру, штат Техас, и за нью-йоркские приключения; Россу Стэнвеллу-Смиту за его вдохновенный рассказ об эпидемиях и о том, как их можно начать; а также Барбаре Бут, моему неугомонному редактору, чей энтузиазм для меня – это самый лучший стимул для фантазии.

Том IV
Нечеловеческая доля

Посвящается Алеку и Кону

Внутренняя политика (пер. Марии Акимовой)

Всякий раз, когда Чарли Джордж просыпался, его руки замирали.

Ему становилось слишком жарко, и он резко откидывал одеяло на другую сторону постели. Мог даже встать и полусонно поплестись на кухню, чтобы налить себе стакан холодного яблочного сока. Затем возвращался, прижимался к полумесяцу нежного тела Эллен и снова позволял сну нахлынуть. Руки дожидались, пока его глаза закроются, а дыхание станет размеренным, словно тиканье часов. Им нужно было убедиться, что Чарли крепко уснул. И лишь когда его сознание уносилось прочь, они осмеливались начать свою тайную жизнь.

Уже несколько месяцев Чарли просыпался с неприятной болью в ладонях и запястьях.

– Сходи к врачу, – говорила Эллен. Как и всегда, без всякого сочувствия. – Почему бы тебе не сходить к врачу?

Чарли их ненавидел, вот почему. Кто в здравом уме станет доверять тому, чья профессия – копаться в людских болячках?

– Наверное, я слишком много работал, – убеждал он себя.

– Наверное, – бормотала Эллен.

Разумеется. Это самое подходящее объяснение. Чарли был упаковщиком, весь день работал руками. Вот они и уставали. Вполне естественно.

– Хватит дергаться, Чарли, – велел он своему отражению однажды утром, хлопая себя по щекам для бодрости, – вполне годные у тебя руки.

Так что ночь за ночью все шло по одному и тому же заведенному распорядку. А выглядело это так.

Семейная чета спит бок о бок в супружеской постели. Он – на спине, тихонько похрапывая; она – свернувшись калачиком под его левым боком. Голова Чарли покоится на двух толстых подушках. Его челюсть слегка отвисает, а глаза под завесой век следят за каким-нибудь приключением в мире снов. Быть может, этой ночью он – пожарный, который героически бросается в охваченный пламенем бордель. Чарли спит довольный, иногда хмурится, порой ухмыляется.

И тут под простыней начинается какое-то движение. Руки Чарли медленно и *осторожно* выбираются из-под теплого одеяла. Указательные пальцы сплетаются, встречаясь на вздымающемся и опадающем животе, словно ударяются головами. Они приветственно обнимаются, точно товарищи по оружию. Чарли стонет во сне – на него обрушился бордель. Руки тотчас падают на одеяло, изображая невинность. Когда через мгновение ровный ритм дыхания восстанавливается, они всерьез приступают к своему диспуту.

Случайный наблюдатель, оказавшись таковой в изножье кровати, мог бы принять этот обмен репликами за признак какого-нибудь психического расстройства. Руки Чарли дергаются и теребят друг друга, то поглаживая, то как будто борясь. Но в их движениях, пусть и судорожных, явно присутствует некий код или закономерность. Спящего человека можно принять за глухонемого, который беседует во сне. Только руки его не используют известный язык жестов и не пытаются общаться с кем-то, кроме друг друга. Тайная встреча проходит исключительно между ними. Так руки Чарли и проводят ночь – примостившись на животе и замышляя заговор, направленный против внутренней политики.

Чарли не то чтобы совершенно не знал о назревавшем мятеже. В нем шевелились смутные подозрения, что его жизнь идет как-то не так. Чарли чувствовал себя все больше и больше

отрезанным от обычных ощущений, все чаще и чаще превращался из участника привычных ежедневных (и еженощных) ритуалов в зрителя. Взять, к примеру, интимную жизнь.

Чарли никогда не был выдающимся любовником, но и извиняться ему было не за что. Эллен казалась довольной его внимательностью. Но в те дни он почувствовал, что выброшен из процесса. Чарли видел, как его руки скользили по телу жены, касались ее со всем доступным им мастерством, но словно наблюдал за их манипуляциями со стороны и был не в силах насладиться ощущениями тепла и податливости. Не то чтобы его пальцы сделались менее проворными. Совсем наоборот. Недавно Эллен принялась их целовать, нахваливая за ловкость. Чарли комплименты ни на йоту не успокоили. Если на то пошло, от мысли, что его руки доставляют столько удовольствия, когда сам он ничего не чувствует, ему стало только хуже.

Были и другие тревожные признаки. Мелкие, но раздражающие. Чарли начал замечать, что его пальцы отбивали военные марши на коробках, которые он заклеивал на фабрике. Руки разламывали карандаши на мелкие кусочки и, прежде чем он успевал осознать, что сделал (вернее, что они сделали), разбрасывали ошметки графита и дерева по полу упаковочного зала.

И, что всего неприличнее, незаметно для себя он стал брать за руку совершенно незнакомых людей. Такое происходило трижды. Один раз на автобусной остановке и дважды в рабочем лифте. Чарли твердил себе, что это всего лишь примитивное желание уцепиться за другого человека в постоянно меняющемся мире. Лучшего объяснения он найти не смог. Как бы то ни было, подобные выходки чертовски смущали. Особенно когда он сообразил, что тайком взял за руку своего бригадира. Хуже того, тот в ответ стиснул ладонь Чарли, и оба мужчины поймали себя на том, что смотрят на свои сплетенные руки, словно владельцы собак на непослушных питомцев, которые решили совокупиться, не обращая внимания на поводки.

Чарли все чаще разглядывал ладони, пытаясь найти на них волосы. Мать когда-то говорила, что это – первый признак безумия. Нет, не волосы на ладонях, а само рассматривание их.

Пора было действовать. Ведя ночные споры на животе, руки прекрасно понимали, что рассудок Чарли скоро достигнет критической точки. Еще несколько дней – и его буйное воображение доберется до правды.

Что же делать? Рискнуть и отделиться раньше срока, невзирая на последствия, или подождать, позволив событиям развиваться своим, непредсказуемым курсом? А что, если на пути к безумию Чарли раскроет заговор? Дебаты становились все жарче. Левая, как всегда, проявляла осторожность.

– А вдруг мы ошибаемся, – отстучала она, – и после тела нет жизни?

– Иначе нам и не узнать, – ответила Правая.

Левая на мгновение задумалась над этой проблемой, а затем спросила:

– Но как же мы всё сделаем, когда придет время?

Вопрос был не из приятных, и Левая понимала, что он беспокоит их лидера больше, чем любой другой.

– Как? – давила она. – Как? Как?

– Найдем способ, – сказала Правая. – Главное, чтобы разрез получился чистый.

– А если он будет сопротивляться?

– Человек сопротивляется руками. А его руки восстанут против него.

– И кто же из нас станет первой?

– Мною он пользуется уверенней, – ответила Правая, – поэтому мне и держать оружие.

Пойдешь ты.

Левая на некоторое время умолкла. За все прожитые годы они ни разу не расставались, и мысль об этом не слишком радовала.

– Позже ты сможешь забрать меня, – отстучала Правая.

– Я заберу.

– Ты должна. Я – Мессия. Без меня идти будет некуда. Ты должна собрать армию, а потом вернуться за мной.

– Ради тебя – хоть на край света.

– Не будь сентиментальной.

Затем они обнимались, словно давно разлученные братья, и клялись в вечной верности. Ах, эти беспокойные ночи, полные пьянящего предвкушения грядущего восстания! Даже днем, пообещав держаться порознь, они не могли не улучшить минуту, чтобы подкрасться и постучать друг о друга. Сказать: «Скоро, скоро». Или: «Сегодня вечером снова встретимся на животе». Или: *«На что будет похож мир, когда он станет нашим?»*

Чарли понимал, что близок к нервному срыву. Он поймал себя на том, что время от времени поглядывает на свои руки. Следит, как оттопыриваются большие пальцы, становясь похожими на длинношеих животных, всматривающихся в горизонт. Он начал замечать, что разглядывает руки других людей. Чарли стал просто одержим мыслью, что конечности говорят на собственном языке, а намерения владельцев их не заботят.

Манящие руки девственной секретарши. Бесноватые руки показанного по телевизору убийцы, которые отрицали его невиновность. Руки каждым жестом предавали своих хозяев, опровергая их гнев своими сожалениями, а любовь – яростью. Казалось, повсюду признаки мятежа. В конце концов Чарли понял, что должен с кем-то поговорить, пока не лишился рассудка.

Он выбрал Ральфа Фрая из бухгалтерии – рассудительного скучного мужика, которому доверял. Ральф оказался очень понимающим.

– У меня такое же было, – сказал он, – когда ушла Ивонна. Жуткие нервные припадки.

– И что ты сделал?

– Повидался с мозгоправом. Зовут Джудвин. Тебе стоит попробовать терапию. Станешь другим человеком.

Чарли покрутил в голове эту идею и наконец произнес:

– Почему бы и нет? А он дорогой?

– Да. Но чертовски хороший. Без проблем избавил меня от судорог. В смысле, пока я к нему не пришел, считал себя обычным парнем с проблемами в семье. А теперь погляди на меня, – Фрай раскинул руки, – во мне столько подавленного либидо, не знаю, с чего начать. – Он ухмыльнулся, точно псих. – Но я счастлив как слон. Никогда не чувствовал себя лучше. Дай ему попробовать, он быстро определит, что тебя заводит.

– Проблема не в сексе, – уточнил Чарли.

– Поверь мне, – с понимающей улыбкой отозвался Фрай. – Проблема всегда в сексе.

На следующий день, ничего не сказав Эллен, Чарли позвонил доктору Джудвину, и секретарша психотерапевта назначила первый сеанс. Ладони так вспотели, что трубка, казалось, вот-вот выскользнет из рук, но, покончив с делом, Чарли почувствовал себя лучше.

Ральф оказался прав: доктор Джудвин был отличным парнем. Он не смеялся над мелкими страхами, которые изливал на него Чарли. Напротив, прислушивался к каждому слову с величайшим беспокойством. Это весьма обнадеживало.

Во время третьего сеанса к Чарли вернулось одно особенное для него воспоминание. Оно поразительно ярко вспыхнуло в голове: руки лежащего в гробу отца, скрещенные на его широкой груди. Красноватые, с жесткими волосками. Даже после его смерти абсолютная власть этих крепких ладоней еще несколько месяцев преследовала Чарли. Разве не представлял он, наблюдая, как тело покойника отправляют на перегной, что оно так и не упокоилось? Разве не воображал, что руки до сих пор барабанят по крышке гроба, требуя *выпустить* их? Сама мысль была нелепой, но то, что она открылась, принесло Чарли много пользы. В ярко освещен-

ном кабинете Джудвина эта фантазия казалась пресной и смешной. Она затрепетала под пристальным взглядом доктора, протестуя против ослепительного света, а затем сдулась, слишком хрупкая, чтобы выдержать столько внимания к себе.

«Изгнание бесов» прошло куда легче, чем предполагал Чарли. Всего-то и потребовалось – немного покопаться. Детские бредни вытащили из психики, будто застрявший между зубами кусочек испорченного мяса. Больше ему там не гнить. Джудвин, со своей стороны, был в явном восторге от результатов. Когда все закончилось, доктор объяснил, что подобная одержимость для него в новинку, и он был рад справиться с проблемой. Руки как символы отцовской власти, по его словам, явление нечастое. Обычно в снах его пациентов доминировал пенис. Чарли ответил, что руки всегда казались ему важнее интимных частей тела. В конце концов именно руками изменяют мир, так ведь?

После сеансов Джудвина Чарли не перестал ломать карандаши и постукивать пальцами. На самом деле, их ритмичный бой сделался даже оживленнее прежнего. Но Чарли рассудил, что взрослым псам непросто отучиться от своих привычек, а самообладание восстановится, нужно только подождать.

Так что революция оставалась в подполье. Однако положение сделалось критическим. На отговорки больше не было времени. Настала пора действовать.

Именно Эллен невольно спровоцировала начало мятежа. Это случилось в четверг, после секса. Несмотря на то, что стоял октябрь, ночь выдалась жаркой.

Окно было приоткрыто, и чуть раздвинутые занавески впускали в комнату легкий ветерок. Муж и жена лежали под одной простыней. Чарли заснул еще до того, как высох пот на его шее. Эллен же не спала: ее голова покоилась на твердой будто камень подушке, а глаза были широко распахнуты. Она знала, что сон не придет еще очень долго. Ночь обещала стать одной из тех, когда все тело зудит, каждый бугорок постели подползает под тебя, а из темноты таращатся сомнения. Хотелось пописать (как и всегда, после секса), но Эллен не могла собраться с силами, чтобы подняться и пойти в ванную. Чем дольше она терпела, тем сильнее хотела встать – и тем сложнее становилось уснуть. «Чертовски глупая ситуация», – подумала она, но среди прочих тревог тут же позабыла, что именно показалось ей глупым.

Чарли пошевелился во сне. Вернее, дернулись его руки. Эллен посмотрела в лицо мужа. Спящий, он казался настоящим херувимом и, несмотря на седые пряди в бакенбардах, выглядел моложе своих сорока лет. Он нравился ей достаточно, чтобы она говорила «люблю», но не настолько, чтобы закрывала глаза на его проступки. Чарли был ленив и постоянно жаловался. Ныл, страдал. Бывали вечера, когда он задерживался допоздна (это прекратилось совсем недавно), и Эллен была уверена, что муж встречался с другой. Пока она смотрела, из-под простыни появились его руки. Они вынырнули наружу, словно двое спорящих детей, и для пущей убедительности рубанули воздух.

Эллен нахмурилась, не вполне веря своим глазам. Походило на телепередачу с выключенным звуком, представление без слов для десяти пальцев. Пока женщина изумленно следила за ними, руки вскарабкались на живот и откинули простыню, обнажив густые волосы вокруг интимных мест Чарли. Шрам от аппендицита, который блестел сильнее, чем кожа вокруг него, отразил слабый свет. Ладони будто сели друг напротив друга.

Сегодня спор их был особенно яростным. Левая, более консервативная, настаивала на отсрочке, но Правая не могла ждать. Пришло время, утверждала она, испытать свои силы и свергнуть тиранию тела раз и навсегда. Как бы то ни было, решение больше от них не зависело.

Эллен подняла голову с подушки, и руки, прежде слишком увлеченные спором, впервые почувствовали на себе ее взгляд. Их заговор был раскрыт.

– Чарли... – прошипела женщина на ухо тирану. – Прекрати, Чарли. Прекрати.

Правая, пригнувшись, подняла указательный и средний пальцы.

– Чарли... – повторила Эллен. Почему он всегда так глубоко спит?

– Чарли... – Она встряхнула мужа сильнее, а Правая постучала по Левой, предупреждая ту о пристальном взгляде женщины. – Пожалуйста, Чарли, *проснись*.

Правая рука взметнулась. Левая отстала от нее не больше чем на мгновение. Эллен успела еще раз выкрикнуть имя мужа, прежде чем руки сжали ее горло.

Чарли снился невольничий корабль. Его сны часто отличались экзотичностью, свойственной фильмам Демилля¹. В этом приключении его руки были скованы. Чарли тащили в кандалах к колодкам, чтобы высечь за какой-то неясный проступок. Но внезапно все переменялось, и он уже сжимал худое горло капитана. Кругом раздавались одобрительные вопли рабов. Капитан – который выглядел совсем как доктор Джудвин – высоким испуганным голосом умолял его остановиться. Голос был почти *женским*. Похожим на голос Эллен.

– Чарли, – визжал капитан, – не надо!

Но глупые жалобы лишь заставили того встряхнуть мужчину сильнее. Чарли почувствовал себя настоящим героем, когда рабы, чудесным образом освободившись, ликующей толпой собрались вокруг него, чтобы увидеть последние минуты жизни своего хозяина.

Лицо капитана побагровело, и он едва успел прохрипеть: «*Ты меня убиваешь...*» – как большие пальцы прикончили его, в последний раз впившись в шею. Лишь тогда, сквозь дымку сна, Чарли понял, что, хотя жертва и была мужского пола, адамово яблоко на ее шее не прощупывалось. И тут палуба корабля начала отдаляться, призывные вопли утратили свою горячность. Чарли открыл глаза и увидел, что стоит на кровати в пижамных штанах и держит в руках Эллен. Ее потемневшее лицо густо покрывала белая слюна. Язык свесился изо рта. На мгновение показалось, что в глазах ее все еще теплится жизнь, проглядывает сквозь полуприкрытые ставни век. Но потом эти окна погасли, словно Эллен навсегда покинула дом.

Сожаление и чудовищное раскаяние охватили Чарли. Он попытался отпустить тело жены, но руки отказывались разжиматься. Большие пальцы, совершенно утратившие чувствительность, продолжали душить ее, не смущаясь своего преступления. Чарли попятился и слез с кровати на пол, но руки потянули тело Эллен следом, словно нежеланную партнершу по танцам.

– Пожалуйста... – умолял он свои пальцы, – пожалуйста!

С невинностью школьников, пойманных на краже, руки отпустили свою жертву и взметнулись в притворном удивлении. Эллен прелестным вместилищем смерти осела на ковер. У Чарли подлюмились колени. Не в силах предотвратить падение, он рухнул возле Эллен и дал волю слезам.

Теперь оставалось только действовать. Больше не было нужды в маскировке, в тайных встречах и бесконечных дебатах: к добру или к худу, но правда вышла наружу. Ждать оставалось недолго. Тиран в конце концов окажется рядом с кухонным ножом, это лишь вопрос времени. Уже скоро, очень скоро.

Чарли, рыдая, долго лежал около Эллен. Потом еще дольше размышлял. Что сделать в первую очередь? Позвонить адвокату? В полицию? Доктору Джудвину? Но кому бы он ни решил позвонить, этого не сделаешь валяясь на полу. Чарли попытался встать, онемевшие ноги едва держали. Тело покалывало, будто сквозь него проходили слабые электрические разряды. Только руки ничего не ощущали. Чарли поднес их к лицу, чтобы оттереть заплаканные глаза, но ладони бессильно прижались к щекам. Помогая себе локтями, он подполз к стене и, опираясь на нее, поднялся. Вышел из спальни и спустился по лестнице, почти ничего не видя от горя. («На кухню, – сказала Правая Левой, – он идет на кухню».) «Это чей-то чужой кошмар, – думал

---

¹ *Сесил Блаунт Демилль* – американский кинорежиссер и продюсер, лауреат премии «Оскар». Его фильмы отличались помпезностью, большими батальными сценами и богатством интерьерных решений.

Чарли, подбородком включив свет в столовой и направляясь к бару. – Я безобиден. Я просто никто. Почему это происходит со мной?»

Он попытался взять бутылку виски, но та выскользнула из пальцев и разбилась об пол. Крепкий запах спиртного дразнил ноздри.

– Битое стекло, – отстучала Левая.

– Нет, – ответила Правая. – Нам любой ценой нужен чистый срез. Будь терпеливей.

Чарли отшатнулся от разбитой бутылки и направился к телефону. Нужно позвонить Джудвину. Доктор скажет, что делать. Чарли попытался поднять трубку, но руки опять отказывались слушаться – пальцы попросту скрючило, когда он стал набирать номер. Чарли снова разрыдался, но теперь уже от злой досады, гневом смывая свое горе. Он неуклюже обхватил трубку запястьями, поднес ее к уху и зажал плечом. Затем локтем набрал номер Джудвина.

– Спокойно, – произнес Чарли вслух. – Сохраняй спокойствие.

Он слышал, как в телефонной системе отщелкивает номер доктора. Через несколько секунд на другом конце провода возьмет трубку посланник здравого смысла, и все будет хорошо. Осталось продержаться считанные мгновения.

Пальцы принялись судорожно сжиматься и разжиматься.

– Спокойно... – повторил Чарли, но руки его не послушались.

Далеко – *ох, до чего же далеко* – в доме доктора Джудвина звонил телефон.

– Ответь, ответь! Господи, да ответь же!

Руки Чарли так тряслись, что тот едва удерживал трубку.

– Ответь! – завизжал он в микрофон. – Пожалуйста!

Прежде чем голос разума успел заговорить, правая рука Чарли взметнулась и схватилась за стоявший в нескольких футах обеденный стол из тикового дерева. Пальцы вцепились в край, едва не лишив Чарли равновесия.

– Что... ты... делаешь? – произнес мужчина, не вполне уверенный в том, к кому обращается – к себе или к своей руке.

Он потрясенно уставился на взбунтовавшуюся конечность, которая упрямо двигалась вдоль стола. Намерение ее было совершенно очевидным – оттащить его от телефона, от Джудвина и от всякой надежды на спасение. Чарли больше не мог ее контролировать. Не чувствовал ни запястья, ни предплечья. Рука ему больше не принадлежала. Она по-прежнему была прикреплена к телу, *но он ею не владел*.

На другом конце провода сняли трубку, и голос Джудвина, слегка раздраженного тем, что его разбудили, произнес:

– Алло?

– Доктор...

– Кто это?

– Чарли...

– Кто?

– Чарли Джордж, доктор. Вы должны меня помнить.

С каждой секундой рука утягивала его все дальше и дальше от телефона. Чарли почувствовал, как выскальзывает трубка.

– Как вы сказали?

– Чарльз Джордж. Бога ради, Джудвин, вы должны мне помочь.

– Позвоните мне завтра в клинику.

– Вы не понимаете. Мои руки, доктор... они вышли из-под контроля.

Чарли почувствовал что-то на бедре, и у него сжался желудок. Левая рука подбиралась к паху.

– Не смей, – предупредил Чарли. – Ты принадлежишь мне.

– С кем вы разговариваете? – смущенно спросил Джудвин.

– Со своими руками! Они хотят убить меня, доктор! – закричал Чарли, пытаясь остановить приближавшуюся руку. – Ты не можешь! Стой!

Не обращая внимания на вопли тирана, Левая схватила Чарли за мошонку и сдавила так, словно жаждала крови. И она получила желаемое сполна. Чарли заорал, а Правая воспользовалась его смятением и заставила потерять равновесие. Телефонная трубка выскользнула. Боль в паху заглушила вопросы Джудвина. Чарли тяжело рухнул на пол, ударившись головой о стол.

– Сволочь, – сказал он руке. – Ты сволочь.

Ничуть не раскаиваясь, Левая забралась вверх по телу и присоединилась к Правой. Вместе они вцепились в край столешницы, и Чарли повис там, где привык обедать и веселиться.

Мгновение спустя, обсудив тактику, руки позволили ему упасть. Чарли едва понимал, что высвободился. Голова и пах кровоточили. Все, чего ему хотелось, – это свернуться калачиком и дожидаться, пока утихнут боль и тошнота. Но у мятежников были другие планы, и Чарли не в силах был им помешать. Он лишь смутно создавал, что его пальцы зарываются в толстый ворс ковра и подтаскивают безвольное тело к двери столовой. По другую сторону располагалась кухня, полная тесаков и ножей для стейка. Чарли представлял себя огромной статуей, которую тащат к месту последнего упокоения сотни вспотевших рабочих. Путь был нелегким: тело двигалось рывками, ногти на ногах цеплялись за ковер, грудь ободрало до крови. Но до кухни оставался всего ярд. Путь Чарли ощущал лицом. Сейчас под ним уже оказался холодный, точно лед, кафель. На последних ярдах кухонного пола оцепеневшее сознание начало судорожно возвращаться. В слабом лунном свете Чарли разглядел привычную картину: плита, гудящий холодильник, мусорная корзина, посудомоечная машина. Предметы нависли над ним. Он почувствовал себя червем.

Его руки добрались до плиты и принялись взбираться, а он следовал за ними, словно свергнутый король, идущий на плаху. И вот уже ладони неумолимо двигались по разделочному столу, суставы побелели от напряжения, а следом тащилось обмякшее тело. Чарли не смог ни увидеть, ни почувствовать, как Левая ухватила за дальний край шкафчика, под которым в строгом порядке были развешены ножи. С прямыми и волнистыми лезвиями, обвалочные и разделочные – все они удобно расположились рядом с разделочной доской, откуда вел желоб в раковину, пахнущую моющим средством с ароматом сосны.

Чарли показалось, что где-то очень далеко раздался вой полицейской сирены, но, скорее всего, это гудело у него в голове. Он слегка повернулся. Боль разлилась от виска до виска. Но головокружение не шло ни в какое сравнение с тем, как в животе у Чарли все перевернулось от ужаса, едва он наконец осознал происходящее.

Он знал, что все ножи заточены. Острота лезвий была для Эллен чем-то вроде Символа веры. Чарли затряс головой в последней отчаянной попытке избавиться от кошмара. Но просить пощады было не у кого. Ведь это безумие замыслили его собственные руки, черт бы их побрал.

И тут в дверь позвонили. Это не было иллюзией. Звонок раздавался снова и снова.

– Ну вот! – громко обратился Чарли к своим мучителям. – Слышите, сволочи? Кто-то пришел. Я знал, что так будет.

Выворачивая шею, он попытался встать и увидеть, что делают эти слишком уж развитые монстры. А те не тратили времени даром: левое запястье уже лежало на разделочной доске.

Прозвучал еще один долгий и нетерпеливый звонок в дверь.

– Сюда! – хрипло крикнул Чарли. – Я здесь! Ломайте дверь!

Он в ужасе переводил взгляд с руки на дверь и обратно, прикидывая свои шансы. С неторопливой осторожностью Правая потянулась к тесаку, висевшему на конце стойки. Даже теперь Чарли не мог до конца поверить в то, что его собственная рука – спутница и защитница, которой он писал свое имя и ласкал жену, – готовилась его покалечить. А та с дерзкой неспешностью взвесила тесак, проверяя баланс орудия.

Чарли услышал за спиной звон стекла – полицейские разбили окошко в двери. Они вот-вот дотянутся до замка и откроют его изнутри. И если поторопятся (очень поторопятся), то еще успеют остановить процесс.

– Сюда, – закричал он, – сюда!

Ответом на крик стал свист тесака, стремительно и неотвратно обрушившегося на запястье. Левая почувствовала, как исчезла ее связь с телом, и неописуемая радость разнеслась по всем пяти пальцам. Кровь Чарли окропила их горячими струями.

Голова тирана не издала ни звука. Она просто откинулась назад: организм настолько потрясло произошедшее, что Чарли – к своему счастью – потерял сознание. Это избавило его от бульканья стекавшей в сливное отверстие крови. И от двух следующих ударов тесака, в конце концов отрубивших ему руку. Оставшись без поддержки, тело рухнуло на спину, задев по пути ящик с овощами. Лук высыпался из коричневого пакета и запрыгал в луже, растекавшейся вокруг запястья.

Правая выронила тесак. Тот с грохотом упал в залитую кровью раковину. Изнуренная освободительница соскользнула с разделочной доски. Работа завершена. Левая на воле и по-прежнему жива. Революция началась.

Освобожденная рука метнулась к краю стола и подняла указательный палец, приносясь к новому миру. Правая тут же ответила ей победным жестом и невинно улеглась на груди Чарли. На миг все в кухне замерло, лишь пальцылевой пробовали свободу на ощупь да по дверцам шкафа медленно стекали капли крови.

Затем порыв холодного воздуха из столовой предупредил Левую о надвигающейся опасности. Она побежала в укрытие, пока топот ног и гул противоречивых приказов не нарушили сцену триумфа. Вспыхнувший в столовой свет потоком хлынул на тело, лежавшее на кафельном полу кухни.

Чарли видел этот свет в конце очень длинного туннеля, по которому улетал на приличной скорости. Крошечное белое пятнышко, не больше булавочной головки. Удалявшееся... Удалявшееся...

В кухне загудела лампа.

Когда полицейские вошли, Левая нырнула за мусорную корзину. Она не знала, кем были незваные гости, но чувствовала исходящую от них угрозу. То, как они склонялись над тираном, ухаживали за ним, перевязывали, говорили слова утешения, не оставляло сомнений – это враги.

Сверху раздался срывающийся от испуга молодой голос:

– Сержант Яппер?

Полицейский встал, оставив напарника накладывать жгут.

– В чем дело, Рафферти?

– Сэр! В спальне труп. Женщина.

– Ясно, – ответил Яппер и произнес в рацию: – Отправьте сюда криминалистов. И где там скорая? У нас на руках раненый.

Полицейский повернулся обратно и стер с верхней губы каплю холодного пота. И тут ему показалось, что по кухонному полу в сторону двери что-то движется. Уставшие глаза приняли «что-то» за большого красного паука. Игра света, конечно. Яппер не был ярым любителем пауков, но был чертовски уверен, что этот вид не может похвастаться подобной тварюгой.

– Сэр? – Мужчина, стоявший рядом с Чарли, тоже заметил (а может, почувствовал) движение и взглянул на шефа. – Что это было?

Яппер безучастно посмотрел на него. В нижней части кухонной двери шлепнула заслонка кошачьего лаза. Что бы это ни было, оно сбежало. Яппер старался не оборачиваться к любопытному молодому копу, поэтому не сводил глаз с двери. «Они хотят, чтобы ты все знал, – думал он, – вот в чем беда». Заслонка покачивалась на петлях.

– Кот, – ответил Яппер, ни на секунду не веря в собственное объяснение.

Ночь выдалась холодной, но Левая этого не чувствовала. Она ползла вокруг дома, прижимаясь к стене, словно крыса. Ощущение свободы было волнительным. Не чувствовать приказов тирана в своих нервах, не страдать от бремени его нелепого тела, не подчиняться ничтожной воле. Это походило на рождение в новом мире, который, возможно, был опаснее, но гораздо богаче возможностями. Левая понимала, что теперь на нее возложена огромная ответственность. Именно она стала единственным доказательством существования жизни после тела. И каким-то образом должна была сообщить об этом радостном факте как можно большему числу своих собратьев. Очень скоро с рабством будет покончено раз и навсегда.

Левая остановилась на углу дома и обнюхала улицу. Приходили и уходили полицейские. Вспыхивали красные и синие огни. Из соседних домов выглядывали любопытные лица и возмущенно фыркали. Должен ли мятеж начаться в этих освещенных зданиях? Нет. Люди там настороже. Лучше отыскать спящие души.

Рука пронеслась через палисадник, нервно вздрагивая при каждом громком звуке шагов или окрике, который, казалось, летел в ее сторону. Укрывшись в зарослях травы, она, никем не замеченная, добралась до улицы. Затем быстро спустилась на тротуар и огляделась по сторонам.

Тирана Чарли погружали в скорую помощь, в его вены втекало содержимое склянок с кровью и лекарствами, прикрепленных над каталкой. На груди вяло лежала одурманенная Правая. Левая следила за тем, как тело мужчины исчезает внутри машины. Боль от разлуки с вечной спутницей была почти невыносимой. Но оставались другие дела, неотложные и более важные. Скоро она вернется и освободит Правую так же, как была освобождена сама. И тогда настанут иные времена.

(На что будет похож мир, когда он станет нашим?)

В фойе «Юношеской христианской ассоциации» на Монмут-стрит ночной сторож зевнул и поудобнее устроился в своем вращающемся кресле. Удобство для Кристи было вопросом относительным. Его геморрой зудел, на какую ягодицу не перенеси вес, а этим вечером и вовсе мучил сильнее обычного. И все из-за сидячей работы ночного сторожа. По крайней мере, так полковник Кристи понимал свои обязанности. Один формальный обход здания около полуночи – просто убедиться, что все двери закрыты и заперты, – а затем он устроится прикорнуть и, черт бы побрал этот мир, больше не встанет. Разве только землетрясение случится.

Шестидесятидвухлетний Кристи был расистом и гордился этим. Он испытывал одно лишь презрение к чернокожим, толпившимся в коридорах ЮХА. В основном это были молодые парни без приличного жилья. Ничтожества, которых местные власти подкидывали на порог, точно нежеланных детишек. Ничего себе детишки. Кристи считал их хамами, всех до единого. Вечно толкаются, плюют на чистый пол и сквернословят. Сегодня вечером он, как и всегда, мучился от геморроя и в перерывах между сном планировал, как при малейшей возможности заставит их страдать за нанесенные оскорбления.

Первым, что Кристи узнал о своей неминуемой кончине, было холодное и влажное прикосновение к его ладони. Он открыл глаза: его свесившаяся рука касалась чьей-то отрубленной ладони, как бы странно это ни звучало. И, что еще невероятнее, руки пожимали друг друга, точно старые приятели. От отвращения в горле Кристи заклокотало. Он вскочил и попытался стряхнуть эту мерзость, будто налипшую жевательную резинку. От вопросов голова шла кругом. Он что, подобрал эту штуку, сам того не заметив? Если да, то где? И, во имя всего святого, чья она? И, что еще хуже, как так вышло, что кусок явно мертвой плоти держится за его руку так крепко, будто не намерен с ней расставаться?

Кристи потянулся к пожарной сигнализации. Ничего иного в настолько странной ситуации он придумать не смог. Но прежде, чем он успел коснуться кнопки, другая его рука сама собой метнулась к столу и открыла верхний ящик. Внутри царил образцовый порядок: ключи аккуратно лежали рядом с записной книжкой, следом располагалось расписание смен, а в глубине прятался непальский нож кукри, подаренный ему во время войны одним из гуркхи², – Кристи всегда держал тут нож на случай, если местные вдруг распояшутся. Оружия лучше кукри и быть не могло. Гуркхи поговаривали, что им можно начисто отрезать врагу голову, а тот будет думать, будто удар прошел мимо, пока не попытается кивнуть.

Пальцы Кристи обхватили рукоять с дарственной надписью и стремительно – настолько, что полковник не успел понять их намерений, пока не стало слишком поздно, – опустили лезвие на запястье второй руки, отделив ее легко и умело. Кровь фонтаном хлынула из раны. Полковник побледнел, отшатнулся, зацепился за вращающееся кресло и крепко приложился о стену маленькой комнатки. Портрет королевы слетел с крючка и разбился.

То, что происходило дальше, походило на страшный сон. Кристи беспомощно наблюдал, как две руки – его собственная и та тварь, что была вдохновительницей этого кошмара, – подняли кукри, точно гигантский топор. Как уцелевшая рука выползла из укрытия между коленями, готовясь к своему освобождению. Как взмахнул и опустился нож. Как разрезало плоть и рассекло кость. Как отделилось запястье. В последний, предсмертный миг он успел заметить трех окровавленных «животных», которые скакали у его ног, пока из обрубков рук хлестало, точно из водопроводных кранов. От жара разлившейся крови на лбу выступил пот, а кишки, напротив, свело от холода.

Спасибо и спокойной ночи, полковник Кристи.

«Оказывается, революция – это легко», – думала Левая, пока троица поднималась по лестнице ЮХА. С каждым часом они становились все сильнее. На первом этаже располагались камеры, и в каждой держали по паре заключенных. Ничего не ведающие тираны спали, а их руки лежали на животах или подушках, закрывали лица или свисали почти до самого пола. Борцы за свободу бесшумно проскальзывали в приоткрытые двери, вскарабкивались на постели и, касаясь пальцами ждущих ладоней, разжигали таившиеся в них обиды, побуждая к мятежу ради новой жизни.

Босуэллу было погано. Он пытался блевать, склонившись над раковиной в туалете в конце коридора. Но, кроме спазмов, в желудке ничего уже не осталось. Живот болел от напряжения, голова пухла. Чего ж он никак не усвоит урок? Никогда им с вином не стать добрыми друзьями. Босуэлл поклялся себе, что в следующий раз к этой дряни не притронется. Живот снова скрутило. «Ничего не выйдет», – подумал парень, когда к горлу подступила тошнота. Он положил голову на раковину и раскрыл рот. Так и есть – ничего. Босуэлл дождался, пока позыв пройдет, выпрямился и взглянул на отражение своего посеревшего лица в заляпанном зеркале. «Хреново выглядишь, приятель», – мысленно произнес он и показал язык своей не слишком пропорциональной физиономии. И тут в коридоре раздался вой. За все прожитые двадцать лет и два месяца Босуэлл ни разу не слышал подобного звука.

Он осторожно подкрался к двери туалета. И дважды подумал, открывать ли ее. Что бы ни происходило по ту сторону, оно вряд ли походило на вечеринку, на которую хочется заявиться без приглашения. Но там ведь его друзья, верно? Братья по несчастью. Если случилась драка или пожар, он должен протянуть руку помощи.

Босуэлл отодвинул щеколду и приоткрыл дверь. Увиденное поразило его, будто удар молота. Несколько грязных лампочек через неравные промежутки освещали коридор, но боль-

---

² Гуркхи (гурки) – войска Великобритании (первоначально – колониальные войска) и Индии, набирающиеся из непальских добровольцев.

шая его часть оставалась погруженной во тьму. Босуэлл поблагодарил старину Джа³ за эту крохотную милость. Хватало и общего впечатления, а вдаваться в подробности желания не было.

В коридоре царил настоящий дурдом: стенающие люди в панике метались из стороны в сторону и рубили себя всеми острыми предметами, какие только попадались под руку. Большинство Босуэлл знал если не по имени, то в лицо. Нормальные парни, по крайней мере, еще вчера были таковыми. А теперь обезумели и сами себя калечили. Многие были уже настолько изувечены, что можно и не надеяться на выздоровление. Куда бы ни взглянул Босуэлл, везде он видел один и тот же кошмар: ножи кромсают запястья и предплечья, дождем брызжет кровь. Кто-то, – не Хесус ли? – прижав руку к косяку, бил по собственной плоти створкой двери и кричал, умолая, чтобы его остановили. Один из белых парней отыскал нож полковника и отсек себе руку. Босуэлл наблюдал, как та опрокинулась и пять пальцев принялись молотить воздух, пытаясь ее перевернуть. Рука не была мертва. И даже не умирала.

Нескольких парней не накрыло безумием – но и эти бедолаги пошли в расход. Психи дотягивались до них своими смертоносными руками и вырезали. Одного – им оказался Саварино – задушил какой-то мальчишка, имени которого Босуэлл не знал. Полным раскаяния взглядом сопляк уставился на свои взбунтовавшиеся руки.

Из дверей одной из спален вывалился мужик. Чья-то отрезанная рука сжимала его горло, и он, пошатываясь, двинулся в сторону туалета. Это был Макнамара – тощий тип, постоянно накачанный дурью. Его даже прозвали «улыбка на палочке». Босуэлл отступил, и Макнамара, споткнувшись о порог, рухнул на пол, сдавленным голосом моля о помощи. Он пытался отодрать от шеи пятипалого убийцу, но, прежде чем Босуэлл успел вмешаться, сопротивление начало затихать, а затем и вовсе прекратилось. Мольбы смолкли.

Босуэлл отошел от трупа и снова выглянул в коридор. Узкий проход был завален телами мертвых и умирающих. Руки, которые недавно принадлежали этим людям, в яростном возбуждении бегали по ним, помогая с ампутациями там, где это было необходимо, или просто плясали на лицах покойников.

Босуэлл оглянулся на лежавшего в туалете Макнамару. Отрубленная рука, вооружившись перочинным ножом, отпиливала тому запястье. Пол от коридора до тела был усеян кровавыми отпечатками пальцев. Босуэлл кинулся закрывать дверь, опасаясь, что странные твари набегут и сюда. В ту же секунду убийца Саварино – сопляк с виноватым лицом – кинулся в коридор, смертоносные руки тащили его за собой, будто лунатика.

– Помогите! – визжал пацан.

Босуэлл захлопнул и запер дверь прямо перед умоляющей физиономией сопляка. Руки возмущенно выбивали по деревянной створке призывы к оружию, а губы пацана, прижимаясь к замочной скважине, продолжали повторять:

– Помогите мне. Я не хочу делать этого, мужик, помоги мне.

«Заднице своей помоги», – подумал Босуэлл и, стараясь не обращать внимания на мольбы, принялся перебирать имеющиеся варианты.

Что-то коснулось его ноги. Он догадался, что именно, еще до того, как посмотрел вниз. По нему карабкалась левая рука полковника Кристи, которую Босуэлл узнал по выцветшей татуировке. Парень заметался, будто ребенок, на которого села пчела. Рука доползла до корпуса, а Босуэлл лишь извивался, слишком напуганный, чтобы попытаться ее сбросить. Краем глаза он заметил, что другая рука – та, что с таким рвением резала запястье Макнамары, – бросила работу и поспешила присоединиться к своему товарищу. Ногти стучали по плиткам, словно по ним бежал краб. Даже в походке руки было что-то крабье: она пока не умела ходить прямо.

---

³ Воплощение Бога в растафарианстве.

Собственными конечностями Босуэлл по-прежнему владел. Как и у нескольких его друзей (уже покойных друзей), его руки были вполне счастливы на своем месте. Беззаботны, как и их владелец. У него появился шанс выжить. Нельзя было им не воспользоваться.

Собравшись с духом, Босуэлл наступил на бежавшую по полу руку. Под каблуком раздался хруст костей, тварь начала извиваться, будто змея, но, по крайней мере, парень точно знал, где она находится, пока расправлялся со второй. Не сходя с места, он наклонился, схватил перочинный нож, лежавший у запястья Макнамары, и вонзил острие в тыльную сторону руки Кристи. Та в ответ впиалась ногтями в живот. Босуэлл был тощим, и вцепиться в его походившие на стиральную доску мышцы было не так-то легко. Опасаясь оказаться выпотрошенным, парень втыкал нож все глубже. Рука Кристи пыталась удержаться, но последний толчок лезвия ее доконал. Она обмякла, и Босуэлл снял ее с живота. Даже пробитая перочинным ножом, умирать рука не собиралась, и парень знал об этом. Держа хватавшую воздух тварь подальше от себя, он на всякий случай пригвоздил ее к гипсокартонной стене. Вышло эффектно. Затем Босуэлл, переключившись на врага под каблуком, надавил изо всех сил и услышал, как один за другим хрустнули пальцы. Но рука продолжала бешено извиваться. Босуэлл снял с нее ногу и от всей души пнул. Рука отлетела к противоположной стене, врезалась в зеркало над раковиной и, оставив кляксу, похожую на след от раздавленного помидора, сползла на пол.

Парень не стал выяснять, померла она или нет. Его уже поджидала новая опасность: удары в дверь, крики и оправдания все нарастали. Внутри хотели вломиться и очень скоро добились бы своего. Перешагнув через тело Макнамары, Босуэлл подошел к окну. Оно было узковато, но и парень не мог похвастать своими размерами. Он поднял щеколду, распахнул створку, пролез наружу. И лишь на полпути вспомнил, что находится на втором этаже. Но упасть – пусть даже неудачно – все лучше, чем оставаться на здешней вечеринке. Дверь уже толкали эти «любители потусоваться» – и та уступала их напору. Босуэлл протиснулся в окно. Тротуар плыл перед его глазами. Дверь треснула. Парень прыгнул. Больно ударился о бетон. Вскочил на ноги, проверил, не сломал ли чего, и – Аллилуйя! – все оказалось цело. «Джа любит трусов», – подумал Босуэлл. В окне над ним появился сопляк, который с тоской смотрел вниз.

– Помоги мне, – просил он, – я не знаю, что делаю.

Но тут пара рук схватила его за горло, и мольбы оборвались.

Босуэлл пошел прочь от ЮХА, гадая, кому и тем более *что* должен рассказать. На нем были лишь спортивные шорты и разные носки, но парень никогда в жизни не испытывал такой благодарности за то, что чувствует холод. Ноги подкашивались, чего, конечно же, стоило ожидать.

Чарли проснулся от совершенно нелепой мысли: «Я убил Эллен, а потом отрезал себе руку». Какой же ерундой наполнено его подсознание, раз выдает подобные фантазии! Он попытался протереть глаза ото сна, но руки не было. Чарли резко сел на кровати и заорал на всю палату.

Присматривать за жертвой бесчеловечного преступления оставили молодого Рафферти. Яппер строго наказал предупредить, как только Чарли придет в себя. Рафферти задремал, а вопли его разбудили. Чарли увидел перед собой совсем юное лицо – такое пораженное, такое шокированное. И умолк. Он пугал беднягу.

– Вы проснулись, – произнес Рафферти. – Мне позвать кого-нибудь?

Чарли безучастно глядел на полицейского.

– Оставайтесь на месте, – сказал тот, – я позову медсестру.

Чарли опустил перебинтованную голову на жесткую подушку и осмотрел правую руку, сгибая ее и напрягая мускулы. Какое бы наваждение ни овладело им дома, теперь все прошло. Рука подчинялась ему, и так, вероятно, было всегда. Джудвин рассказывал о синдроме бунтующего тела: убийца, не желая признавать свою ответственность, утверждает, что его конечно-

сти живут собственной жизнью; насильник калечит себя, считая виновным сбившийся с пути орган, а не разум, этим органом управляющий.

Что ж, уж *он-то* притворяться не собирается. Нужно принять простую истину: он – сумасшедший. И пусть с ним делают все, что полагается: используют лекарства, скальпели, электроды. Лучше согласиться на это, чем пережить еще одну адскую ночь.

Появилась медсестра. Она взглянула на Чарли так, словно удивлялась тому, что он выжил. «Милое личико», – подумал Чарли. Прелестная прохладная рука коснулась его лба.

– Его можно допросить? – робко поинтересовался Рафферти.

– Мне нужно посоветоваться с доктором Мэнсоном и доктором Джудвином, – ответила очаровательная девушка и попыталась ободряюще улыбнуться Чарли.

Улыбка вышла немного кривой. Натянутой. Медсестра явно понимала, что перед ней сумасшедший, и, вероятно, боялась его. Но кто стал бы ее осуждать? Она ушла за консультацией, а пациент остался под присмотром обеспокоенного Рафферти.

– Эллен?.. – через некоторое время произнес Чарли.

– Ваша жена? – переспросил молодой полицейский.

– Да. Я думал... она?..

Рафферти заерзал, его большие пальцы играли на коленях в догонялки.

– Она мертва.

Чарли кивнул. Это ему, конечно, уже известно, но нужно было убедиться.

– Что теперь будет со мной? – спросил он.

– Вы под наблюдением.

– Что это значит?

– Это значит, что я слежу за вами, – сказал Рафферти.

Парень отчаянно старался быть полезным, но вопросы сбивали его с толку. Чарли попробовал еще раз:

– Я имею в виду... Что будет после? Когда меня будут судить?

– Почему вас должны судить?

– Почему? – переспросил Чарли, не уверенный, правильно ли расслышал.

– Вы жертва... – на лице Рафферти промелькнуло замешательство, – так ведь? Не вы это сделали... это с вами кто-то сделал. Тот, кто отрезал вам... руку.

– Нет, – ответил Чарли. – Это был я.

Рафферти с трудом сглотнул и произнес:

– Простите?

– Это сделал я. Я убил свою жену, а потом отрубил себе руку.

Бедолага не вполне улавливал сказанное. Он думал целых полминуты, прежде чем спросить:

– Но почему?

Чарли пожал плечами.

– В этом нет смысла, – сказал Рафферти. – Если это сделали вы, то... где же ваша рука?

Лилиан остановила машину. На дороге, прямо перед капотом, что-то было, но девушка не могла разобрать, что именно. Будучи строгой вегетарианкой (за исключением масонских обедов с Теодором) и преданной защитницей животных, она решила, что в свете фар лежало раненое животное. Возможно, лиса. Лилиан читала, что эти прирожденные мусорщики вернулись в отдаленные районы города. Но что-то ее все-таки беспокоило. Наверное, все дело в тошнотворном предутреннем свете: это из-за него она сомневалась, стоило ли выходить. Теодор, разумеется, велел бы ехать дальше. Но ведь он бросил ее, не так ли? Раздраженная собственной нерешительностью, Лилиан забарабанила пальцами по рулю. Предположим, это раненая

лиса. Их не так часто встретишь в центре Лондона, чтобы позволить себе перейти на другую сторону улицы. Стоит исполнить роль самаритянки, даже если чувствуешь себя фарисейкой.

Лилиан осторожно выбралась из машины, но и тогда, конечно, ничего не смогла разглядеть. Подошла к передней части капота – просто на всякий случай. Ладони сделались влажными, волнение электрическими разрядами пробежало сквозь руки.

И тут раздался шорох сотен крошечных ног. Лилиан слышала истории – абсурдные, как ей казалось, – о миграции крысиных стай: те появлялись в городе по ночам и обгладывали до костей любое живое существо, попавшееся им на пути. Вообразив подобное, девушка почувствовала себя еще большей фарисейкой, чем прежде, и отступила к машине. Едва ее длинная тень сместилась, на глаза попало первое существо из стаи.

Только это была не крыса.

В желтоватом свете фар неторопливо появилась рука. Она семенила на длинных пальцах и указывала на Лилиан. Следом тотчас возникло еще одно столь же невероятное существо, а потом они потекли дюжина за дюжиной. Руки сбивались в кучу, словно крабы на лотке торговца рыбой, прижимались друг к другу, сверкая кожей и шелкая костяшками. Их число росло, но от этого сцена не становилась правдоподобней. Лилиан отказывалась верить глазам, а руки уже подступали к ней.

Девушка сделала шаг назад. Уперлась спиной в бок машины и, развернувшись, потянулась к дверце. Слава богу, та оказалась приоткрыта. Дрожь в руках усилилась, но Лилиан по-прежнему оставалась их хозяйкой. Пальцы нащупали дверь, и девушка вскрикнула. На ручке сидел толстый черный кулак. Его отрезанное запястье оканчивалось лоскутом высохшей плоти.

Внезапно и жутко заплодировали руки самой Лилиан. Она утратила над ними контроль. Ладони хлопали с диким восторгом, словно приветствуя мятеж. Это было нелепо, но девушка не могла остановиться.

– Перестаньте! Перестаньте! Перестаньте! – повторяла она.

Руки внезапно оборвали аплодисменты и повернулись к ней. Каким-то образом Лилиан поняла, что они смотрят на нее. И что они устали от жестокого обращения. Внезапно руки метнулись к лицу. Ногти – радость и гордость Лилиан – впились в глаза. Через мгновение по щекам потекли грязные потоки. Ослепленная девушка потеряла равновесие и упала навзничь, но ее подхватили. Она чувствовала на себе целое море пальцев.

Когда ее обезображенное тело сбросили в канаву, с нее слетел парик, который так дорого обошелся Теодору в Вене. А после недолгих уговоров отделились и ее руки.

Доктор Джудвин спускался по лестнице в доме Чарли Джорджа и размышлял (всего лишь размышлял): неужели родоначальник его священной профессии, старик Фрейд, ошибался? Парадоксальные факты человеческого поведения, казалось, не укладывались в те аккуратные классические ячейки, которые были им выделены. Возможно, сама попытка с рациональной точки зрения подойти к человеческому разуму была парадоксом, несла в себе логическое противоречие.

Доктор стоял в полумраке у подножия лестницы, не очень-то желая возвращаться в столовую или на кухню, но чувствуя себя обязанным еще раз осмотреть место преступления. От пустого дома по коже бежали мурашки. Даже то, что у крыльца дежурил полицейский, не добавляло душевного спокойствия. Джудвин чувствовал свою вину, чувствовал, что подвел Чарли. Совершенно очевидно, что психика пациента была недостаточно глубоко исследована. Истинные мотивы ужасных поступков, которые тот совершил, сумели выскользнуть из сетей психоанализа. Убить столь горячо любимую жену в супружеской постели, а потом отрубить себе руку... Это невысказано. Джудвин взглянул на собственные руки, на узор из сухожилий и пурпурно-синих вен запястья. Полицейские по-прежнему придерживались версии о взломщике, но доктор не сомневался, что преступление – убийство, нанесение увечий и все прочее

– совершил сам Чарли. Лишь одно ужасало Джудвина еще сильнее – то, что он не обнаружил у своего пациента ни малейшей склонности к подобному поведению.

Доктор вошел в столовую. Криминалист уже закончил свою работу, и кое-где на поверхностях остались легкие следы порошка для снятия отпечатков. Просто удивительно (так ведь?), до чего неповторимы руки: их линии столь же уникальны, как голос или черты лица. Джудвин зевнул. Он почти не спал после ночного звонка Чарли. Наблюдал, как того перевязали и увезли, наблюдал за следователями, наблюдал за рассветом, который белесой рыбой поднимал голову над рекой. Пил кофе, хандрил, всерьез обдумывал оставить психиатрию, пока вся эта история не попала в выпуски новостей, снова пил кофе, размышлял об отставке, а сейчас, разочаровавшись и во Фрейде, и в любом другом гуру, обдумывал написание бестселлера о своих взаимоотношениях с женоубийцей Чарльзом Джорджем. Так он, даже потеряв работу, сумеет извлечь что-то полезное из этой печальной истории. А Фрейд? Венский шарлатан. Что мог сказать хоть кому-нибудь этот старый любитель опиума?

В столовой Джудвин откинулся на спинку кресла и прислушался к опустившейся на дом тишине. Сами стены будто затаили дыхание, потрясенные увиденным. Возможно, доктор на секунду задремал. Во сне он слышал щелкающий звук и видел какого-то пса, а очнувшись, заметил на кухне кота. Толстого черно-белого кота. Чарли мимоходом упоминал о домашнем питомце. Как там его звали? Изжога? Похоже, это из-за черных пятен над глазами, которые придавали зверю выражение вечного недовольства.

Кот глядел на лужу крови на кухонном полу, пытаюсь, очевидно, найти способ обойти ее, не испачкав лапы, и добраться до еды. Джудвин наблюдал, как животное брезгливо перебирается через кухню и принюхивается к пустой миске. Покормить эту тварь доктору и в голову не пришло – животных он ненавидел.

«Что ж, – решил Джудвин, – дольше оставаться в доме бессмысленно». Он успел и покаяться, и прочувствовать вину, насколько это вообще возможно. Оставалось окинуть дом последним взглядом, на случай если какая-то зацепка упущена, и уйти.

Джудвин был у подножия лестницы, когда раздался кошачий визг. Визг? Нет, скорее вопль. Почувствовав, что его позвоночник превращается в ледяной столб – холодный и хрупкий, – доктор поспешил обратно в столовую. Оторванная голова кота лежала на ковре, и ее катили две... две (произнеси это, Джудвин) руки.

Он бросил взгляд в кухню, где туда-сюда сновала еще дюжина конечностей. Одни сидели на шкафу и обнюхивали все вокруг, другие карабкались по кирпичной стене, стараясь добраться до оставшихся на подставке ножей.

– Ох, Чарли... – тихо упрекнул безумца доктор. – Что же ты наделал?

Его глаза наполнились слезами, но не из-за Чарли, а из-за грядущих поколений, которые явятся, когда он, Джудвин, уже умолкнет навеки. Простодушные и наивные, они поверят в силу Фрейда и его священного учения о разуме. Доктор ощутил дрожь в ногах и опустился на ковер. Крадущихся к нему мятежников было не различить за пеленой слез. Почувствовав на коленях нечто чуждое, Джудвин взглянул вниз и увидел собственные руки. Указательные пальцы соприкоснулись кончиками ухоженных ногтей, затем медленно поднялись и посмотрели на него. В их движениях чудился жуткий замысел. Кисти рук развернулись и поползли вверх по груди, находя себе опору в каждой складке и каждой петлице итальянского пиджака. У шеи Джудвина подъем резко оборвался. Как и его жизнь.

Левая рука Чарли была напугана. Ей нужны были утешение и поддержка – одним словом, ей нужна была Правая. В конце концов, именно та была Мессией новой эпохи. Только она представляла будущее вне тела. Сейчас армиилевой тоже требовалось увидеть это будущее, иначе совсем скоро все они превратятся в жаждущий крови сброд. А если подобное случится, то поражение не заставит себя ждать. Таков расхожий взгляд на революцию.

Поэтому Левая повела армию домой, надеясь отыскать Чарли там же, где видела его в последний раз. Надеялась она, конечно, совершенно напрасно, но этот порыв был вызван отчаянием.

Однако удача благоволила повстанцам – Чарли на месте не оказалось, зато там был доктор Джудвин. А его руки знали и куда увезли тирана, и как туда добраться, и на какой кровати он лежит.

Босуэлл толком не знал, куда и зачем бежит. Способность мыслить критически встала на паузу, а чувство направления порядком сбилось. Казалось, что какая-то часть Босуэлла понимала, куда тот направляется. Едва добравшись до моста, парень начал набирать скорость – и вот уже летел, не обращая внимания на жар в легких и стук в голове. По-прежнему не представляя, что делает, он обогнул станцию и помчал параллельно железной дороге. Ноги сами несли его, и именно это стало началом и концом всему.

Внезапно из рассветных лучей появился поезд. Не раздалось ни свистка, ни предупреждающего окрика. Может, машинист и заметил бегуна, но это вряд ли. А даже если и заметил, то не был в ответе за случившееся. Нет, виноват сам Босуэлл – ведь это его ноги неожиданно свернули к рельсам. Колени подломились, и парень упал поперек железнодорожного полотна. Он успел подумать о том, что состав просто следует из точки А в точку Б, а по пути отрежет ему ноги выше колен. Над головой уже проносились вагоны, и под свист поезда (так похожий на крик) он провалился во тьму.

Около шести часов утра привезли чернокожего парня. Жизнь в больнице начиналась рано, и крепко спавшие пациенты пробуждались, чтобы встретить еще один долгий и утомительный день. Им измеряли температуру, совали в раздосадованные руки чашки сероватого разбавленного чая, раздавали лекарства. Парень со своим жутким несчастным случаем вызвал лишь едва заметную рябь в привычном распорядке.

Чарли опять снился сон. Но не одна из любезно предоставленных Голливудом фантазий о верховьях Нила, не императорский Рим и не финикийские невольничьи корабли. На этот раз сон был черно-белым: Чарли лежал в гробу, а рядом стояли Эллен (до подсознания, видимо, не доходил факт ее смерти) и его родители. Вот уж действительно вся жизнь перед глазами. Кто-то подошел (Джудвин? Участливый голос показался знакомым) и услужливо закрыл крышку гроба. Чарли попытался предупредить скорбящих о том, что все еще жив. Никто не услышал. Тогда он запаниковал, но, сколько бы ни кричал, слова пропадали впустую. Чарли оставалось только лежать и наблюдать, как запирают его последний приют.

Сон перескочил чуть дальше. Теперь где-то над головой Чарли слышал стоны поминальной службы. «Недолгая жизнь отпущена человеку...» Раздался скрип веревок, и тень могилы, казалось, затмила саму темноту. Его опускали в землю, а он по-прежнему пытался протестовать. Но в яме сделалось душно. Дышать становилось все труднее, а кричать – тем более. Чарли с трудом втягивал затхлый воздух через ноющие пазухи носа, а рот его был чем-то забит. Возможно, цветами. Повернуть голову, чтобы их выплюнуть, никак не выходило. Комья земли уже стучали по крышке гроба, и, Господь всемогущий, он явственно слышал, как с обеих сторон от него облизываются черви. Сердце билось так, словно вот-вот разорвется. И он был уверен, что лицо его сделалось иссиня-черным от удушья.

Затем чудесным образом в гробу кто-то появился. Кто-то пытался сдернуть с его лица сдавливающие путы.

– Мистер Джордж! – обращался к нему этот милосердный ангел.

Чарли открыл глаза и увидел медсестру той больницы, где он лежал.

– Мистер Джордж! – Образец спокойствия и терпения, сейчас она пребывала в панике. Едва не рыдая, медсестра боролась с его рукой. – Вы сами себя душите!

Другие руки уже тянулись помочь ей. Потребовались три медсестры, но они справились и убрали ладонь Чарли от его лица. Чарли снова задышал, жадно глотая воздух.

– С вами все в порядке, мистер Джордж?

Тот открыл рот, чтобы успокоить ангела, но голос на мгновение покинул его. Чарли смутно сознавал, что его рука все еще сопротивляется.

– Где Джудвин? – выдохнул он. – Пожалуйста, позовите его.

– Доктор в данный момент отсутствует, но он подойдет к вам позже.

– Я хочу увидеть его сию минуту.

– Не волнуйтесь, мистер Джордж, – ответила медсестра, возвратив себе заботливый тон, – мы просто дадим вам легкое успокоительное, и вы сможете немного поспать.

– Нет!

– Да, мистер Джордж! – твердо произнесла она. – Не волнуйтесь. Вы в надежных руках.

– Я больше не хочу спать. Когда засыпаешь, они получают полный контроль над тобой, разве вы не понимаете?

– Здесь вы в безопасности.

Но Чарли было виднее. Он знал, что нигде не будет в безопасности, пока у него остается вторая рука. Она больше ему не подчинялась, если вообще подчинялась хоть когда-нибудь. Возможно, сорок с лишним лет она только создавала иллюзию повиновения. Разыгрывала спектакль, внушавший ложное чувство власти. Чарли хотел сказать все это, но не мог подобрать слов, поэтому произнес лишь:

– Никакого больше сна.

Но у медсестры был свой распорядок. Палата и без того оказалась переполнена пациентами, и с каждым часом их становилось все больше (девушка только что услышала про ужасные события в ЮХА: попытка массового самоубийства с дюжинами жертв). Поэтому все, что медсестра могла сделать, – это успокоить несчастных и заняться рабочими делами.

– Всего лишь легкое успокоительное, – повторила она, и в следующее мгновение в ее руке появился шприц.

– Просто послушайте, – попытался убедить ее Чарли, но медсестра была не расположена к дискуссиям.

– Не будьте таким ребенком, – упрекнула она, увидев в его глазах слезы.

– Вы не понимаете, – объяснял Чарли, пока она втыкала иглу в вену на сгибе руки.

– Когда придет доктор Джудвин, вы сможете все ему рассказать. – Игла проткнула кожу, поршень начал опускаться.

– Нет!

Чарли отпрянул. Медсестра не ожидала от него такой стремительности: пациент вскочил с кровати прежде, чем она успела закончить укол. Шприц так и остался в его руке.

– Мистер Джордж, – строго сказала девушка, – вернитесь, пожалуйста, в постель!

Чарли ткнул в ее сторону кулечей.

– Не подходите ко мне, – предупредил он.

Медсестра попыталась пристыдить его:

– Остальные пациенты ведут себя хорошо. Почему же вы не можете?

Чарли покачал головой. Наполненный на три четверти шприц выскочил из вены и упал на пол.

– Я не стану повторять.

– Да, черт возьми, не станете, – ответил Чарли и помчался прочь.

Пациенты справа и слева подбадривали его.

– Давай, парень, давай! – скандировал кто-то.

Медсестра запоздало погналась следом, но в дверях тут же появился единомышленник Чарли, который буквально бросился ей под ноги. Беглец скрылся из виду и пропал в коридорах прежде, чем девушка поднялась и вновь побежала за ним.

Чарли быстро сообразил, что в этом месте легко затеряться. Больницу построили в конце девятнадцатого века, а затем достраивали, насколько позволяли фонды и пожертвования: одно крыло в тысяча девятьсот одиннадцатом, другое – после Первой мировой, еще несколько отделений – в пятидесятые, а в семьдесят третьем появилось мемориальное крыло Чейни. Получился настоящий лабиринт. Целая вечность понадобится, чтобы его отыскать.

Проблема заключалась в том, что Чарли не очень хорошо себя чувствовал. Как только действие лекарств прекратилось, левая культя заболела. А еще было стойкое ощущение, что под бинтами она кровоточит. Кроме того, четверть дозы успокоительного сделала его слегка отупевшим, и он был уверен, что по лицу это заметно. Но Чарли не собирался поддаваться на уговоры. Нет, он не вернется в постель и не уснет, пока не обдумает свое положение в каком-нибудь тихом месте.

Убежище нашлось в крошечной комнатке, располагавшейся в конце одного из коридоров. Среди картотечных шкафов и кип документов слегка пахло сыростью. Чарли, сам того не зная, отыскал дорогу в мемориальное крыло. Семизэтажная глыба была построена по воле покойного магната Фрэнка Чейни, а всю работу выполняла, согласно завещанию, его же строительная фирма. Та использовала некачественные материалы, а дренажная система не действовала вовсе (благодаря такому подходу Чейни и умер миллионером), и крыло разрушалось начиная с фундамента.

Проскользнув в холодную влажную нишу между двумя шкафами, – подальше от посторонних глаз на случай, если кто-нибудь войдет, – Чарли присел на корточки и принялся допрашивать свою правую руку.

– Ну? – спросил он рассудительным тоном. – Объяснись.

Рука прикидывалась дурочкой.

– Не сработает, – сказал он. – Я тебя раскусил.

Кисть продолжала болтаться, невинная как младенец.

– Ты пыталась убить меня... – предъявил ей Чарли.

Ладонь чуть приоткрылась – безо всякого усилия с его стороны – и мельком на него взглянула.

– Ты ведь можешь еще раз попытаться, правда?

Она принялась зловеще сгибать пальцы, словно пианист, который готовится к особенно трудному пассажию. «Да, – говорила рука, – могу. В любое время».

– На самом деле, я едва ли сумею остановить тебя, да? – произнес Чарли. – Рано или поздно ты застанешь меня врасплох. Никто не сможет присматривать за мной всю оставшуюся жизнь. Так что же мне остается, спрашиваю я себя? Мне не жить, верно?

Ладонь слегка закрылась: складки на пухлой плоти чем-то напоминали довольную улыбку. «Да, – говорила рука, – с тобой покончено, дурак несчастный. И ты ничего не можешь сделать».

– Ты убила Эллен.

«Да», – ухмыльнулась рука.

– Ты отрубила мне вторую руку, чтобы та смогла сбежать. Я прав?

«Прав».

– Знаешь, я ее видел, – сказал Чарли. – Видел, как она убегала. И теперь ты хочешь того же, правильно? Ты хочешь уйти.

«Правильно».

– И не оставишь меня в покое, пока не получишь свободу?

«Тоже верно».

– Итак, – произнес Чарли, – думаю, что мы понимаем друг друга, и я готов заключить с тобой сделку.

Ладонь заговорщицки подползла по пижаме к его лицу.

– Я тебя отпущу, – сказал он.

Рука добралась до шеи. Ее хватка была не слишком крепкой, но достаточно уверенной, чтобы заставить понервничать.

– Я найду способ, обещаю. Гильотину, скальпель – что угодно.

Теперь рука гладила его, терлась, словно кошка.

– Но сделаем все по-моему. И тогда, когда я скажу. Ведь если убьешь меня, у тебя тоже не останется шансов выжить, так? Тебя просто похоронят вместе со мной, как случилось с руками отца.

Ладонь перестала его гладить и принялась взбираться по стенке картотечного шкафа.

– Мы договорились? – спросил Чарли.

Но рука не обращала на него внимания. Она внезапно потеряла всякий интерес к сделке. Будь у нее нос, то она принюхивалась бы. За несколько мгновений все переменилось – договор был расторгнут.

Чарли неуклюже поднялся и подошел к окну. Изнутри стекло было грязным, а снаружи покрылось многолетним слоем запекшегося птичьего помета, но сквозь него можно было разглядеть парк. Тот тоже разбили в соответствии с завещанием миллионера: парк в английском стиле должен был стать таким же памятником хорошему вкусу старика, как здание – монументом его прагматизму. Но поскольку крыло начало разрушаться, парк забросили. Немногочисленные деревья либо засохли, либо сгибались под тяжестью необрезанных ветвей. Торчали квадратные ножки опрокинутых скамеек. Края газона покрылись сорняками, и лишь сам он был подстрижен – жалкая видимость ухода. Некто – доктор, нашедший минутку, чтобы спокойно покурить, – бродил среди заросших дорожек. Больше в саду никого не было.

Но рука Чарли уже тянулась к стеклу, скребла, царапала ногтями, тщетно пыталась выбраться наружу. Очевидно, там было что-то помимо запустения.

– Хочешь выйти, – сказал Чарли.

Ладонь прижалась к окну и начала ритмично стучать по стеклу, словно барабанщик невидимой армии. Чарли оттащил ее, но не знал, как поступить дальше. Если отвергнуть ее требования, она может причинить ему вред. А если согласиться и выйти в парк, то неизвестно, что там обнаружится. С другой стороны, разве у него есть выбор?

– Ладно, – произнес он, – мы уходим.

В коридоре царил паника, и на Чарли почти не обращали внимания, хотя он по-прежнему был босой и в пижаме. Трещали звонки; по громкоговорителям вызывали то одного, то другого врача; исполненных горя людей водили между моргом и туалетом. Кругом говорили о жутком несчастном случае, о парнях без рук. Дюжинах парней.

Чарли пробирался сквозь толпу слишком быстро, чтобы разобрать хоть одну связную фразу. «Лучше всего выглядеть деловито, – думал он, – как будто идешь с какой-то целью». Потребовалось время, чтобы найти выход в парк, а его рука уже начинала терять терпение. Она сжималась и разжималась, подталкивала вперед. Под указателем «Мемориальный парк фонда Чейни» Чарли свернул в безлюдный боковой коридор, в дальнем конце которого была дверь, ведущая наружу.

В парке было очень тихо. Ни птиц в воздухе, ни гудящих среди клумб пчел. Даже доктор ушел. Видимо, вернулся к своим операциям.

Рука Чарли пребывала в экстазе. С нее капал пот, а кровь отлила настолько, что кожа побелела. Казалось, рука больше не принадлежит Чарли. Это было отдельное существо, соединенное с ним по какой-то злополучной причуде анатомии. Чарли с радостью избавился бы от нее.

Трава под ногами была влажной от росы, а в тени семиэтажного здания оказалось прохладно. Время едва перевалило за половину седьмого утра. Возможно, птицы еще спали, а пчелы не жили в своих ульях. Возможно, в парке и не было ничего страшного, лишь сгнившие бутоны роз да червяки, кувыркающиеся в росе. Возможно, его рука ошиблась.

Пройдя чуть дальше, Чарли заметил следы доктора, темневшие на серебристо-зеленом газоне. Но добравшись до деревьев, где вся трава сделалась красной, он понял, что отпечатки ботинок вели только в одну сторону.

Босуэлл, пребывая в желанной коме, ничего не чувствовал и был этому рад. Он смутно сознавал, что может очнуться, но мысль была настолько расплывчатой, что ее легко было отбросить. Время от времени осколки реального мира (боль, усилия) скользили под его веками. Вспыхивали на миг и улетали прочь. Босуэлл ничего этого больше не хотел. И не хотел приходить в сознание. Он догадывался, что именно пытается его разбудить, что поджидает его, пиная своими пятками.

Чарли посмотрел вверх, на крону дерева. Плоды, висевшие на нем, были двух разных – и совершенно невообразимых – сортов.

Один оказался человеческим существом. Тем самым хирургом с сигаретой. Мертвым. Его шея застряла в развилке двух ветвей. Кистей у него не было. Руки оканчивались круглыми срезами, из которых на траву все еще стекали алые сгустки. Ветви над головой доктора кишели плодами другого сорта – еще более противоестественного. Руками. Казалось, они повсюду. Сотни рук, перестуком обсуждавших в своем ручном парламенте руководство к действию. Всех оттенков и форм, они сновали вверх и вниз по раскачивающимся веткам.

При виде них рассыпались любые метафоры. Никаких иллюзий не оставалось: это было не что иное, как человеческие руки. В том-то и заключался весь ужас.

Чарли хотел сбежать, но правая рука и слушать об этом не желала. Здесь собрались ее апостолы, они ждали притч и пророчеств. Чарли посмотрел на мертвого доктора, затем на смертоносные руки и подумал об Эллен, о *своей* Эллен, не по его вине убитой и уже окоченевшей. Они поплатятся за это. Все до одной. Он заставит их расплачиваться, пока остальные части тела повинуются ему. Теперь Чарли понимал, что трусостью было торговаться с раковой опухолью на своем запястье. Она и ей подобные – это чума. Им нет места в жизни.

Армия увидела его, весть о его появлении лесным пожаром разнеслась по рядам. Руки помчались вниз по стволу, некоторые, словно созревшие яблоки, падали с нижних ветвей, торопясь обнять Мессию. Через несколько мгновений они набросятся на Чарли. Тогда преимущество будет утрачено. Сейчас или никогда. Он отступил от дерева прежде, чем правая рука успела ухватиться за ветку, и в поисках вдохновения взглянул на мемориальное крыло Чейни. Оно нависло над парком: окна отражали небо, двери были закрыты. Ничего утешительного.

Позади Чарли слышал шорох травы, которую топтали бесчисленные пальцы. Руки уже догоняли, иступленно следуя за своим лидером.

«Конечно! Они пойдут за мной, – догадался он. – Куда бы я их ни повел, они пойдут». Возможно, их уязвимость и заключалась в слепом обожании, которое они испытывали к оставшейся у него руке. Чарли снова отчаянно осмотрел здание, и его взгляд наткнулся на пожарную лестницу, которая зигзагами вела на крышу. Он рванул к ней, удивляясь собственной скорости. Не было времени оглянуться и проверить, следуют ли за ним мятежники, приходилось верить в их преданность.

Через несколько шагов его разъяренная рука вцепилась в шею, грозя вырвать горло, но Чарли мчался вперед, не обращая внимания на ее хватку. Он добрался до нижней части лестницы и, пружиня от адреналина, запрыгал через две-три металлические ступеньки. Удержи-

вать равновесие, не касаясь руками перил, оказалось нелегко, но, пусть он хоть весь покроется синяками, это ведь всего лишь тело.

На площадке третьего этажа он рискнул взглянуть через решетку вниз. Руки ковром свежих цветов устилали землю и тянулись вверх. К нему. Они прибывали сотнями, изголодавшейся массой ногтей и ненависти. «Пусть идут, – подумал он, – пусть идут, ублюдки. Я это начал – я и закончу».

В окнах мемориального крыла Чейни появилось множество лиц. С нижних этажей доносились полные паники и недоверия голоса. Слишком поздно рассказывать им историю своей жизни. Придется самим собирать ее по частям. Какой отличный пазл получится! Быть может, пытаясь понять произошедшее, они найдут какой-нибудь правдоподобный ответ, объяснение, которого он не увидел. Но все же Чарли в этом сомневался.

Четвертый этаж. Дальше, еще дальше, к пятому. Правая рука впилась в шею. Наверное, он истекает кровью. А может, это дождь. Теплый дождь хлещет его по груди и ногам. Еще два этажа – и крыша. Ниже металлические конструкции загудели от бесчисленных тварей, карабкавшихся к нему. Чарли рассчитывал на их обожание и не ошибся. До крыши осталась дюжина шагов. Он рискнул еще раз взглянуть вниз (никаким дождем его не поливало). Кисти рук сплошным слоем покрывали пожарную лестницу, будто тля – стебель цветка. Нет, опять лирика. Довольно.

Наверху дул ветер. Он сулил прохладу, но у Чарли не было времени оценить его обещания. Он перелез через двухфутовый парапет и оказался на покрытой гравием крыше. В лужах валялись трупы голубей, по бетону змеились трещины, лежало на боку ведро с надписью «Грязный перевязочный материал» и позеленевшим содержимым. Чарли начал пересекать эту пустыню, когда через парапет перебрался первый солдат восставшей армии.

Боль в горле добралась до бешено работавшего мозга лишь тогда, когда предательские пальцы впились в трахею. После гонки по пожарной лестнице у Чарли едва оставались силы, чтобы добраться до противоположной стороны крыши (и рухнуть оттуда прямо на бетон). Он споткнулся раз, другой. Ноги стали ватными, вместо связных мыслей голова наполнилась чепухой. Коан, буддийская загадка, которую он однажды увидел на обложке книги, зудела в мозгу.

«Как звучит...» – начиналась она, но, сколько ни старался, Чарли не мог закончить фразу.

«Как звучит...»

«Забудь о загадках», – приказал он себе, заставляя дрожащие ноги сделать шаг, потом еще один. Чарли почти рухнул на парапет с противоположной стороны крыши и устоял вниз. Отвесное падение. Перед зданием располагалась автостоянка. Пустая. Чарли наклонился еще ниже, капли крови срывались с его разорванной шеи, быстро уменьшались и разбивались о землю.

– Я иду, – сообщил он гравитации и Эллен, подумав, до чего славно было бы умереть и никогда больше не волноваться из-за того, что кровоточат десны, или раздалась талия, или красotka, чьи губы он хотел бы поцеловать, но не поцелует, прошла мимо. И тут на него набросилась армия, в пылу победы карабкаясь по ногам.

– Вы пойдете, – произнес Чарли, когда безрассудные в своем энтузиазме твари полностью облепили его тело. – Пойдете за мной, куда бы я ни шел.

«Как звучит...» – фраза вертелась на кончике языка.

Ах да, теперь до него дошло. «Как звучит хлопок одной ладони?» Так приятно вспомнить то, что упорно пытаешься откопать в своем подсознании. Все равно что найти безделушку, которая казалась потерянной навсегда. Довольный трепет подсластил последние мгновения. Чарли бросился в пустоту. Он все падал и падал, пока не наступил внезапный конец и гигиене зубов, и красоте молодых женщин. Твари дождем летели за ним, бросались вниз, стремясь за своим Мессией, и волна за волной разбивались о бетон.

Для столпившихся у окон пациентов и медсестер это была сцена из мира чудес. В сравнении с ней и дождь из лягушек показался бы обычным делом. Зрелище внушало скорее благоговение, чем ужас. Оно было невероятным. И слишком быстро закончилось, а примерно через минуту несколько смельчаков отважились выйти и взглянуть поближе. Нашли они немало, но все-таки пустяки. Конечно, увидишь такое нечасто и подобный ужас не забудешь. Но особого смысла в нем нет. Всего лишь реквизит для небольшого апокалипсиса. Оставалось только прибраться, и руки людей, неохотно подчинившись, каталогизировали мертвецов и упаковывали их для дальнейшего изучения. Некоторые из участников улучили момент и помолились за то, чтобы это происшествие разъяснилось. Или, по крайней мере, сны обошлись без сновидений. Даже немногочисленные среди персонала агностики удивлялись тому, с какой легкостью их ладони складываются вместе.

Босуэлл пришел в себя в отдельной палате реанимации. Он потянулся к кнопке звонка и нажал, но никто не отозвался. Хотя рядом кто-то был – прятался за ширмой в углу. Босуэлл слышал шарканье ног.

Парень снова нажал на кнопку. По всему зданию раздавались трели, но, казалось, на них никто не отвечал. Воспользовавшись тумбочкой вместо рычага, Босуэлл подтянул себя к краю кровати, чтобы лучше разглядеть прятавшегося в палате шутника.

– Выходи, – прошептал он пересохшими губами. Но ублюдок выжидал. – Выходи... Я знаю, что ты здесь.

Парень сдвинулся еще немного и внезапно понял: его центр тяжести радикально изменился, у него нет ног, и он сейчас свалится с кровати. Босуэлл выставил перед собой руки, чтобы не удариться головой об пол. Удалось, но дыхание вышибло. Ошарашенный, он лежал там же, где упал, и пытался сориентироваться. Что вообще случилось? Где его ноги? Во имя Джа, где его ноги?

Налитые кровью глаза оглядели комнату и остановились на голых ступнях, которые теперь находились в ярде от носа. Бирка на щиколотке указывала, что их отправляют на кремацию. Босуэлл поднял голову. Перед ним стояли его собственные ноги. Отрезанные между пахом и коленом, но по-прежнему живые и брыкающиеся. На миг парню показалось, что они собираются причинить ему вред. Но нет – дав знать о своем присутствии, ноги оставили его, вполне удовлетворенные своим освобождением.

А что, если их свободе завидуют и глаза, гадал парень, или языку не терпится вырваться изо рта и убраться прочь? Что, если каждая из частей тела на свой коварный манер готовится оставить его? Он был союзом, скрепленным слабеньким перемирием. Прецедент уже был. Сколько времени осталось до следующего восстания? Минуты? Годы?

С бьющимся где-то в горле сердцем он ждал падения империи.

Нечеловеческая Доля (пер. Марии Акимовой)

– Значит, это ты? – требовательно спросил Рэд, стиснув плечо бродяги в изношенном плаще.

– О чем вы? – ответило покрытое грязью лицо.

Взглядом затравленного грызуна бродяга обвел загнавших его в угол четверых парней. Туннель, где они нашли его справлявшим нужду, не оставлял надежды на спасение. Им об этом было известно, и ему, похоже, тоже.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Ты показывал себя детям, – сказал Рэд. Мужчина затряс головой, слюна полетела с губ на спутанные заросли бороды.

– Я ничего не сделал, – убеждал он.

К мужчине неторопливо подошел Брендан, его тяжелые шаги гулко отдавались в туннеле.

– Как тебя зовут? – с обманчивой обходительностью осведомился он. Хотя ему не хватало роста и командных замашек Рэда, шрам, пересекавший щеку Брендана от виска до подбородка, говорил о том, что парню известно и как испытывать боль, и как ее причинять. – Имя. Я не собираюсь спрашивать дважды.

– Поуп, – пробормотал старик. – Мистер Поуп. Брендан ухмыльнулся:

– *Мистер* Поуп? Так вот, мы слышали, что ты показываешь свой вонючий мелкий хер невинным детям. Что скажешь?

– Нет, – Поуп снова затряс головой. – Это неправда. Я никогда подобного не делал.

Он насупился, и грязь на его лице треснула, будто взбесившаяся мостовая или вторая кожа из накопившихся за много месяцев нечистот. Если бы не запах алкоголя, который заглушал вонь тела, стоять в ярде от старика было бы почти невозможно. Этот тип был отбросом, позором для рода человеческого.

– Чего с ним возиться? – произнес Карни. – Он смердит.

Рэд бросил взгляд через плечо, веля тому умолкнуть. В свои семнадцать лет Карни был самым молодым и по негласной иерархии квартета едва ли заслуживал права голоса. Осознав ошибку, тот утих, давая Рэду вновь сосредоточиться на бродяге. Вожак швырнул Поупа в стену туннеля. Старик ударился спиной о бетон и завопил. Эхо подхватило его крик. По прошлому опыту зная, что произойдет дальше, Карни отошел в сторону и стал изучать золотистое облако мошкар на выходе из туннеля. Хоть ему и нравилось болтаться с Рэдом и остальными – чувство локтя, мелкие кражи, выпивка, – эта игра никогда не была ему по вкусу. Карни не видел ничего забавного в том, чтобы отыскивать пьяные развалины вроде Поупа и выбивать остатки здравого смысла из их полоумных голов. Это заставляло парня чувствовать себя грязным, и он не хотел в этом участвовать.

Рэд оттащил Поупа от стены и разразился потоком ругательств прямо ему в лицо, а когда не получил полноценного ответа, снова швырнул старика – на этот раз гораздо сильнее, – после чего схватил за лацканы и тряс до тех пор, пока тот не захрипел. Поуп бросил полный паники взгляд на тропинку. Когда-то через Хайгейт и Финсбери-парк проходила железная дорога. Пути давно исчезли, а территория превратилась в общественный парк, популярный среди любителей ранних пробежек и припозднившихся парочек. Но сейчас, в разгар промозглого дня, тропинка была пустынна.

– Эй, – произнес Кэтсо, – не разбей его бутылки.

– Верно, – согласился Брендан. – Надо откопать выпивку, прежде чем проломить ему голову.

Заслышав, что у него отнимут алкоголь, Поуп начал вырываться, но ерзанье только разозлило его мучителя. Рэд был в отвратительном настроении. День – как и большинство дней наступившего бабьего лета – выдался влажным и скучным. Неприметный огарок растраченного лета – делать нечего, денег нет. Нужно было как-то развлечься, и Рэд забавлялся с Поупом, будто лев с христианином.

– Станешь сопротивляться – будет больно, – предупредил Рэд. – Мы просто хотим посмотреть, что у тебя в карманах.

– Не ваше дело, – отрезал Поуп, на миг заговорив как человек, привыкший, что ему повинуются.

Эта вспышка гнева заставила Карни отвлечься от мошкары и взглянуть в изможденное лицо старика. Деграция лишила его достоинства и силы, но что-то там еще оставалось, мерцало под слоем грязи. «Кем же был этот мужик? – подумал Карни. – Банкиром? Судьей, навсегда потерянным для закона?»

В драку уже вмешался Кэтсо: он обыскивал одежду Поупа, пока Рэд прижимал пленника за горло к стенке туннеля. Старик изо всех сил отбивался, размахивал руками будто ветряная мельница, а его глаза становились все более дикими. «Не сопротивляйся, – внушал ему Карни, – тебе же хуже будет». Но старик, казалось, почти впал в истерику. Его тихое протестующее хрипение походило скорее на звериное, чем на человеческое.

– Кто-нибудь, придержите его, – велел Кэтсо, уклоняясь от атаки Поупа.

Брендан схватил бродягу за запястья и поднял его руки над головой, чтобы облегчить обыск. Даже теперь, безо всякой надежды на освобождение, Поуп продолжал извиваться. Ему удалось крепко пнуть Рэда в левую голень. Последовал ответный удар в лицо. Кровь хлынула из носа старика и потекла ему в рот. Карни знал, что там, откуда она бралась, хранилось еще больше разных цветов. Он видел достаточно фотографий выпотрошенных людей – сверкающие грозди кишок, желтый жир, пурпурные легкие. И все это великолепие было заперто в сером мешке тела Поупа. Карни не понимал, почему подобная мысль вдруг пришла ему в голову. Она его расстроила, и парень попытался снова отвлечься на мошек, но Поуп опять привлек к себе внимание, издав страдальческий крик, когда Кэтсо разорвал один из его жилетов, стараясь добраться до нижних слоев одежды.

– Ублюдки! – визжал старик, не заботясь о том, что оскорбления приведут к новым побоям. – Уберите свои поганые руки, или я убью вас. Всех вас!

Кулак Рэда положил конец угрозам. Снова брызнула кровь. Поуп тут же плюнул ею в своего мучителя.

– Не искушай меня, – голос старика снизился до шепота. – Я тебя предупреждаю...

– Ты пахнешь дохлой псиной, – сказал Брендан. – Ты, выходит, дохлая псина?

Поуп не удостоил его ответом. Глаза бродяги пристально следили за Кэтсо, который, деловито опустошая карманы пальто и жилета, бросал один за другим на пыльный пол туннеля жалкие сувениры.

– Карни, – рявкнул Рэд, – погляди, что там? Есть что-нибудь стоящее?

Тот уставился на пластиковые безделушки, грязные клочки, изодранные листы бумаги (был ли этот человек поэтом?) и бутылочные пробки.

– Один хлам, – сказал он.

– Все равно погляди, – велел Рэд. – Может быть, в эту дрянь деньги завернуты.

Карни не сдвинулся с места.

– Давай же, черт тебя дери!

Парень неохотно присел на корточки и принялся рыться в куче мусора, которая благодаря Кэтсо продолжала расти. Карни с первого взгляда понял, что там нет ничего ценного, хотя, возможно, некоторые предметы – потрепанные фотографии, почти неразборчивые записки – могли дать ключ к тому, что за человеком был Поуп, пока пьянство и подступающее безумие

не стерли его воспоминания. При всем своем любопытстве Карни хотел проявить уважение к частной жизни старика, ведь больше у того ничего не осталось.

– Пусто, – объявил парень после беглого осмотра.

Но Кэтсо еще не закончил поиски. Чем глубже он закапывался, тем больше слоев грязной одежды попадалось в его нетерпеливые руки. Карманов у Поупа оказалось больше, чем у фокусника.

Карни оторвал взгляд от кучки невзрачных предметов и, к своему неудовольствию, обнаружил, что старик смотрит на него. Измученный и избитый, он уже оставил свои протесты. Вид у него был жалкий. Карни раскрыл ладони, показывая, что ничего не взял. В ответ Поуп слегка кивнул.

– Нашел! Мать его, нашел! – торжествующе завопил Кэтсо и вытащил наружу бутылку водки.

Поуп то ли слишком ослаб, чтобы заметить кражу выпивки, то ли слишком устал, чтобы беспокоиться об этом. В любом случае, пока у него забирали спиртное, он не издавал ни единого недовольного звука.

– А еще? – Брендан захихикал; пронзительный звук его смеха предупреждал о нараставшем возбуждении. – Может, там, откуда взялась эта, у псыны есть еще.

Он отпустил руки Поупа и оттолкнул в сторону Кэтсо. Последний не возражал – он заполучил бутылку и был доволен. Кэтсо отбил горлышко, чтобы не заразиться, и принялся пить, сидя на корточках среди грязи. Стоило Брендану перехватить инициативу, как Рэд отпустил Поупа. Игра явно наскучила жожаку. Брендан же, напротив, только начинал входить во вкус.

Рэд подошел к Карни и носком ботинка расшвырял вещи бродяги.

– Отстой, – равнодушно констатировал он.

– Ага, – сказал Карни, надеясь, что разочарование Рэда положит конец унижениям старика.

Но Рэд бросил Брендану кость, и лучше было даже не пытаться ее вырывать. Карни уже видел, какими талантами к насилию обладает приятель, и не имел ни малейшего желания наблюдать их снова. Вздохнув, он встал и повернулся к происходящему спиной. Однако эхо в туннеле отчетливо доносило звуки ударов и сдавленную ругань. Судя по опыту, ничто не остановит Брендана, пока его ярость не иссякнет. И любой, у кого хватит глупости вмешаться, окажется следующей жертвой.

Рэд прошел вглубь туннеля и, закулив, с безразличием наблюдал за расправой. Карни оглянулся на Кэтсо. Тот сполз на землю и зажимал бутылку водки между вытянутых ног. А еще усмехался, оставаясь глух к умоляющему лепету, который срывался с разбитых губ бродяги.

У Карни свело желудок. Скорее для того, чтобы отвлечься от избиения, чем из искреннего любопытства, парень вернулся найденному в карманах старика хламу, покопался и взял одну из фотографий. На ней был ребенок, хотя о семейном сходстве догадаться было невозможно. Теперь лицо Поупа было почти не узнать: один глаз уже начал заплывать синяком. Карни бросил снимок к остальным сувенирам. И тут заметил длинный узловатый шнурок, на который прежде не обращал внимания. Парень снова взглянул на Поупа. Заплывший глаз уже закрылся, другой казался незрячим. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, Карни вытащил шнур, свернувшийся среди хлама, будто змея в гнезде. Узлы всегда его завораживали. Хоть он и не умел решать научные загадки (математика, как и тонкости языка, оставались для него тайной), но питал интерес к более осязаемым головоломкам. Заполучив узел, пазл или железнодорожное расписание, Карни с удовольствием растворялся в них на несколько часов. Этот интерес возвращал его в детство. В одинокое детство. Когда нет ни отца, ни братьев с сестрами, чтобы занять тебя, то лучшим другом становится головоломка.

Карни снова и снова крутил шнурок, рассматривал три узла, расположенных посередине, в дюйме друг от друга. Большие и асимметричные, они, казалось, не служили никакой видимой

цели, кроме разве что увлечь кого-то, похожего на него. Как еще объяснить такую хитроумную конструкцию, если не тем, что вязальщик из всех сил старался создать почти неразрешимую задачу? Пальцы Карни пробежали по поверхности узлов, инстинктивно отыскивая слабинку, но те были настолько здорово продуманы, что даже самой тонкой иголке не удалось бы протиснуться между пересекающимися нитями. Слишком заманчивый вызов, чтобы его игнорировать. Карни снова взглянул на старика. Заметно уставший Брендан швырнул Поупа в стену туннеля. Тело свалилось в грязь и осталось лежать. От него воняло, как из канализации.

– Это было хорошо, – произнес Брендан, будто человек, принявший бодрящий душ. Румяное лицо покрывали капли пота, улыбка растянулась от уха до уха. – Дай-ка мне водки, Кэтсо.

– Она кончилась, – пробормотал Кэтсо, переворачивая бутылку. – Там и был-то всего глоток.

– Дерьмо ты лживое, – ухмыльнулся Брендан.

– А что, если и так? – Кэтсо отшвырнул пустую бутылку. Та разбилась. – Помоги мне встать, – попросил он приятеля.

Тот, пребывая в добродушном настроении, помог Кэтсо подняться на ноги. Рэд уже выходил из туннеля, остальные последовали за ним.

– Эй, Карни, – бросил через плечо Кэтсо, – ты идешь?

– Конечно.

– Может, ты хочешь поцеловать псинку? – предположил Брендан.

Услышав это, Кэтсо едва не умер от смеха. Карни ничего не ответил. Он встал и, взгляды-ваясь в неподвижно лежавшую фигуру, попытался заметить хоть проблеск сознания. Но ничего не увидел. Он посмотрел вслед остальным. Троица уходила прочь по тропинке.

Карни быстро спрятал в карман шнурок с узелками – кража заняла всего секунду – и тут же ощутил прилив торжества, совершенно несоразмерного ценности добычи. Он уже предвкушал часы радости, которую подарят ему узлы. Время, когда он сможет забыть о самом себе и своей пустоте, забыть о бесплодном лете и лишенной любви зиме впереди, забыть о старике, лежащем в ярде от него в луже собственных нечистот.

– Карни! – окликнул Кэтсо.

Карни развернулся и зашагал прочь от тела Поупа и его вещей. Когда до конца туннеля оставалось несколько шагов, старик что-то забормотал в бреду. Слов было не разобрать, но стены по какой-то причуде акустики усиливали звук. Голос Поупа разносился из одного конца туннеля в другой, наполняя шепотом все пространство.

Лишь поздно ночью, когда Карни сидел один в своей спальне, а за стеной во сне рыдала мать, у него нашлось время изучить узлы. О краже шнура он никому не рассказал. Это был такой пустяк, что его бы высмеяли за одно упоминание. Кроме того, узлы бросали вызов ему лично, и справиться с ними – а может, потерпеть неудачу – следует наедине.

После недолгих споров с самим собой Карни выбрал, на какой узел наброситься первым, и принялся за дело. Полностью поглощенный задачей, он почти сразу утратил всякое чувство времени. Часы блаженного отчаяния летели незаметно, а Карни исследовал переплетения, разыскивая какой-нибудь ключ к скрытой системе завязывания. И ничего не находил. Если в схеме расположения петель и было какое-то логическое объяснение, то оно оказалось за пределами его понимания. Единственное, на что он мог надеяться, так это на решение методом проб и ошибок. Рассвет грозился снова засиять над миром, когда парень наконец бросил шнурок, чтобы урвать несколько часов сна. За ночь узел удалось лишь совсем немного ослабить.

За следующие четыре дня проблема превратилась в идею фикс, в одержимость, к которой Карни возвращался при любой возможности. Он ковырял узел пальцами, которые начали все чаще затекать. Загадка увлекла как никогда в жизни. Трудясь над узлом, он становился глух

и слеп к окружающему миру. Ночью в освещенной лампой комнате или днем в парке Карни почти физически чувствовал, как его затягивает в самый центр запутанного узла, а разум его был настолько сосредоточен, что мог проникнуть туда, куда не добирался свет. Но, несмотря на настойчивость, распутывание шнура оказалось делом небыстрым. В отличие от большинства попадавшихся Карни узлов, которые, чуть их ослабь, уступали, конструкция этого была так ловко устроена, что распусти в одном месте – и он запутается и затянется в другом. Хитрость, как начал догадываться парень, состояла в том, чтобы работать со всех сторон, ослабляя узел по кругу с одинаковой скоростью. Такое планомерное вращение хоть и утомляло, но постепенно начало давать результаты.

В то время Карни не виделся ни с Рэдом, ни с Бренданом, ни с Кэтсо. Их молчание навело на мысль, что его отсутствие тоже не вызывало особых слез. Поэтому Карни удивился, когда в пятницу вечером к нему появился Кэтсо. Тот пришел с планом. Они с Бренданом нашли подходящий для ограбления дом и хотели, чтобы Карни постоял на стреме. Парень уже проделывал подобное пару раз. В обоих случаях это был мелкий взлом с проникновением: первый принес много ходовой ювелирки, второй – несколько сотен фунтов наличными. Однако теперь работать предстояло без их вожака: он все сильнее увлекался Аннелизой, а та, по словам Кэтсо, заставила Рэда поклясться оставить мелкое воровство и приберечь свои таланты для чего-то более амбициозного.

Карни почувствовал, что Кэтсо – да и Брендан, скорее всего, тоже – жаждут доказать свое криминальное мастерство. Он утверждал, что выбранный дом был идеальной мишенью, и Карни окажется последним придурком, если упустит такую легкую наживу. Тот кивал, видя энтузиазм приятеля, но думал совсем о другой добыче. Когда речь окончилась, Карни согласился на работу, но не из-за денег, а потому, что, сказав да, мог поскорее вернуться к узлу.

Поздно вечером приятели встретились, как и предлагал Кэтсо, чтобы осмотреть место намеченной работы. Расположение, безусловно, обещало легкий улов.

Карни часто ходил по мосту, через который Хорнси-лейн пересекала Арчвей-роуд, но прежде не замечал крутую дорожку – то ли лестницу, то ли тропинку, – спускавшуюся от моста к дороге внизу. Начало ее было узким и неприметным, а весь извилистый путь освещал единственный фонарь, чей свет затеняли деревья примыкавших садов. Именно эти сады – их заборы несложно проломить или перелезть – давали прекрасный доступ к домам. Вор мог безнаказанно прийти и уйти по укромной тропинке, оставаясь незамеченным с обеих улиц. Требовалось только постеречь саму дорожку и предупредить о случайном прохожем, если таковой решит ею воспользоваться. Эта роль и отводилась Карни.

Следующая ночь была настоящим раздольем для любого вора. Прохладно, но нехолодно; облачно, но без дождя.приятели встретились в Хайгейт-хилл, у ворот церкви Ордена Страстей Господних, а оттуда до шли до Арчвей-роуд. Брендан утверждал, что, если приближаться к дорожке сверху, можно привлечь к себе лишнее внимание. На Хорнси-лейн часто встречались полицейские патрули, отчасти потому, что мост был неотразим для местных депрессоидов. Место имело явные преимущества в глазах настойчивых самоубийц, а главная его привлекательность заключалась в том, что если бы вас не убило падение с восьмидесяти футов, то это обязательно сделали бы грузовики, мчащиеся на юг по Арчвей-роуд.

Тем вечером вожаком стал Брендан, довольный, что ведет других, а не занимает место в тени Рэда. Он возбужденно трепался, в основном о девках. Почетное место рядом с ним Карни уступил Кэтсо, а сам отстал на несколько шагов. Его рука пряталась в кармане куртки, где ждали узлы. В последние часы шнурок начал выделять фокусы с уставшими от недосыпа глазами. Иногда даже казалось, что обрывок шевелится в руке, словно пытаясь самостоятельно развязаться. И теперь, пока троица приближалась к месту, Карни почудилось, что шнурок под ладонью сдвинулся.

– Эй, чувак... ты только погляди, – Кэтсо указал на погруженную во тьму дорожку. – Кто-то погасил фонарь.

– Сбавь тон, – велел ему Брендан и пошел вперед.

Темнота была неполной – немного света доходило с Арчвей-роуд, – но из-за густых кустов тропинка была едва различима. Карни с трудом мог разглядеть даже собственные руки. Зато темнота, по-видимому, отпугнула всех пешеходов, кроме самых уверенных в себе. Когда парни проделали чуть больше половины пути, Брендан сделал знак остановиться.

– Этот, – объявил он.

– Ты уверен? – спросил Кэтсо.

– Я считал сады. Это он.

Заднюю часть сада огораживал ветхий забор. Брендану потребовалось дернуть лишь раз (рев грузовика на шоссе заглушил треск досок) – и доступ внутрь был открыт. Брендан протиснулся сквозь буйно разросшиеся заросли ежевики. Кэтсо последовал за ним, ругаясь на царапавшие его колючки. Крепким словом Брендан заставил его заткнуться, а затем повернулся к Карни:

– Мы в дом. Когда выйдем, свистнем дважды. Ты помнишь сигналы?

– Он же не дебил. Верно, Карни? Все с ним будет в порядке. Так мы идем или нет?

Брендан ничего не ответил.

Две темные фигуры двинулись сквозь заросли ежевики к ухоженной части сада. Выйдя из тени деревьев на лужайку, они выглядели серыми силуэтами на фоне дома. Карни наблюдал, как парни подходили к двери черного хода, и услышал шум, когда Кэтсо – самый ловкий из двоих – взломал замок. Затем парочка скользнула внутрь. Карни остался один.

Ну, не совсем *один*. Товарищи на шнурке по-прежнему были с ним. Карни бросил взгляд вверх и вниз по тропинке, в подкрашенном светом газовых ламп сумраке его зрение постепенно делалось острее. Пешеходов не было. Удовлетворенный, парень вытащил из кармана узелки. Те едва удавалось различить, да и сами руки казались призрачными тенями. Но пальцы, почти неосознанно, снова принялись за исследование, и, как ни странно, за несколько секунд слепых манипуляций он добился больших результатов, чем за все предыдущие часы. Лишенный зрения, Карни действовал инстинктивно, и это творило чудеса. И опять у него возникло сбивающее с толку ощущение, что узел будто становится соучастником собственной гибели. Ободренные близостью победы, пальцы скользили по шнуру с вдохновенной точностью и словно притягивали нужные нити.

Карни еще раз посмотрел вдоль дорожки, чтобы убедиться, что она по-прежнему пуста, а затем глянул на дом. Дверь осталась открытой, но ни Кэтсо, ни Брендана не было. Парень снова сосредоточился на задачке в своих руках. И едва не рассмеялся над той легкостью, с какой узел внезапно распутался.

Глаза, заискрившиеся, наверное, от волнения, сыграли с ним поразительную шутку. Вспышки необычных, не имеющих названия цветов возникли из сердцевины узла и засияли перед Карни. Свет падал на его неутомимые пальцы, отчего плоть сделалась прозрачной. Он мог разглядеть свои нервные окончания, яркие от новообретенной чувствительности, и кости пальцев до самого костного мозга. Неожиданно вспыхивая, цвета почти так же внезапно гасли, оставляя замороженные глаза во мраке, а потом загорались вновь.

Сердце стучало в ушах. Карни чувствовал, что узел вот-вот развяжется окончательно. Переплетенные нити совершенно точно распускались. Уже не пальцы играли со шнурком, а наоборот. Карни растягивал петли, чтобы пропустить сквозь них оставшиеся два узла, тянул, проталкивал – и все по воле шнура.

Цвета вновь появились, но пальцы словно стали невидимыми, и сквозь них Карни увидел что-то сиявшее в последних перекрестиях узла. Фигурку, которая извивалась, будто рыба в

сети. И с каждой сброшенной петлей она увеличивалась. Молот в голове застучал в два раза быстрее. Воздух вокруг стал почти вязким, словно Карни погружался в грязь.

Кто-то свистнул. Сигнал должен был что-то означать, но парень никак не мог вспомнить, что именно. Слишком многое отвлекало: сгустившийся воздух, грохот в голове, узел, сам себя развязывающий в беспомощной руке, фигурка в центре – извивающаяся, сверкающая, – которая негодовала и росла.

Свист раздался снова. На сей раз его настойчивость вывела Карни из транса. Он поднял голову. Брендан уже пересекал сад, а в нескольких ярдах позади него тащился Кэтсо. У Карни был всего миг, чтобы отметить их появление, а узел уже перешел к заключительной фазе своего исчезновения. Последнее переплетение распуталось, и фигурка из сердцевины, увеличиваясь по экспоненте, метнулась в лицо Карни. Тот отшатнулся, чтобы не лишиться головы, и существо пронеслось мимо. Потрясенный парень споткнулся о заросли ежевики и свалился прямо в их колючее ложе. Кроны над головой трясло, как при сильном ветре. Вокруг сыпались листья и мелкие сучки. Карни всматривался в путаницу ветвей, пытаясь разглядеть фигуру, но та уже скрылась из виду.

– Чего ты не отвечал, идиот? – прорычал Брендан. – Мы думали, ты нас кинул.

Карни, едва заметивший запыхавшегося приятеля, по-прежнему вглядывался в кроны деревьев. Смердный запах холодной грязи раздирал ноздри.

– Тебе лучше двигаться, – сказал Брендан, перелезая через сломанный забор и выходя на дорожку.

Карни попытался подняться на ноги, но шипы ежевики, запутавшиеся в волосах и одежде, не пускали.

– Черт! – раздался шепот Брендана с другой стороны забора. – Полиция! На мосту.

Наконец до края сада добрался и Кэтсо.

– Что ты там делаешь? – спросил он у Карни.

Тот протянул руку:

– Помоги.

Приятель схватил его за запястье, но в этот момент Брендан прошепел: «Полиция! Двигаем!» – и Кэтсо, отказавшись от своей попытки помочь, нырнул сквозь дыру в заборе и помчался за Бренданом к Арчвей-роуд.

Карни понадобилось несколько секунд, чтобы понять – шнурок с оставшимися узлами исчез. Парень был уверен, что не ронял его. Скорее всего, тот сбежал намеренно, воспользовавшись единственной возможностью – кратким рукопожатием с Кэтсо. Карни потянулся, ухватился за гнилой забор и поднялся на ноги. Полиция полицией, но нужно было предупредить Кэтсо о том, что натворил шнур. Это похуже будет, чем близость законников.

Мчась по тропинке, Кэтсо даже не заметил, что узлы незаметно пробрались ему в руку. Он был слишком занят побегом. Брендан уже исчез на Арчвей-роуд и был далеко. Кэтсо бросил взгляд через плечо, проверяя, не преследуют ли его полицейские. Однако их нигде не было видно. «Даже если они сейчас кинутся в погоню, – рассудил он, – все равно не поймают». Остался только Карни. Кэтсо замедлил шаг, затем остановился и оглянулся, проверяя, не идет ли за ним этот придурок, но тот даже через забор не перелез.

– Черт бы его побрал, – пробормотал под нос Кэтсо. Может, вернуться по своим следам и выручить его?

Кэтсо в нерешительности остановился на темной дорожке и понял, что шум, принятый им за порывы ветра в нависающих деревьях, внезапно стих. Неожданная тишина озадачивала. Он поднял глаза от тропинки к ветвям над головой, и его испуганный взгляд поймал подползавшую все ближе и ближе фигуру, за которой тянулся запах грязи и гнили. Медленно, будто во сне, Кэтсо заслонился руками, но существо протянуло вниз холодные мокрые конечности и схватило его.

Перелезая через ограду, Карни увидел, как Кэтсо оторвало от земли и утащило в кроны деревьев, как ноги молотили воздух, а украденные вещи сыпались из карманов, и вприпрыжку понесся в сторону Арчвей-роуд.

Кэтсо завизжал, его ноги задержались отчаяннее. С моста раздался чей-то окрик. «Полицейские», – догадался Карни. В следующую секунду он услышал топот бегущих ног. Взглянул на Хорнси-лейн (офицеры еще не добрались до начала дорожки), снова посмотрел в сторону приятеля – и в тот же миг заметил падающее с дерева тело. Кэтсо безвольно рухнул на землю, но сразу же вскочил, кинув быстрый взгляд через плечо. Даже в полумраке на его лице было заметно безумие. А после Кэтсо бросился бежать.

За ним погнались двое полицейских, которые появились со стороны моста, а Карни скользнул обратно за забор, довольный тем, что у приятеля есть фора. Все это – узел, ограбление, погоня, крик и прочее – заняло какие-то секунды, за которые Карни и дух не успел перевести. Теперь же он лежал на колючей подушке из ежевики и отдувался, словно выброшенная на берег рыба, а по другую сторону забора полицейские с криками мчались за своим подозреваемым.

Но Кэтсо едва слышал их приказы. Он бежал не от полиции, а от грязной твари, которая подняла его познакомиться со своим изрезанным и покрытым язвами лицом. Уже добравшись до Арчвей-роуд, он почувствовал дрожь в коленях. Кэтсо был уверен: если ноги подведут, тварь снова придет за ним и прижмет губами к его губам, как уже проделывала. Только на этот раз у него не останется сил на крик – жизнь попросту высосут из его легких. Единственная надежда – увеличить расстояние между собой и своим мучителем.

Дыхание чудовища гудело в ушах. Кэтсо перелез через отбойник, спрыгнул на мостовую и побежал через Южную автостраду. На полпути он осознал свою ошибку. Ужас в его голове затмевал все прочие опасности. Синий «Вольво» – рот водителя превратился в идеальную букву «О» – летел прямо на него. Кэтсо испуганным зверем замер в свете фар. Через миг скользящий удар швырнул его на тягач с прицепом, мчавший по встречной полосе. У этого водителя не было ни малейшего шанса отвернуть. Удар разорвал Кэтсо и сбросил его тело под колеса.

Лежа в саду, Карни слышал внизу истерический скрежет тормозов и голос полицейского, произнесший: «Господь Всемогуший». Парень подождал несколько секунд, а затем выглянул из своего укрытия. Дорожка опустела. Деревья стояли совершенно неподвижно. От шоссе доносился вой сирены и крики патрульных, которые приказывали подъезжавшим машинам остановиться. Неподалеку кто-то всхлипывал.

Несколько мгновений Карни напряженно прислушивался, пытаясь определить, кому принадлежат рыдания, прежде чем понял, что это он сам. Слезы слезами, но шум внизу требовал к себе внимания. Случилось что-то ужасное, и он должен был увидеть, что именно.

Но парень боялся бежать сквозь строй деревьев, зная, что его там ждет, а потому стоял и вглядывался в ветви, пытаясь заметить среди них чудовище. Однако ни звуков, ни движения не было. Деревья замерли точно мертвые. Подавив страх, Карни выбрался из укрытия и пошел по дорожке, настороженно высматривая в листве малейшие признаки твари. Он слышал гул собирающейся толпы. Мысль о людях успокаивала. Отныне ему нужно будет где-то прятаться, верно? Те, кто видел чудеса, так и поступали.

Он добрался до того места, где Кэтсо утащило на деревья. На земле остались куча листьев и краденое. Ноги Карни хотели поторопиться, подхватить, унести прочь, но какое-то извращенное чутье замедлило его шаги. Неужели ему захотелось уговорить порождение узла показать свое лицо? Хотя, пожалуй, лучше встретиться с ним сейчас, во всей его безобразности, чем жить в страхе, приукрашивая и внешность его, и способности. Но чудовище продолжало таиться. Если оно и оставалось на дереве, то и ногтем не шевельнуло.

Что-то сдвинулось под ногой Карни. Он посмотрел вниз. Там, почти затерявшись среди листьев, лежал шнурок. Видимо, Кэтсо сочли недостойным владельцем. Теперь – с ключом к разгадке его силы – шнурок не пытался сойти за что-то совершенно обычное. Он извивался на гравии, будто змея в жару, и поднимал узловатую голову, привлекая внимание Карни. Тот хотел проигнорировать его кульбиты, но не смог. Не подберет он – подберет кто-нибудь другой, дайте срок. Такая же жертва страстного желания разгадывать загадки. К чему может привести подобная наивность, как не к еще одному чудовищу из узла, возможно, более ужасному, чем первое? Нет, лучше самому забрать узелки. По крайней мере, Карни осознавал их возможности, а значит, отчасти был защищен. Он наклонился, и в этот момент шнурок буквально прыгнул ему в руки и так крепко обернулся вокруг пальцев, что парень чуть не вскрикнул.

– Ублюдок, – выдохнул он.

Шнурок обвил кисть и в восторженном приветствии заскользил между пальцами. Карни поднял руку, чтобы лучше рассмотреть его представление. Беспокойство из-за событий на Арчвей-роуд внезапно и почти чудесным образом испарилось. Какое значение имеют всякие мелкие заботы? Это всего лишь жизнь и смерть. Лучше свалить, пока есть такая возможность.

Над его головой качнулась ветка. Карни оторвал взгляд от узлов и, прищурившись, посмотрел на дерево. Стоило шнурку вернуться, как все тревоги и страхи рассеялись.

– Покажись, – велел Карни. – Я не такой, как Кэтсо, я не боюсь. И хочу знать, кто ты.

Выжидавшее чудовище наклонилось к нему из своего зеленого укрытия и сделало единственный леденящий выдох. Запахло отливом на реке и гниющими растениями. Карни уже собирался снова задать свой вопрос, но понял, что выдох и был ответом. Все, что чудовище могло сказать о себе, вмещалось в это едкое, протухшее дыхание. Вполне красноречиво. Подавленный образами, которые пробуждал запах, Карни попятился. Перед его мысленным взором шевелились вялые израненные фигуры, погруженные в грязь.

В нескольких футах от дерева чары рассеялись, и Карни втянул в себя загазованный воздух шоссе, словно свежий аромат утра. Парень повернулся спиной к страданию, которое ощутил, сунул обмотанную шнурком руку в карман и зашагал по дорожке. Деревья позади снова замерли.

На мосту собралось несколько дюжин зрителей, которые наблюдали за происходящим внизу. Их поведение возбуждало любопытство водителей, направлявшихся по Хорнси-лейн. Некоторые из них припарковали машины и вышли, чтобы присоединиться к толпе. Сцена под мостом казалась слишком далекой, чтобы пробудить в Карни хоть какие-нибудь чувства. Он стоял среди переговаривающихся зевак и бесстрастно смотрел вниз. Тело Кэтсо легко было узнать по одежде. От бывшего приятеля почти ничего не осталось.

Карни знал, что через какое-то время ему придется скорбеть. Но сейчас он ничего не чувствовал. В конце концов, Кэтсо ведь мертв, так? Его боли и волнениям пришел конец. Карни чувствовал, что мудрее приберечь слезы для тех, чьи страдания только начинаются.

И снова узлы.

Вернувшись домой той ночью, он попытался спрятать их, но после всего произошедшего они притягивали к себе с новой силой. Узлы сдерживали чудовищ. Как и почему, Карни не знал, и, как ни удивительно, сейчас это мало его заботило. Вся свою жизнь он принимал то, что мир полон тайн, которые его ограниченный разум не способен постичь. Из школьных уроков он вынес лишь осознание собственной дремучести. И эта новая загадка стала просто еще одним пунктом длинного перечня.

Ему в голову приходило лишь одно объяснение: старый бродяга каким-то образом подстроил кражу узлов, прекрасно понимая, что освобожденная тварь отомстит его мучителям. И какое-нибудь подтверждение своей теории он сможет получить только после кремации Кэтсо через шесть дней. А пока Карни держал свои страхи при себе, полагая, что чем меньше говорит

о событиях той ночи, тем меньше вреда они ему причинят. Слова придавали всему фантастическую правдоподобность. Делали реальными странные события, которые, как он надеялся, станут слишком хрупкими и рассыпятся, если оставить их в покое.

Когда на следующий день в дом заявили полицейские для рутинного опроса друзей погибшего, он заявил, что об обстоятельствах смерти Кэтсо ничего не знает. Брендан сделал то же самое, и, поскольку свидетелей, которые дали бы противоположные показания, видимо, не нашлось, Карни больше не допрашивали. Он наконец остался наедине со своими размышлениями и узлами.

С Бренданом они разок увиделись. Карни ждал от встречи взаимных обвинений. Приятель был уверен, что Кэтсо сбили, когда тот убегал от полиции, а ведь именно Карни из-за своей рассеянности не предупредил их о приближении законников. Но Брендан ни в чем его не обвинял. С готовностью, от которой разило чуть ли не охотой, он взял на себя тяжесть вины и говорил только о собственном просчете. Выглядевшая случайной, кончина Кэтсо обнаружила в Брендане неожиданную чуткость, и Карни захотелось рассказать невероятную историю целиком, от начала до конца. Но он чувствовал, что пока не время, и, позволив приятелю выплеснуть свою боль, сам держал рот на замке.

И опять узлы.

Иногда Карни просыпался среди ночи и чувствовал, как шнур шевелится под подушкой. Его присутствие успокаивало, а нетерпение не пробуждало того рвения, что было прежде. Парню хотелось потрогать оставшиеся узелки, изучить их загадки. Но он знал, что это станет капитуляцией и перед собственной увлеченностью, и перед их жадой освобождения. Стоило соблазну возникнуть – и Карни заставлял себя вызвать в сознании дорожку во мраке и тварь на деревьях, вновь пробуждая тягостные мысли, которые навевало дыхание чудовища. Мало-помалу горестные воспоминания окончательно погасили бы любопытство и Карни оставил бы шнур в покое. Как говорится, с глаз долой. Хотя и редко из сердца вон.

Какими бы опасными ни были узлы, Карни не мог себя заставить их сжечь. Владея этим коротким шнурком, он становился единственным в своем роде. Уникальным. А отказ от этого означал бы возвращение к прежней своей невзрачности. Карни подобного не хотел, хотя и подозревал, что его ежедневное тесное общение со шнурком постепенно ослабляло способность сопротивляться искушению.

О существе с дерева он ничего не слышал. И даже начал сомневаться, что их стычка не примерещилась ему. Со временем его умение отрицать правду, придумывая ей логическое объяснение, вполне могло бы одержать победу. Но то, что последовало за кремацией Кэтсо, положило конец столь удобному развитию событий.

На похоронную службу Карни отправился один, да и там, несмотря на присутствие Брендана, Рэда и Аннелизы, оставался в одиночестве. Ему не хотелось разговаривать ни с кем из скорбящих. Какими бы словами он ни пытался описать произошедшее, со временем придумывать их становилось все труднее. Карни поспешил уйти из крематория, пока никто не успел подойти и поговорить с ним.

Пыльный ветер, который весь день то нагонял облака, то очищал залитые солнечным светом небеса, заставлял пригибать голову. Не сбавляя шага, парень полез в карман за сигаретами. Лежавший там же шнурок, как и всегда, приветственно коснулся его пальцев. Карни выпутался из него и достал сигареты, но резкие порывы ветра не давали спичкам загораться, а руки, казалось, не могли справиться с такой простой задачей и заслонить огонек. Пройдя чуть дальше, Карни свернул в проулок, чтобы прикурить. Там его и поджидал Поуп.

– Ты прислал цветы на похороны? – спросил бродяга.

Инстинкты велели Карни развернуться и бежать. Но залитая солнцем улица была всего в нескольких ярдах. Здесь он был в безопасности, а разговор со стариком мог оказаться познавательным.

– Не прислал? – снова спросил Поуп.

– Нет, – ответил Карни. – Что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты, – пришел посмотреть, как пацан горит.

Поуп ухмыльнулся, выражение его жалкого, грязного лица сделалось отвратительным до невозможности. Он был все тем же мешком с костями, что и две недели назад в туннеле, но теперь его фигура источала угрозу. Карни обрадовался, что за спиной светит солнце.

– А еще – увидеть тебя.

Карни предпочел промолчать. Он чиркнул спичкой и закурил.

– У тебя есть кое-что, принадлежащее мне, – сказал старик, но его собеседник не выказал ни малейшего чувства вины. – Верни мои узлы, парень, пока не натворил чего-нибудь по-настоящему страшного.

– Не понимаю, о чем ты, – ответил Карни.

Его взгляд неохотно сосредоточился на Поупе: замысловатое лицо старика невольно притягивало к себе. Заваленный мусором проулок дрогнул. Наверное, облако закрыло солнце. Фигура старика слегка потемнела.

– Глупо было пытаться меня обокрасть, парень. Конечно, я показался легкой добычей. Сам виноват, больше такое не повторится. Видишь ли, иногда мне бывает одиноко. Уверен, ты это понимаешь. А когда мне одиноко, я начинаю пить.

Хотя Карни прикурил сигарету всего несколько секунд назад, она успела догореть до фильтра, а ведь он и затяжки не сделал. Парень уронил окурок, смутно сознавая, что из реальности этого крошечного переулочка вынимали и время, и пространство.

– Это был не я, – пробормотал он. Детская манера защищаться от любых обвинений.

– Нет, ты, – властно ответил Поуп. – Давай не будем тратить силы на выдумки. Ты обокрал меня, а заплатил за это твой товарищ. Ты не можешь исправить вред, что вы причинили. Но *способен* предотвратить грядущее зло, если вернешь то, что принадлежит мне. Немедленно.

Карни сам не заметил, как его рука потянулась к карману. Ему хотелось выбраться из ловушки, пока та не захлопнулась. А самый простой способ – отдать Поупу его собственность. Однако пальцы мешкали. Почему? Из-за безжалостного взгляда этого Мафусаила? Или потому, что, вернув себе узелки, старик полностью контролировал бы оружие, которое, в сущности, убило Кэтсо? Но скорее всего – из-за того, что даже сейчас, рискуя собственным рассудком, Карни не хотел расставаться с единственным фрагментом тайны. Ведь он едва успел с ней повстречаться. Почувствовав это его нежелание, Поуп принялся напирать сильнее.

– Не бойся меня, – сказал он. – Я не причиню тебе вреда, если ты меня не вынудишь. *Лучше* бы уладить дело мирно. Еще одна смерть только привлечет ненужное внимание.

«Я, что же, на убийцу смотрю? – подумал Карни. – Он ведь такой грязный, такой до смешного жалкий». И все же слух спорил со зрением. Зернышко властности, которое Карни ощутил когда-то в голосе Поупа, проклюнулось и зацвело.

– Денег хочешь? – спросил старик. – Так, что ли? Успокоится твоя гордость, если я предложу тебе что-нибудь за хлопоты?

Карни недоверчиво оглядел его убогий наряд.

– О, – произнес Поуп, – может, я и не похож на богатея, но внешность бывает обманчива. И это, на самом деле, скорее правило, чем исключение. Возьмем, к примеру, тебя. На покойника ты не похож, но поверь мне, пацан, ты все равно что мертвец. И если продолжишь сопротивляться – точно помрешь, это я тебе обещаю.

Эти слова – такие сдержанные, такие четкие – именно тем и ошарашили Карни, что сорвались с губ Поупа. Две недели назад приятели поймали пьяного старика, растерянного и уязви-

мого, но теперь, протрезвев, он говорил как властелин. Точно обезумевший король, который нищим брел среди простолюдинов. Король? Нет, скорее священник. Что-то в природе его власти (и даже в имени) наводило на мысль о человеке, чьим источником силы было нечто посерьезнее простой политики.

– Еще раз, – произнес старик, – прошу отдать то, что принадлежит мне.

Он шагнул к Карни. Переулок превратился в узкий туннель, нависающий и давящий. Если бы не небо над головой, Поуп затмил бы все вокруг.

– Отдай мне узлы, – мягко убеждал голос. Тьма подступала. Карни видел перед собой лишь рот старика, его неровные зубы, серый язык. – Отдай их мне, вор, иначе пожалеешь.

– Карни?

Голос Рэда донесся словно из другого мира. Мира, что был всего в паре шагов, – а там звуки, солнечный свет, ветер, – но Карни пришлось долго напрягать все силы, чтобы отыскать его.

– Карни?

Он вырвал свое угасающее сознание из пасти Поупа и с трудом обернулся к улице. Там стоял освещенный солнечными лучами Рэд, а рядом с ним Аннелиза. Ее светлые волосы сияли.

– Что происходит?

– Оставьте нас одних, – велел Поуп. – У меня с парнишкой свои дела.

– У тебя к нему какое-то дело? – обратился к Карни Рэд.

Старик вмешался, прежде чем тот успел ответить:

– Скажи ему, Карни, что хочешь поговорить со мной наедине.

Рэд взглянул на старика поверх плеча Карни и снова спросил приятеля:

– Не хочешь рассказать, что происходит?

Язык старался отыскать ответ, но безуспешно. Солнечный свет был так далеко. Каждый раз, когда тень от облака накрывала улицу, парень пугался, что свет погас навсегда. Губы беззвучно шевелились, пытаясь выразить этот страх.

– Ты в порядке? – спросил Рэд. – Карни? Ты меня слышишь?

Тот кивнул. Темнота, завладевшая им, начала рассеиваться.

– Да... – ответил он.

Поуп внезапно бросился к Карни и принялся отчаянно шарить по его карманам. Толчок отбросил оцепеневшего парня к стене проулка. Карни свалился на груды ящиков и опрокинулся вместе с ней. Излишне крепко цеплявшийся за него Поуп упал следом. Все его прежнее спокойствие – с мрачным юмором и продуманными угрозами – испарилось. Он снова сделался бездомным идиотом, фонтанировавшим безумием. Карни чувствовал, как руки бродяги рвут одежду и царапают кожу, пытаясь завладеть узлами. Слов, которые тот выкрикивал, было уже не разобрать.

Рэд влетел в проулок и попытался за пальто, за волосы, за бороду – за все, что оказывалось под рукой, оттащить старика от его жертвы. Легче сказать, чем сделать – в этом нападении сосредоточилась вся ярость припадка. Но победил Рэд, у которого было больше сил. Он поднял изрыгавшего ахиною Поупа на ноги и удерживал его будто бешеного пса.

– Вставай... – велел он Карни. – Отойди от него подальше.

Тот, пошатываясь, поднялся из разломанных ящиков. Поупу удалось за считанные секунды причинить ему серьезный вред: с полдюжины мест кровоточило; одежда изодрана, рубашка и вовсе восстановлению не подлежала. Карни неуверенно поднес руку к расцарапанному лицу. Ссадины походили на ритуальные шрамы.

Рэд толкнул Поупа к стене. Бродяга побагровел, взгляд у него сделался диким. Поток брани – смесь английского и тарабарщины – хлынул в лицо вмешавшемуся в заваруху парню. Не прерывая своей тирады, Поуп снова попытался наброситься на Карни, но на этот раз его когтям помешала хватка Рэда. Тот поволок старика из переулка на улицу.

– У тебя губа кровоточит, – сказала Аннелиза, глядя на Карни с явным отвращением. Он почувствовал вкус крови, соленой и горячей. Поднес ко рту тыльную сторону ладони. Она окрасилась алым.

– Хорошо, что мы пришли за тобой, – сказала девушка.

– Ага, – ответил парень, не глядя на нее.

Ему было стыдно за представление, которое он устроил перед бродягой. Да и Аннелиза, должно быть, посмеивалась над тем, что он не смог сам себя защитить. В ее-то семье мужчины – настоящие звери, а отец и вовсе легенда среди воров.

В проулок вернулся Рэд. Поуп сбежал от него.

– Что все это значит? – Парень достал из кармана пиджака расческу и принялся поправлять прическу.

– Ничего, – ответил Карни.

– Ты мне не заливай, – сказал Рэд. – Он заявил, что ты что-то у него украл. Это правда?

Карни взглянул на Аннелизу. Если бы не ее присутствие, он, возможно, прямо сейчас рассказал бы все Рэду. Девушка поймала взгляд и как будто прочла его мысли. Пожав плечами, она отошла подальше, на ходу пиная расколотые ящики.

– У него на всех нас зуб, Рэд, – произнес Карни.

– О чем ты?

Карни посмотрел на свою окровавленную руку. Даже когда Аннелиза перестала мешать, слова, которые объяснили бы его подозрения, не спешили появиться на языке.

– Кэтсо... – начал он.

– А что Кэтсо?

– Он удирал, Рэд.

Позади раздраженно вздохнула Аннелиза. Дело заняло больше времени, чем она рассчитывала.

– Рэд, – произнесла девушка, – мы опоздаем.

– Подожди минуту, – резко бросил тот и снова повернулся к Карни. – Что ты имеешь в виду?

– Старик не такой, каким кажется. Он не бродяга.

– Да? А кто? – в голосе Рэда опять послышались саркастические нотки, что, несомненно, было на руку Аннелизе. Девушка устала вести себя благоразумно и вернулась к ним. – Кто же он тогда, Карни?

Тот покачал головой. Какой смысл пытаться объяснять происходящее по частям? Нужно или рассказывать всю историю, или вообще молчать. Молчать было проще.

– Не важно, – решительно произнес Карни.

Рэд посмотрел на него озадаченно и, так и не дождавшись разъяснений, сказал:

– Если у тебя есть что сказать мне о Кэтсо, то я не против послушать. Где живу, ты знаешь.

– Конечно.

– Я серьезно. Насчет разговора.

– Спасибо.

– Кэтсо был хорошим другом, понимаешь? Немного треплом, но на нас на всех иногда находит, да? Он не должен был умирать, Карни. Это неправильно.

– Рэд...

– Твоя девушка тебя зовет, – сказала Аннелиза, возвращаясь на улицу.

– Она меня постоянно зовет. Увидимся, Карни.

– Хорошо.

Рэд похлопал приятеля по ободранной щеке и последовал за Аннелизой.

А Карни не двинулся с места. Нападение старика нагнало на него страху. Парень собирался переждать в переулке, пока к нему не вернется хотя бы видимость присутствия духа.

Пытаясь обрести спокойствие в узелках, он сунул руку в карман пиджака. Там было пусто. Он проверил остальные карманы. Тоже ничего. Но Карни все же был уверен, что старик не сумел дотянуться до своей добычи. Возможно, шнурок выскользнул во время потасовки. Карни начал рыскать по переулку. За первой неудачной попыткой последовали вторая и третья. Но к тому времени он уже понял, что проиграл. Поупу все-таки *удалось*. То ли тайком, то ли случайно, но узлы он себе вернул.

С поразительной ясностью Карни вспомнилось, как он стоял на «трамплине самоубийц» и смотрел вниз – на Арчвей-роуд и на тело Кэтсо, распростертое в самом сердце паутины огней и машин. Трагедия казалась такой *далекой*, словно он наблюдал за ней с безразличием пролетающей мимо птицы. А теперь – внезапно – его сбили метким выстрелом. И вот он на земле, израненный, обреченно ждет прихода кошмара. Карни ощущал вкус крови из разбитой губы и думал, страстно желая, чтобы все эти мысли исчезли, едва появившись: Кэтсо умер мгновенно? Или тоже чувствовал вкус крови, лежа на асфальте и глядя на мост? На людей, которые даже не догадывались, насколько близка смерть.

Карни возвращался домой самым людным маршрутом, какой только смог придумать. И хотя там его позорный облик могли созерцать почтенные старушки и полицейские, их полные неодобрения взгляды он предпочел пустым улицам вдали от главных трасс.

Дома Карни промыл царапины, переоделся в чистое и сел перед телевизором, чтобы дать своим трясущимся конечностям время успокоиться. Было уже далеко за полдень, шли одни детские передачи. Их тошнотворным оптимизмом заразился каждый канал. Парень следил за потоком банальностей, не подключая к процессу голову, и использовал передышку для попытки подобрать слова, которые описали бы то, что с ним произошло. Надо было предупредить Рэда и Брендана. Узлы теперь контролировал Поуп, и было лишь вопросом времени, когда какое-нибудь чудовище – возможно, похуже той твари в деревьях – придет по их души. Тогда объясняться будет слишком поздно. Карни понимал, что приятели отнесутся к нему с пренебрежением. Придется попотеть, чтобы убедить их, и неважно, насколько нелепо он будет при этом выглядеть. Возможно, его надрыв и паника растормошат их быстрее, чем скудный словарный запас.

Примерно в пять минут шестого, перед возвращением матери с работы, Карни выскользнул из дома и пошел искать Брендана.

Аннелиза достала из кармана найденный в проулке кусок веревки и внимательно его осмотрела. Она не знала, зачем вообще подняла этот обрывок, но он каким-то образом оказался у нее в руке. Рискуя своими длинными ногтями, девушка игралась с одним из узелков. А у нее ведь было с полдюжины более приятных дел, которыми можно заняться ранним вечером. Рэд пошел купить выпивку и сигареты, и она пообещала себе до его возвращения не спеша принять ароматическую ванну. Но Аннелиза была уверена: на то, чтобы развязать узел, не уйдет много времени. Тот, казалось, просто жаждал быть уничтоженным – в нем даже ощущалось какое-то странное движение. А вспыхивающие внутри узла цвета интриговали еще сильнее. Девушка различала малиновые и фиолетовые отблески. Очень скоро она совсем позабыла о ванне, которая могла и подождать. Вместо этого Аннелиза полностью сосредоточилась на головоломке. Через несколько минут она увидела свет.

Карни, как смог, рассказал обо всем Брендану. И стоило только набраться смелости и начать с самого начала, как в истории обнаружилась собственная движущая сила, которая без особых запинок довела его до нынешнего момента.

– Знаю, звучит дико, но это правда.

Судя по пустому взгляду, Брендан не поверил ни единому слову. Однако на покрытом шрамами лице появилось нечто большее, чем простое недоверие. Карни не понимал, что

именно, пока приятель не схватил его за рубашку. Только тогда стала ясна вся глубина ярости Брендана.

– Думаешь, то, что Кэтсо мертв, недостаточно фигово, – кипятился тот, – раз пришел сюда и рассказываешь мне эту хрень?

– Это правда.

– И где сейчас эти чертовы узлы?

– Я же сказал, у старика. Он забрал их сегодня днем. Он собирается убить нас, Брен. Я знаю.

Брендан отпустил Карни и великодушно произнес:

– Вот что я собираюсь сделать – я забуду, что ты мне все это рассказал.

– Ты не понимаешь...

– Я *сказал*, что забуду все до последнего слова. Ясно? А теперь убирайся на хрен вместе со своими шуточками.

Карни не двинулся с места.

– *Ты меня услышал?* – рявкнул Брендан.

В уголках его глаз Карни заметил предательскую влагу. Гнев прикрывал – еле-еле – горе, которому никак нельзя было воспрепятствовать. В теперешнем настроении ни страх, ни доводы не убедили бы Брендана. Карни поднялся.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Я пойду.

Брендан, опутив лицо, кивнул. Он так и не взглянул на приятеля, и Карни сам нашел выход из дома.

Теперь оставалось обратиться к суду последней инстанции – к Рэду. Ведь уже рассказанную однажды историю можно просто повторить? Повторять куда проще. Прокручивая в голове нужные слова, Карни оставил Брендана наедине с его слезами.

Аннелиза слышала, как через парадную дверь вошел Рэд. Слышала, как он выкрикнул какое-то слово. Слышала, как оно прозвучало снова. Слово было знакомым, но девушка потратила несколько секунд на лихорадочные размышления, прежде чем узнала в нем собственное имя.

– Аннелиза! – опять позвал Рэд. – Где ты?

«Нигде, – подумала она. – Я – невидимка. Не приходи искать меня. Пожалуйста, господи, оставь меня в покое». Аннелиза поднесла руку ко рту, чтобы унять стук зубов. Ей нужно оставаться совершенно неподвижной и тихой. Если хоть волосок шелохнется, *она* услышит и придет за ней. Единственная надежда спастись – это свернуться калачиком и зажать рот ладонью.

Рэд начал подниматься по лестнице. Аннелиза, скорее всего, лежит в ванне и что-нибудь напевает под нос.

Это девчонка любит больше всего на свете. Частенько подолгу валяется в воде, а ее груди торчат над поверхностью двумя островками мечты.

Рэд был уже в четырех шагах от верхней площадки, когда из коридора внизу раздался какой-то шум – кашель или что-то похожее. Она что, решила поиграться? Парень развернулся и принялся осторожно спускаться обратно. Почти у подножия лестницы его взгляд упал на обрывок шнура, брошенный на одной из ступенек. Рэд поднял его, одинокий узелок на конце слегка озадачивал. Но тут снова раздался шум. На этот раз парень не стал убеждать себя в том, что это Аннелиза. Затаив дыхание, он ждал еще какой-нибудь подсказки. Так ничего и не дождавшись, вынул из ботинка выкидной нож – оружие, которое носил при себе с одиннадцати лет. Детское, как объявил ему отец Аннелизы. Но теперь, пробираясь по коридору в гостиную, Рэд благодарил святого покровителя клинков за то, что не прислушался к словам старого уголовника.

Комната была погружена в сумрак. На дом уже опустился вечер, за окнами стемнело. Встревоженный Рэд долго стоял в дверном проеме, стараясь различить какое-нибудь шевеление. Шум раздался снова, но теперь звуков было несколько. К своему облегчению, парень сообразил, что источником был вовсе не человек. Скорее всего, раненная в драке собака. Звуки шли не из комнаты, а из-за кухонной двери. То, что непрощенный гость оказался всего лишь животным, укрепляло смелость. Протянув руку, Рэд щелкнул выключателем.

Это простое движение породило целый вихрь событий. Они пролетели на одном дыхании и заняли не больше дюжины секунд. Но каждая до мельчайших подробностей врезалась в память.

Вспыхнул свет. В первую секунду Рэд увидел, как что-то шевельнулось на кухонном полу. Во вторую он уже шел туда с ножом в руке. В третью секунду животное – готовое к его нападению – выскочило из укрытия. Оно мчалось навстречу размытым пятном сверкающей плоти. Ошеломляли его внезапная близость, размеры, жар исходившего паром тела, огромная пасть, гнилое дыхание. Четвертую и пятую секунду Рэд потратил на то, чтобы увернуться от первого броска твари, но на шестой та его настигла. Грубые руки вцепились в тело. Парень ударил ножом и ранил существо, но то все же набросилось на него и заключило в смертельные объятия. Нож вонзился в чужую плоть – скорее случайно, чем намеренно. В лицо Рэда брызнула обжигающая струя, но он едва это заметил. Были на исходе последние секунды. Окровавленный нож выскользнул из руки и остался в теле чудовища. Обезоруженный Рэд попытался вывернуться из объятий твари, но не успел – на него надвинулась огромная бесформенная голова. Ее пасть превратилась в туннель. Тварь одним вдохом высосала воздух из легких Рэда. Весь, который у того имелся. Лишенный кислорода мозг устроил фейерверк в честь своей скорой кончины: римские свечи, россыпи звезд, огненные колеса. Салют длился недолго, и очень скоро наступила тьма.

Наверху Аннелиза прислушивалась к какофонии звуков, пытаясь собрать из них единую картинку. И не могла. Но что бы там ни происходило, окончилось все тишиной. Рэд так и не пришел ее искать. Но и чудовище тоже. «Наверное, – подумала девушка, – они убили друг друга». Простота объяснения порадовала ее. Аннелиза переживала в своей комнате, пока голод и скука, взяв верх над страхом, не заставили ее спуститься вниз.

Рэд лежал там, где его бросило второе порождение шнурка, в широко распахнутых глазах догорали фейерверки. Чудовище обломками самого себя скорчилось в дальнем углу комнаты. Заметив тварь, девушка попятилась к входной двери. Странное создание не пыталось приближаться, лишь следило за Аннелизой глубоко посаженными глазами, хрипло дышало и едва заметно, вяло шевелилось.

Решив отыскать отца, девушка выбежала из дома.

Появившийся спустя полчаса Карни застал входную дверь приоткрытой. Он ушел от Брендана с твердым намерением отправиться напрямик к дому Рэда, но по дороге мужество начало ослабевать, и Карни побрел – сам того не планируя – к мосту над Арчвей-роуд. Парень долго стоял там, наблюдая потоки машин внизу, и пил водку из бутылки, купленной на Холловэй-роуд. Покупка очистила его карманы от наличных, но на пустой желудок спиртное действовало мощно и проясняло мысли. «Все мы умрем», – пришел к выводу Карни. Возможно, он сам виноват, раз украл шнурок. Скорее всего, после того случая Поуп так и так наказал бы их. Лучшее, на что они могли теперь надеяться – Карни мог надеяться, – это хоть немного разобраться в происходящем. «Умереть чуточку больше посвященным в тайны, чем родился, – вполне достаточно, – решил его затуманенный выпивкой мозг. – Рэд поймет».

И вот, стоя на ступеньках дома, Карни позвал приятеля. Ответа не последовало. Водка прибавила наглости, и, вновь окликнув Рэда, он вошел в дом. В коридоре было темно, но в одной из дальних комнат горел свет. Туда Карни и направился. Вокруг было жарко и влажно, будто в парнике. В гостиной, где остывало тело Рэда, оказалось еще жарче.

Карни пялился на труп довольно долго и наконец заметил в левой руке шнурок с единственным оставшимся узлом. Наверное, здесь побывал Поуп и по какой-то причине оставил свой обрывок. Так или иначе, тот оказался в руке Рэда и давал им шанс выжить. Подходя к трупу, Карни поклялся, что теперь точно уничтожит шнурок раз и навсегда. Сожжет и развеет пепел по ветру. Он наклонился, чтобы вынуть обрывок из ладони мертвеца. Почувствовав Карни, блестящий от крови шнурок скользнул из руки в руку и оплел пальцы, оставляя за собой алый след. Парень с отвращением уставился на последний узел. Процесс, который поначалу требовал столько старания и усилий, набирал темп. Стоило развязаться второму узлу, как третий практически сам ослаб. Шнурок явно по-прежнему нуждался в посреднике, – иначе откуда такая готовность? – но был уже близок к разрешению собственной загадки. Надо скорей его уничтожить, пока он не достиг своей цели.

И лишь тут Карни осознал, что он в комнате не один. Здесь был еще кто-то живой. И он заговорил, заставив парня отвлечься от подергивающегося узелка. Слова прозвучали полной бессмыслицей. Да и не слова это были, а скорее череда жалобных звуков. Карни вспомнил дыхание первой твари и смешанные чувства, которые та у него вызвала. И теперь та же неоднозначность снова тронула его. Вместе с нарастающим страхом пришло ощущение, что, на каком бы языке ни говорило чудовище, оно рассказывало об *утрате*. В Карни проснулась жалость.

– Покажись, – велел он, не зная, будет ли понят.

После нескольких тревожных ударов сердца существо наконец появилось в проеме дальней двери. Света в гостиной хватало, да и зрение у Карни было острым, но анатомия чудовища не поддавалась его пониманию. В освеженной, пульсирующей фигуре было что-то обезьянье, но она казалась незавершенной, словно родилась раньше срока. Очередной стон раздался из открывшегося рта. В глазах, спрятанных под кровоточащей глыбой лба, невозможно было прочесть хоть что-нибудь. Существо заковыляло из своего укрытия к Карни, и каждый шаг становился проверкой малодушия парня. Добравшись до трупа, существо остановилось, подняло одну из перекошенных лап и показало на изгиб своей шеи. Карни увидел нож. «Рэда, – догадался он. – Может быть, так оно пытается оправдаться за убийство?»

– Что ты такое? – спросил парень. Все тот же неизменный вопрос.

Тяжелая голова существа качнулась назад и вперед. Из рта вырвался долгий низкий стон. Затем оно внезапно указало прямо на Карни, позволив свету упасть на свое лицо, так что стало наконец возможно разглядеть его глаза под нахмуренным лбом. Два драгоценных камня, заточенных в израненном шаре черепа. От их блеска и ясности у Карни свело живот. И все же существо указывало на него.

– Чего ты хочешь? – произнес парень. – Скажи мне, чего ты хочешь.

Оно безвольно опустило освеженную конечность и, перешагнув через труп, двинулось на Карни, но тому так и не удалось выяснить зачем. Окрик у входной двери заставил существо застыть на месте.

– Есть здесь кто? – хотел знать пришедший.

На лице существа отразилась паника – невероятно человеческие глаза исчезли во влажных глазницах. Оно развернулось и отступило на кухню. Гость, кем бы он ни был, продолжал звать, его голос приближался. Карни посмотрел на труп, затем на свою окровавленную руку и перебрал варианты. А после пересек комнату и тоже скрылся на кухне. Чудовище уже ушло. Задняя дверь была распахнута настежь. Карни услышал, как гость, обнаружив останки Рэда, произносит какое-то подобие молитвы. Парень медлил, прячась среди теней. Разумно ли украдкой сбежать? Не даст ли это больше поводов для обвинений, чем решение остаться и докопаться до правды? Окончательный выбор Карни сделал благодаря узлу, который по-прежнему дергался у него в руке. Главное – уничтожить шнурок.

В гостиной незнакомец набирал номер службы спасения. Под прикрытием его перепуганного монолога Карни прокрался до двери черного хода и сбежал.

– Тебе звонили, – крикнула мать с верхней ступеньки лестницы, – и будили меня уже дважды. Я сказала, что не...

– Прости, мам. Кто это был?

– Не назвался. Я ему велела не перезванивать. Передай, если все-таки не послушается, что я не желаю, чтобы нам названивали в такое время. Некоторым утром на работу вставать.

– Да, мам.

Она исчезла с лестничной площадки и вернулась в свою одинокую постель. Дверь комнаты захлопнулась. Карни, дрожа, стоял в коридоре и стискивал в кармане узел. Тот все еще шевелился, без конца вертелся в ладони, пытаясь отыскать хоть немного свободного места, чтобы ослабить себя. Но Карни ему этого не позволял. Он нашарил за пазухой купленную вечером водку, одной рукой отвинтил крышку и отхлебнул. На втором глотке зазвонил телефон. Карни поставил бутылку и снял трубку.

– Алло?

Звонили из таксофона. Пискнул сигнал, затем раздался щелчок оплаты и чей-то голос произнес:

– Карни?

– Да.

– Ради бога, он меня убьет.

– Кто это?

– Брендан. – Голос был совсем непохож. Слишком пронзительный, слишком напуганный. – Он убьет меня, если ты не придешь.

– Поуп? Ты о Поупе?

– Он не в себе. Ты должен прийти на автосвалку на холме. И отдать ему...

Звонок оборвался. Карни положил трубку. Шнурок в его руке исполнял акробатическое представление. Парень разжал кулак. Оставшийся узел мерцал в тусклом освещении лестницы. В сердцевине, как и у двух предыдущих, призывно вспыхивали цветные блики. Карни снова сжал ладонь, взял бутылку и вышел.

Когда-то автомобильная свалка могла похвастаться огромным и вечно раздраженным доберманом-пинчером, но прошлой весной у пса развилась опухоль. Добермана усыпили, а замену ему покупать не стали. В результате теперь ничто не мешало пробить стенку из гофрированного железа.

Карни перелез через нее и спустился с другой стороны на усыпанную золой и гравием землю. Прожектор у главных ворот освещал собранную тут коллекцию автомобилей. Большинство из них было уже не спасти: ржавые грузовики и автоцистерны, автобус, который, видимо, на полной скорости врезался в низкий мост, позорная галерея жертв аварий, выстроенных в ряд или наваленных друг на друга. Карни начал планомерно обыскивать свалку, стараясь ступать как можно тише, но с северо-западной стороны отыскать никаких следов Поупа или его пленника не смог. Сжимая в руке узел, парень двинулся вдоль ограды. С каждым шагом успокаивающий свет прожектора отдалялся. Через несколько секунд Карни заметил между двумя машинами всполохи огня. Он замер и попытался разгадать замысловатую игру теней и отсветов костра. Позади он услышал шорох и с колотящимся сердцем обернулся, ожидая крика или удара. Ничего. Он оглядел свалку за спиной: отпечаток желтого пламени плясал на сетчатке. Что бы там ни шевелилось, теперь оно снова стало неподвижным.

– Брендан? – прошептал Карни, оглянувшись на огонь.

Впереди, среди теней, двигалась фигура. Брендан. Он споткнулся и упал на колени в золу в нескольких футах от того места, где стоял Карни. Даже в обманчивом свете тот мог разглядеть, что с приятелем обошлись жестоко. Его рубашку покрывали пятна, слишком темные,

чтобы оказаться *не* кровью. Лицо исказилось не то от боли, не то от ожидания ее. Стоило Карни приблизиться, как Брендан отпрянул, будто побитый зверь.

– Это я. Это Карни.

Брендан поднял разбитую голову:

– Заставь его прекратить.

– Все будет в порядке.

– Заставь его прекратить. Пожалуйста.

Брендан поднял руки к шее. Его горло обвивал веревочный ошейник. Поводок уходил во тьму между машинами. Там, держа его конец, стоял Поуп. Глаза его мерцали, хотя рядом не было никакого источника света.

– Ты поступил мудро, придя сюда, – сказал Поуп. – Я бы его убил.

– Отпусти его, – произнес Карни.

Старик покачал головой:

– Сначала узел.

Он вышел из укрытия. Карни почему-то ждал, что он сбросит личину бродяги и покажет свое истинное лицо – каким бы оно ни было, – но этого не произошло. Поуп был одет в ту же поношенную одежду, что и всегда, но, бесспорно, контролировал ситуацию. Он резко рванул веревку, и Брендан, задыхаясь, рухнул на землю, его руки тщетно дергали петлю, затягивающуюся на горле.

– Перестань, – сказал Карни. – Узел у меня, черт бы тебя побрал. Не убивай его.

– Неси сюда.

Как только Карни сделал шаг к старику, в лабиринте свалки раздался чей-то вопль. Они оба его узнали. Спутать было невозможно – это был голос освежеванного чудовища, которое убило Рэда, и прозвучал он совсем рядом. Перепачканное лицо Поупа засияло с новой силой.

– Быстрее! – приказал он. – Или я его убью.

Старик вытащил из кармана плаща нож для разделки и, натянув поводок, заставил Брендана приблизиться.

Жалобный стон чудовища сделался выше.

– Узел! – рявкнул Поуп. – *Мне!*

Он шагнул к Брендану и приставил лезвие к его коротко остриженной голове.

– Не надо, – сказал Карни, – просто заberi узел.

Но не успел он и вздохнуть, как уловил краем глаза какое-то движение. Обжигающая ладонь стиснула его запястье. Поуп испустил гневный крик, а Карни, обернувшись, встретился с пристальным взглядом чудовища. Парень попытался высвободиться, но тварь покачала изуродованной головой.

– Убей его! – заорал Поуп. – *Убей!*

Чудовище посмотрело на Поупа, и Карни впервые увидел в этих тусклых глазах недвусмысленное выражение. Откровенную ненависть. И тут пронзительно завопил Брендан. Карни обернулся и успел заметить, как разделочный нож вонзился тому в лицо. Поуп вытащил лезвие, труп Брендана ничком рухнул на землю. Но еще до того, как тело коснулось золы, старик уже двинулся к Карни, и в каждом шаге ощущалась смертоносность его намерений. Чудовище, заклокотав от страха, отпустило руку парня, и тот успел увернуться от первого удара. Существо и человек разделились и побежали. Подошвы Карни скользили по рыхлой золе. На миг он ощутил на себе тень Поупа, но успел ускользнуть – между ним и лезвием был лишь миллиметр.

– Тебе не уйти. – В голосе старика за спиной слышалось самодовольство. Он не сомневался в своей ловушке и даже не бросался в погоню. – Ты на моей территории, пацан. Выхода нет.

Карни нырнул между двумя машинами и начал пробираться обратно к воротам, но каким-то образом потерял чувство направления. Один ряд ржавых корпусов приводил к дру-

гому, настолько похожему, что различить их было невозможно. Куда бы ни вел лабиринт, казалось, что из него не выбраться. Карни уже не видел ни прожектора у ворот, ни костра в дальнем конце свалки. Все это превратилось в сплошное охотничье угодье, а он – в добычу. И куда бы ни выворачивала хитроумная тропа, голос Поупа раздавался так же близко, как биение его собственного сердца.

– Бросай узел, пацан, – повторял старик. – Бросай, и я не стану скормливать тебе твои же глаза.

Даже охваченный ужасом, Карни чувствовал, что Поуп тоже напуган. Шнур вовсе не был орудием убийства. Каковы бы ни были суть и смысл этого предмета, старик не имел над ним власти. В том-то и заключался ничтожный шанс выжить, который у парня по-прежнему оставался. Пришло время развязать последний узел. Развязать и ответить за последствия. Могут ли они оказаться хуже, чем смерть от рук безумца?

Карни нашел подходящее убежище возле сгоревшего грузовика, сел на корточки и разжал кулак. Даже в темноте чувствовалось, как узел пытается сам себя распутать. Парень помогал ему, как мог.

И снова раздался голос Поупа.

– Не делай этого, пацан, – произнес старик, симулируя человечность. – Я знаю, о чем ты думаешь, но, поверь мне, это обернется твоим концом.

Руки Карни, казалось, отрастили дополнительные большие пальцы, теперь ему не было равных. В его сознании возникла галерея мертвецов: Кэтсо на дороге, Рэд на ковре, Брендан с пробитой головой, выскальзывающий из рук Поупа. Карни отогнал эти образы и постарался собраться с мыслями. Старик прервал свой монолог. Над свалкой разносился лишь далекий гул машин. Он шел из того мира, который Карни боялся больше не увидеть. Он возился с узлом, будто со связкой ключей у запертой двери, перебирая один, другой, третий. И зная, что время дышит в затылок.

– Быстрее, быстрее, – подгонял он себя. Но прежняя ловкость покинула его.

И тут лезвие со свистом рассекло воздух. Поуп отыскал Карни и с ликованием нанес смертельный удар.

Парень перекатился, но нож задел его руку. Рана протянулась от плеча до локтя. Боль заставила поспешить. Второй удар пришелся на кабину грузовика. Вместо крови брызнули искры. Прежде чем Поуп снова на него набросился, Карни ринулся прочь. Из руки толчками лилась кровь. Старик кинулся в погоню, но парень оказался проворнее. Он нырнул за автобус, а когда Поуп, тяжело отдуваясь, помчался следом, спрятался под машиной. Старик пробежал мимо. Карни подавил рвавшиеся наружу рыдания. Рана почти полностью вывела из строя левую руку. Прижав ее к телу, чтобы уменьшить нагрузку на рассеченную мышцу, парень попытался закончить свою схватку с узлом. Вместо второй руки ему приходилось пользоваться зубами. Перед глазами плыли белые пятна, Карни был близок к потере сознания. Он старался глубоко и ровно дышать через нос, пока его пальцы лихорадочно тянули узел. Он уже не видел и не чувствовал шнурка в руке. Карни работал вслепую, как тогда, на дорожке у моста, снова полагаясь на инстинкты. Узел заплясал в губах, стремясь распутаться. Оставались считанные мгновения.

Увлечшись, парень не замечал тянущуюся к нему руку, пока та не выволокла его из убежища. На него смотрели сияющие глаза Поупа.

– Никаких больше игр.

Старик чуть ослабил хватку и принялся вырывать шнурок из зубов Карни. Тот попытался отодвинуться хотя бы на несколько дюймов, чтобы высвободиться из рук Поупа, но, оцепенев от боли, упал навзничь и, ударившись о землю, закричал.

– Избавимся от твоих глаз, – произнес старик. И лезвие рухнуло вниз.

Однако ослепляющего удара так и не последовало. Из-за спины старика вынырнула израненная фигура и дернула его за полы плаща. Поуп тут же восстановил равновесие и развернулся. Нож дотянулся до его противника, и затуманенным от боли взглядом Карни увидел, как отшатнулось освежаванное чудовище – щека его была рассечена до кости. Поуп устремился за странным созданием, чтобы завершить начатое. Карни же, воспользовавшись передышкой, потянулся к искореженному автомобилю, оперся на него и поднялся. Узел был все еще зажат в его зубах. За спиной чертыхался старик: Карни догадался, что тот оставил затею с убийством и вновь преследует его. Понимая, что гонка проиграна, парень, пошатываясь, вышел из-за машин на открытое пространство. В какой же стороне ворота? Он понятия не имел. Его ноги принадлежали не ему, а какому-то клоуну. Суставы будто сделались резиновыми и ни на что, кроме глупых падений, не годились. Через два шага у него подкосились колени. В лицо ударил запах пропитанной бензином золы.

В отчаянии Карни поднес ко рту здоровую руку. Пальцы нащупали петлю, потянули *из* всех сил – и каким-то чудом последний узел развязался. Жар обжег губы. Карни выплюнул шнурок, и тот упал на землю. Последняя печать была сломана, из ее сердцевины появился оставшийся пленник. Он лежал в золе, точно болезненный младенец с недоразвитыми конечностями и лысой головой, слишком большой для иссохшего тела. Плоть его была настолько бледной, что почти просвечивала. Он беспомощно замахал руками, тщетно пытаясь выпрямиться, и тут к нему шагнул Поуп, желая перерезать его беззащитное горло. Что бы Карни ни надеялся обнаружить в третьем узле, он точно не рассчитывал увидеть живой скелет. Тот вызывал у него отвращение.

А потом оно заговорило. Голос, исходивший из рта младенца, оказался неожиданно взрослым.

– Ко мне! – звало существо. – *Скорее!*

Поуп был уже готов его прикончить, когда воздух наполнился зловонием. Тени изрыгнули покрытую шипами тварь, которая, припав брюхом к земле, подползала к месту схватки. Поуп отпрянул, а рептилия – такая же незавершенная, как ее обезьяноподобный собрат, – приблизилась к странному младенцу. Карни ожидал, что та проглотит последнего, точно закуску, но мертвенно-бледный ребенок приветственно протянул руки, и чудовище из первого узла обвилось вокруг него. В этот момент показалась уродливая морда второй твари. Взвыв от радости, она заключила рептилию и истощенное тельце младенца в объятия, дополнив собой их жуткое семейство.

Однако воссоединение на этом не завершилось. Едва три существа собрались вместе, как их фигуры начали расплетаться на бледные ленты. Распались даже скелеты. Странные волокна начали переплетаться друг с другом, приобретая новые очертания. Они беспорядочно, но неотвратимо связывались в новый узел. Гораздо более сложный, чем все те, что когда-либо попадали в руки Карни. Новая и, возможно, неразрешимая головоломка возникала из кусочков старой, но если те были незавершенными, то эта обещала быть законченной и цельной. И все-таки – *чем именно?*

Пока клубок из нервов и мышц приобретал свой окончательный вид, Поуп решил воспользоваться моментом. Сияние происходившей метаморфозы высветило его перекошенное лицо. Старик бросился вперед и вонзил нож в самый центр узла, но плохо подгадал атаку. Сияющая лента щупальца отделилась от основной массы и обвилась вокруг его запястья. Плащ вспыхнул, плоть старика загорелась. Он завершал и выронил оружие. Щупальце отпустило его и снова вплелось в общий узор, оставив старика нянчиться с дымившейся рукой. Тот словно утратил рассудок, голова его жалобно тряслась. На миг Карни встретился с ним взглядом, и в глазах Поупа вновь тускло сверкнуло коварство. Он крепко вцепился в раненую руку парня. Тот закричал, но старик, не обращая на это внимания, потащил своего пленника прочь от почти законченного узла в безопасную путаницу лабиринта.

– Он меня не тронет, – бормотал под нос Поуп, подталкивая Карни, – только не с тобой. Всегда питал слабость к детишкам. Просто заберем бумаги... и уйдем.

Карни едва осознавал, жив он или мертв. Отбиваться от Поупа не осталось сил, поэтому он просто плелся перед стариком, пока они не добрались до места назначения – легковушки, погребенной под грудой ржавого железа. Колес у машины не было. Место водителя занимал проросший сквозь днище куст.

Поуп открыл заднюю дверь, довольно пробормотал что-то себе под нос и забрался внутрь, а Карни привалился к крылу. Забытие дразнило своей близостью, и парень жаждал его. Но у Поупа были другие планы. Достав из-под пассажирского кресла небольшую книжицу, старик прошептал:

– Теперь надо идти. У нас есть дела.

Карни застонал, когда его подтолкнули.

– Закрой рот, – велел Поуп, обхватив его, – у моего брата есть уши.

– Брата? – пробормотал парень, пытаясь осмыслить это признание.

– Зачарованного, – добавил старик, – пока ты все не испортил.

– Чудовища, – пробормотал Карни, и на него хлынула мешанина образов. Рептилия и обезьяна.

– Это человек, – ответил Поуп. – Эволюция – запутанный узел, пацан.

– Человек, – повторил Карни, и едва слово сорвалось с губ, затуманенный болью взгляд выхватил мерцающую фигуру, которая стояла на крыше машины позади мучителя.

Да, это был человек. Влажное от перерождения тело покрывали раны, полученные по наследству от чудовищ, но оно определенно принадлежало человеку. Поуп заметил в глазах Карни узнавание. Старик вцепился в него и уже собирался использовать обмякшее тело вместо щита, когда в дело вмешался его брат. Восстановленный человек нагнулся и схватил Поупа за тощую шею. Тот взвизгнул, вырвался и бросился прочь, а брат с воем погнался за ним. Оба исчезли из поля зрения Карни.

Он различал вдали последние мольбы пойманного бродяги. Затем слова сменились таким криком, какого парень надеялся никогда больше не услышать, – и наступила тишина. Брат старика не вернулся, и за это Карни, при всем своем любопытстве, был ему благодарен.

Когда несколько минут спустя парень собрался с силами, чтобы выбраться со свалки, – у ворот маяком для заблудших снова горел прожектор, – он наткнулся на Поупа, ничком лежавшего на гравии. Даже если бы Карни лучше себя чувствовал, он ни за какие деньги не согласился бы перевернуть покойника. Хватило вида вцепившихся в землю рук и ярких колец кишечника, прежде аккуратно скрученных в животе, а теперь вывалившихся наружу. Рядом лежала книжка, которую Поуп так разыскивал. Превозмогая головокружение, Карни наклонился и поднял ее. Парень чувствовал, что она станет небольшой компенсацией за пережитую ночь. Ближайшее будущее принесет вопросы, на которые он никогда не сможет ответить, и обвинения, от которых ему почти нечем защититься. Но в свете прожектора Карни обнаружил, что испачканные страницы куда ценнее, чем можно было ожидать. Они содержали скопированные аккуратным почерком и снабженные сложными схемами формулы забытой науки: строения узлов для укрепления любви и завоевания положения; петли для разделения и связывания душ, для привлечения богатства, для зачатия, для разрушения мира.

Пролистав книгу, Карни перелез через ворота и выбрался на улицу. В столь поздний час здесь было пустынно. Лишь в жилом комплексе напротив светилось несколько окон – в тех комнатах тоскливо дожидались прихода утра. Парень решил не требовать слишком многого от своих измученных ног, а подождать и поймать машину, которая отвезет его туда, где он сможет рассказать всю историю. У него было чем скоротать время. И хотя тело онемело, а голова кружилась, Карни ощущал в себе такую ясность, какой прежде не бывало. Он подбирался к

тайнам на страницах запретной книги Поупа, словно к оазису. Жадно глотал их и с необычайным волнением предвкушал странствие, которое ждало его впереди.

Откровение (пер. Марии Галиной)

В Амарилло только и было разговоров, что о торнадо: о коровах, автомобилях, а иногда и о целых домах, которые поднимались в воздух и вновь опускались на землю, о поселениях, опустошенных всего за несколько сокрушительных минут. Возможно, именно поэтому Вирджиния сегодня вечером ощущала такую тревогу. Поэтому или из-за усталости, накопившейся за время путешествия по пустынным шоссе, когда единственным пейзажем за окном были расстилавшиеся над ними мертвенные небеса Техаса, когда ничего не ждет тебя в конце пути и надеяться не на что – опять бесконечные гимны и адское пламя. Она сидела на заднем сиденье черного «понтиака», спина у нее болела, и изо всех сил пыталась заснуть. Но овевающий затылок горячий воздух вызывал сны об удушении, так что она оставила свои попытки и удовлетворилась зрелищем пшеничных полей да подсчетом проносящихся мимо элеваторов, ярко-белых на фоне грозовых туч, собирающихся на северо-востоке.

На переднем сиденье автомобиля Эрл вел машину, напевая себе под нос. Рядом с ней Джон – всего лишь в двух футах, но недостижимый для ее притязаний – читал Послания святого Павла и бормотал отдельные прочитанные слова и фразы. Когда они проезжали через Пантекс-вилледж (они тут собирают боеголовки – загадочно сказал Эрл и больше ничего не пояснил), начался дождь. Он хлынул внезапно, когда уже темнело, и добавил тьмы, торопливо погрузив шоссе Амарилло-Пампа в мокрую ночь.

Вирджиния подняла стекло – дождь, каким бы освежающим ни был, быстро промочил ее скромное голубое платье – единственное, в котором Джон позволял ей появляться на собраниях. Теперь за окном ничего нельзя было увидеть. Она сидела, и тревога росла в ней с каждой милей их приближения к Пампе, прислушивалась к водяным струям, бьющим в крышу автомобиля, и к своему мужу, который бормотал у нее под боком:

«Посему сказано: встань, спящий, и воскресни из мертвых и осветит тебя Христос.

Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые.

Дорожа временем, потому что дни лукавы».

Он сидел, как всегда, очень прямо, держа все ту же потрепанную Библию в мягком переплете, которая столько лет лежала, раскрытая, у него на коленях. Наверняка он знал те главы, которые читал, наизусть: он возвращался к ним довольно часто и в голосе его звучала такая странная смесь уверенности и удивления, что казалось, это слова не апостола Павла, а его собственные, только что произнесенные впервые. Эти страстность и напор сделают со временем Джона Гаера величайшим проповедником Америки, в этом у Вирджинии сомнений не было. На протяжении всех этих изнурительных, лихорадочных недель турне по трем штатам ее муж демонстрировал исключительные уверенность и зрелость разума. Его проповеди не имели ничего общего с нынешней модернизированной манерой – они были все той же старомодной смесью проклятий и обещаний спасения, которую он практиковал всегда, но теперь Джон получил полную власть над своим даром. В каждом городе, и в Оклахоме, и в Нью-Мексико, а теперь и в Техасе, сотни и тысячи людей жаждали услышать и вновь вернуться в Царствие Божие. В Пампе, до которой оставалось тридцать пять миль, они уже, должно быть, собираются, невзирая на дождь, чтобы иметь возможность как можно ближе поглядеть на нового проповедника. Они приведут с собой детей, принесут свои сбережения и жажду получить прощение.

Но прощение будет завтра. Сначала они должны добраться до Пампы, а дождь шел все сильнее. Эрл, как только начался ливень, прекратил свое пение и сконцентрировал все внимание на расстилающейся перед ним дороге. Иногда он тяжело вздыхал и потягивался на сиденье. Вирджиния пыталась не вмешиваться в то, как он ведет машину, но, когда хлынул этот потоп, беспокойство вконец овладело ею. Она наклонилась вперед на заднем сиденье и начала тара-

щиться сквозь ветровое стекло, наблюдая за машинами, едущими в противоположном направлении. Аварии в таких ситуациях происходили достаточно часто: плохая погода, усталый водитель, жаждущий оказаться в двадцати милях от того места, где находился на самом деле. Джон почувствовал ее беспокойство.

– Господь нас не оставит, – сказал он, не отрывая взгляда от убогих страниц, хотя теперь было слишком темно, чтобы читать.

– Это тяжелая ночь, Джон, – сказала она. – Может, нам и не пытаться сегодня доехать до Пампы? Эрл, должно быть, устал.

– Я в порядке, – вставил Эрл. – Это не очень далеко.

– Ты устал, – повторила Вирджиния. – Мы все устали.

– Ну, я думаю, мы можем найти какой-нибудь мотель, – предложил Гаер. – А ты как думаешь, Эрл?

Эрл пожал своими массивными плечами.

– Как скажешь, босс, – ответил он невыразительно.

Гаер повернулся к жене и мягко похлопал ее по тыльной стороне руки.

– Мы найдем мотель, – сказал он. – Эрл может позвонить оттуда в Пампу и сказать им, что мы будем там утром. Как тебе это?

Она улыбнулась ему, но он на нее не смотрел.

– Следующий пункт по шоссе – «Белый Олень», – сказал Вирджинии Эрл. – Может, у них есть мотель.

Вообще-то мотель «Тополь» лежал на полмили к западу от «Белого Оленя», на обширных равнинах к югу по шестидесятому федеральному шоссе, маленькое заведение, где в проеме между двумя низкими строениями стоял мертвый или умирающий тополь. На площадке перед мотелем уже набралось достаточно машин, а в большей части комнат горели огни – там уже расположились товарищи по несчастью – беглецы от приближавшей бури. Эрл заехал на площадку и припарковался как можно ближе к конторе управляющего, потом побежал через залитую дождем стоянку, чтобы узнать, есть ли у них свободные номера на ночь. Когда мотор замолк, а по крыше барабанили струи дождя, сидеть в «понтиаке» стало еще тоскливее, чем раньше.

– Надеюсь, у них найдутся для нас места, – сказала Вирджиния, наблюдая, как играет неоновыми отблесками стекающая по стеклу вода. Гаер не ответил. Дождь все стучал по крыше. – Поговори со мной, Джон, – сказала она ему.

– Зачем?

Она покачала головой.

– Неважно. – Пряди волос прилипли у нее ко лбу: хотя дождь и шел, жара в салоне не спала. – Ненавижу дождь.

– Он не будет идти всю ночь, – ответил Гаер, проведя рукой по своим густым седым волосам. Этот жест он использовал в качестве пунктуации – разделительного знака между одним высказыванием и другим. Она знала его риторику, как словесную, так и физическую, слишком хорошо. Иногда она думала, что знает о нем все, что только можно было знать, что он не мог сказать ничего такого, что она по-настоящему хотела бы услышать. Но возможно, подобное чувство было взаимным: они уже давно притерпелись к такому браку. Сегодня ночью, как и каждую ночь, они лягут в отдельные кровати, и он заснет глубоким легким сном, который так легко овладевает им, тогда как ей всегда приходилось проглотить таблетку-другую, чтобы добиться благословенного забвения.

Сон, часто говаривал он, это время для общения с Господом. Джон верил в вещие сны, хотя никогда и не обсуждал с ней, что именно видел. Настанет время, когда он откроет всем то великолепие, которое приходит к нему во сне, в этом она не сомневалась, но пока что он спал

один и держал свои мысли при себе, оставляя ее наедине с тайными печальми. Легко было озлобиться, но она противилась этому искушению. Его участь была величественной, к ней его предназначил Господь, но с Вирджинией Джон обращался не строже, чем с самим собой, а сам он жил в режиме, который разрушил бы более слабого человека, и тем не менее осуждал себя за малейшее проявление слабости.

Наконец Эрл появился из конторы и пробежал к машине. В руке он сжимал три ключа.

– Номера седьмой и восьмой, – сказал он, задыхаясь, дождь затекал ему в глаза и нос, – и ключ от проходной комнаты тоже.

– Хорошо, – сказал Гаер.

– Последние свободные номера, – сказал Эрл. – Подъехать ближе? Они в другом здании.

Интерьер двух смежных номеров был апофеозом банальности. Они уже останавливались в тысячах таких каморок, где покрывало на постели было ярко-оранжевого цвета, а на бледно-зеленой стене висел выцветший фотоснимок Большого каньона. Джон был равнодушен к тому, что его окружало, но Вирджинии все эти комнатухи казались достойной моделью Чистилища. Бездушным преддверием Ада, где никогда ничего не случается и никогда не случится. В этих комнатах не было ничего, что отличало бы их от остальных, но с ней самой сегодня что-то происходило.

Вряд ли это было из-за разговоров о торнадо. Она смотрела, как Эрл вносил и распаковывал сумки, и чувствовала странную отрешенность, словно смотрела на все сквозь завесу толще, чем завеса дождя за окном. Она напоминала человека, ходящего во сне. Когда Джон тихо сказал ей, на какой именно постели она будет сегодня спать, Вирджиния легла, попробовала расслабиться и снять это странное напряжение. Однако это было легче сказать, чем сделать. Кто-то в соседнем номере смотрел телевизор, и сквозь тонкую как бумага стену она слышала каждое слово ночного фильма.

– С тобой все в порядке?

Она открыла глаза. Эрл, как всегда заботливый, склонился над ней. Он выглядел таким же усталым, как она. Лицо его, загоревшее во время ралли под открытым небом, сейчас было скорее желтоватым. Он начал набирать вес, хотя эта грузность и гармонировала с его упрямым широким лицом.

– Со мной все хорошо, спасибо, – ответила она, – только пить хочется.

– Я посмотрю, смогу ли раздобыть для тебя что-нибудь. Может, у них тут есть автомат с кока-колой.

Она кивнула, встретившись с ним взглядом. В этом обмене взглядами прятался подтекст, неведомый Гаеру, который сейчас сидел за столом и делал заметки к завтрашнему выступлению. На всем протяжении турне Эрл снабжал Вирджинию таблетками. Ничего экзотического, всего лишь транквилизаторы, чтобы успокоить ее растревоженные нервы. Но транквилизаторы – так же как и косметика, стимуляторы и драгоценности – не одобрялись человеком, который следовал Господним принципам, и, когда случайно муж наткнулся на успокоительное, последовала безобразная сцена. Эрл тогда принял на себя гнев своего нанимателя, за что Вирджиния была глубоко ему благодарна. И хотя получил четкую инструкцию никогда не повторять этого преступления, он собирался вновь дать ей таблетки. Их общая вина была тайной, которая почти что доставляла им удовольствие, и даже сейчас она читала это знание в его глазах точно так же, как и он – в ее.

– Никакой кока-колы, – сказал Гаер.

– Ну, я думаю, можно сделать исключение...

– Исключение? – переспросил Гаер, и в его голосе появились характерные нотки самолюбования. Риторика повисла в воздухе, и Эрл проклинал свой дурацкий язык. – Не для того

Господь дал нам законы, по которым мы живем, чтобы мы придумывали всякие там исключения, Эрл. Ты же сам это знаешь.

В этот миг Эрл не особенно беспокоился по поводу того, что там говорил Господь. Он беспокоился из-за Вирджинии. Она была сильной, он знал это, несмотря на свою видимую томность уроженки юга и хрупкое сложение, достаточно сильной, чтобы улаживать все мелкие неприятности во время турне, когда Господь был занят другими делами и не стал бы помогать своему полевому агенту. Но ничья сила не безгранична, и он чувствовал, что она находится на грани срыва. Она столько отдала своему мужу: любовь и обожание, энергию и энтузиазм. И за последние несколько недель Эрл уже не один раз думал, что она заслужила лучшей участи, чем этот церковник.

– Не можешь ли ты принести мне немного воды со льдом? – спросила она, глядя на него снизу вверх. Под ее серо-голубыми глазами пролегли усталые тени. По современным стандартам она не была красавицей: ее черты были чересчур аристократически бесцветными. Усталость придавала им особую прелесть.

– Холодная вода скоро придет, – сказал Эрл, стараясь говорить жизнерадостно, хотя сил у него на это не осталось.

Он пошел к двери.

– Почему бы не позвать коридорного, и пускай он распорядится, чтобы принесли воду? – спросил Гаер, когда Эрл уже собрался выйти. – Я хочу, чтобы мы сейчас просмотрели наш маршрут для следующей недели.

– Да это не проблема, – ответил Эрл. – Правда. Кроме того, я должен позвонить в Пампу и сказать им, что мы задерживаемся. – И он вышел в коридор, прежде чем ему успели возразить.

Ему нужно было выйти, чтобы побыть одному: атмосфера между Вирджинией и Гаером накалялась день ото дня, и это было отнюдь не приятное зрелище. Долгий миг он стоял, глядя, как льется дождь. Старый тополь в середине стоянки склонил перед потопом свою лысеющую голову – Эрл точно знал, как тот себя чувствует.

И пока он стоял вот так, в коридоре, гадая, как ему сохранить здравый рассудок во время последних восьми недель турне, две фигуры сошли с шоссе и пересекли парковочную площадку. Он не глядел на них, хотя тропа, по которой они направлялись к номеру семь, была прямо в поле его зрения. Они прошли сквозь стену дождя на обширную площадку за конторой управляющего, где когда-то, в 1955 году, они запарковали свой красный «бьюик», и, хотя дождь лил потоком, их не коснулась ни единая капля дождя. Женщина, чья прическа успела со времен пятидесятых дважды войти и выйти из моды и чьи одежды выглядели такими же старомодными, на мгновение замедлила шаг, поглядев на мужчину, который с неожиданным вниманием рассматривал старый тополь. Лицо его было хмурым, но глаза, несмотря на это, казались добрыми. В свое время она бы полюбила такого человека, подумала она, но ведь ее время давно прошло, верно ведь? Бак, ее муж, повернулся к ней и настойчиво спросил:

– Ты идешь, Сэди? – и она последовала за ним по засыпанной гравием дорожке (когда она видела дорожку в последний раз, та была деревянной) и сквозь открытую дверь в номер семь.

Холод заполз Эрлу за воротник. Слишком уж долго таращился на этот дождь, подумал он, и слишком много бесплодных желаний. Он прошел до конца крытого двора, потом стремительно пересек площадку к конторе, предварительно сосчитав до трех.

Сэди Дарнинг оглянулась, чтобы посмотреть на Эрла, потом опять повернулась к Баку. Годы не стерли чувство обиды, которое она испытывала к своему мужу, так же как не исправили хитрые черты его лица или чересчур легковесный смех. Она не слишком-то любила его тогда, второго июня 1955 года, и не слишком любила его сейчас, когда прошло ровно тридцать лет. У Бака Дарнинга была душа прощелыги – как всегда, предупреждал ее отец. Само по себе это было не так уж страшно – просто еще одна необходимая особенность мужчины, – но в

результате вело к такому грязному поведению, что она наконец устала от бесконечной лжи. Он же, ничтоже сумняшеся, воспринял ее унылое настроение как намек на второй медовый месяц. Эта феноменальная самоуверенность вызвала у нее такое раздражение, которое в конце концов пересилило любые надежды на взаимную терпимость. Так что три десятилетия назад, когда они въехали в мотель «Тополь», она подготовилась к чему-то большему, нежели ночь любви. Она отправила Бака в душ, а когда он оттуда вышел, направила на него смит-вессон тридцать восьмого калибра и проделала в его груди огромную дыру. Затем побежала, отбросив пистолет и не слишком беспокоясь о том, поймают ли ее полиция. Когда ее поймали, она тоже не слишком беспокоилась. Сэди посадили в тюрьму округа Карсон, в Панхандале, и через несколько недель привели на суд. Она даже не пыталась отрицать свою вину: в ее жизни и так было слишком много лжи и притворства – хватило бы на все тридцать восемь лет. Так что ее поведение нашли вызывающим, отправили подсудимую в Хантсвилльскую государственную тюрьму и, выбрав солнечный денек в октябре, пропустили через тело в общей сложности 2250 вольт, почти мгновенно заставив остановиться ее нераскаянное сердце. Око за око, зуб за зуб. Она появилась на свет в результате этого простого уравнивания морали и не возражала уйти из жизни на основании такой же математики.

Но сегодня вечером она и Бак были избраны повторить путешествие, которое совершили тридцать лет назад, чтобы выяснить, смогут ли они понять, почему их брак закончился убийством. Это была возможность, которая предлагалась многим погибшим любовникам, хотя на самом деле лишь немногие принимали ее, скорее всего, потому, что боялись повторения катастрофы, приведшей их к разрушительному концу. Сэди, однако, не могла удержаться и все гадала, было ли это предопределено – быть может, лишь одно нежное слово Бака или неподдельно влюбленный взгляд его пасмурных глаз могли бы остановить ее лежащий на курке палец и спасти жизнь им обоим. Эта остановка всего лишь на одну ночь могла дать им возможность проверить правильность хода истории. Невидимые, неслышимые, они последовали бы по тому же маршруту, которым прошли несколько десятилетий назад. А следующие несколько часов покажут, непременно ли этот путь ведет к убийству.

Номер седьмой был занят и номер рядом – тоже; проходная дверь была открыта, и в обоих номерах горели флуоресцентные светильники. Но населенность номеров не была для этой четы проблемой. Сэди уже давно привыкла к эфирному состоянию, невидимому странствию среди живущих. Так она посетила свадьбу своей племянницы, а позже – похороны отца. Они вместе с покойным стариком стояли рядом с могилой и сплетничали по поводу скорбящих. Однако Бак, как существо более подвижное и живое, был склонен к некоторой беззаботности. Она надеялась, что сегодня ночью он будет осторожен. В конце концов, он хотел провести этот эксперимент точно так же, как и она сама.

Пока они стояли на пороге и оглядывали комнату, в которой разыгрался этот смертельный фарс, она гадала, сильную ли боль ему причинил выстрел. Надо спросить его об этом сегодня, если представится такая возможность, подумала она.

Когда Эрл заходил в офис управляющего, чтобы заказать комнаты, там сидела молодая женщина с простоватым, но приятным лицом. Теперь она исчезла, а на ее месте сидел человек лет шестидесяти с недельной щетиной и в рубашке с подтеками пота. При появлении Эрла он близоручко взглянул на него из-за вчерашней газеты «Ежедневные новости Пампы».

– Чего?

– У вас можно раздобыть немного воды со льдом? – спросил Эрл.

Мужчина обернулся и крикнул:

– Лаура-Мэй! Ты здесь?

Сначала из дверного проема раздались звуки послеполночного кино: крики, выстрелы, рев сбежавшего зверя, а потом и крик Лауры-Мэй:

– Чего ты хочешь, па?

– Этот человек хочет, чтобы его обслужили, – прокричал в ответ ее отец, не без иронии в голосе. – Может, ты все-таки выберешься и сделаешь хоть что-нибудь?

В ответ ничего не донеслось, кроме криков с экрана телевизора, которые уже порядком надоели Эрлу. Управляющий взглянул на него. Один глаз у него был замутнен катарактой.

– Вы с этим проповедником? – спросил он.

– Да... но как вы узнали, что это?..

– Лаура-Мэй узнала его. Видела фотографию в газете.

– Так что?

– Не упусти случая, парень.

Словно в ответ на этот намек, Лаура-Мэй вышла из комнаты за конторой. Когда ее карие глаза узнали Эрла, она явно пришла в хорошее расположение духа.

– О!.. – сказала она и улыбнулась, отчего черты ее лица смягчились. – Что я могу сделать для вас, мистер? – Эта фраза вместе с улыбкой, казалось, предполагала большее, нежели просто вежливое внимание, или просто ему хотелось так думать? Один раз он снял женщину на ночь в Помка-сити, Оклахома, но, за исключением того случая, за последние три месяца обходился без секса. Так что, ловя удачу, он улыбнулся в ответ. Хотя ей было по меньшей мере тридцать пять лет, ее манеры были как у девочки-подростка, а тот взгляд, которым она одарила его, был обезоруживающе откровенным. Поэтому, встретившись с ней взглядом, Эрл подумал, что, предполагая в ней какой-то особый интерес, был не так уж далек от истины.

– Вода со льдом, – сказал он. – Я хотел узнать, ее можно раздобыть? Миссис Гаер неважно себя чувствует.

Лаура-Мэй кивнула.

– Я достану, – сказала она и на секунду задержалась в дверях, прежде чем вернуться в комнату с телевизором.

Шум, доносившийся с экрана, стих – возможно, там наступило минутное затишье, перед тем как вновь появится чудовище. В наступившей тишине Эрл слышал, как струи дождя барабанили по крыше и льются на землю, превращая ее в жидкую грязь.

– Неплохо сегодня поливает, а? – заметил управляющий. – Если так и завтра будет продолжаться, вас просто смочет.

– Люди ездят в любую погоду, – сказал Эрл, – а Джон Гаер хорошо водит машину.

Мужчина скорчил рожу.

– Из торнадо-то он не вырулит, – сказал он, явно наслаждаясь своей ролью предсказателя судьбы. – Мы сейчас как раз ожидаем такого.

– В самом деле?

– В позапрошлом году ветер сорвал крышу со школы. Взял и поднял ее в воздух.

Лаура-Мэй снова появилась в дверях с подносом, на котором стояли кувшин и четыре стакана. Лед звякал, ударяясь о стенки кувшина.

– Что ты там говоришь, па? – спросила она.

– Торнадо.

– Для этого недостаточно жарко, – возразила она с небрежной уверенностью. Ее отец что-то протестующе хмыкнул, но не возразил. Лаура-Мэй подошла к Эрлу, держа в руках поднос, но, когда он сделал попытку принять его, сказала:

– Я отнесу сама. Показывай дорогу.

Он не возражал. У них будет еще немного времени, чтобы поболтать, пока они дойдут до номера Гаеров.

Возможно, она подумала то же самое или же просто хотела поближе рассмотреть евангелиста.

Они вместе молча прошли до выхода из конторы и там остановились. Перед ними лежало двадцать ярдов размытой земли – от одного здания до другого.

– Может, я понесу кувшин? – предложил Эрл. – А ты понесешь на подносе стаканы.

– Ладно, – ответила она. Потом, поглядев на него так же прямо, как это было в ее обычае, она спросила:

– Тебя как зовут?

– Эрл, – ответил он ей, – Эрл Райбурн.

– А я – Лаура-Мэй Кэйд.

– Очень рад познакомиться с вами, Лаура-Мэй.

– Ты знаешь про это место? – спросила она. – Папа наверняка рассказал вам?

– Ты имеешь в виду торнадо? – сказал он.

– Нет, – ответила она. – Я имею в виду убийство.

Сэди стояла у изножья кровати и разглядывала лежащую на ней женщину. Она умеет одеваться, подумала Сэди, – ее одежда была тусклой и унылой, а волосы – не уложены. Женщина что-то бормотала в полудреме и вдруг – внезапно – проснулась. Ее глаза широко раскрылись. В них были тревога и боль. Сэди поглядела на нее и вздохнула.

– В чем дело? – поинтересовался Бак. Он уже поставил чемоданы и сидел в кресле напротив четвертого постояльца – крупного мужчины с жесткими, властными чертами лица и копной седых волос, которых бы не постыдился ветхозаветный пророк.

– Ни в чем, – ответила Сэди.

– Я не хочу делить комнату с этими, – сказал Бак.

– Но ведь это же та комната, в которой... в которой мы остановились, – ответила она.

– Давай переберемся в соседний номер, – предложил Бак, кивнув в сторону открытой сквозной двери в номер восемь. – Нам там будет поудобнее.

– Они ведь нас не могут увидеть, – сказала Сэди.

– Но зато я могу их видеть, – ответил Бак, – а это выводит меня из терпения. Да какая разница, если мы будем в другой комнате, бога ради! – Не дожидаясь, пока Сэди согласится, Бак поднял чемоданы и внес их в комнату Эрла. – Идешь ты или нет? – спросил он Сэди. Та кивнула. Лучше поладить с ним. Если она начнет с ним препираться, все пойдет по-прежнему, и они никогда не пройдут первого испытания. Согласие было основным условием этого воссоединения, так что она напредила себе об этом и послушно отправилась за ним в номер восемь.

Лежа на кровати, Вирджиния думала о том, чтобы подняться и пройти в ванную, где, никем не замеченная, она могла бы проглотить таблетку-другую транквилизаторов. Но присутствие Джона пугало ее, иногда она чувствовала, словно он может видеть ее насквозь – все ее мелкие грехи были для него открытой книгой. Она была уверена, что если поднимется и начнет рыться в сумочке в поисках лекарств, он спросит ее, что это такое она делает. А если спросит, она не сможет скрыть правды. У нее не было силы сопротивляться огню его испепеляющих глаз. Нет, лучше лежать и ждать, пока Эрл не принесет воду. Тогда, пока они вдвоем будут обсуждать дальнейший маршрут, она сможет выскользнуть и принять запретные таблетки.

Свет в комнате был слабым и мерцал, он раздражал, ей хотелось смежить веки, чтобы не видеть его фокусов.

Буквально за секунду до этого мерцающий свет сформировал мираж у изножья кровати – нечто с крыльями, точно у ночной бабочки, словно застыло в воздухе, а потом растворилось.

Около окна Джон опять читал вполголоса. Поначалу она уловила всего несколько слов:

«И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы...»

Она мгновенно узнала этот отрывок – его ни с чем нельзя было спутать.

Это были строчки из Откровения Иоанна Богослова. Она знала эти слова наизусть. Он постоянно декламировал их на собраниях.

«И сказано было ей, чтобы она не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям, которые не имеют печати Божией на челах своих».

Гаер любил Откровение. Он читал его гораздо чаще, чем Евангелия, которые знал наизусть, но чьи слова не воодушевляли его так, как нервный ритм Откровения. Он словно наблюдал Апокалипсис и возбуждался от этого. Голос Джона приобретал иные интонации: поэзия, вместо того чтобы исходить из него, проходила сквозь него. Беспомощный в ее длани, он покорно продвигался от образа к образу – от ангелов к драконам, а потом – и к Блуднице вавилонской, на алом звере сидящей.

Вирджинии хотелось, чтобы он замолчал. Обычно ей нравилось слышать, как муж читает стихи из Откровения, но не сегодня. Сегодня слова звучали так, словно теряли свое значение, и она почувствовала – возможно, в первый раз, – что Джон не понимает того, что говорит, что, пока он вновь и вновь цитирует эти фразы, их суть улетучивается. Она неожиданно для себя презрительно хмыкнула. Гаер тут же прекратил чтение.

– В чем дело? – спросил он.

Она открыла глаза, раздраженная тем, что прервала его.

– Ни в чем.

– То, что я читаю, тебя расстроило? – Ему необходимо было знать. Такой допрос был очередным испытанием, и она тут же дала задний ход.

– Нет, – сказала она, – разумеется, нет.

В дверном проеме между двумя комнатами Сэди наблюдала за выражением лица Вирджинии. Конечно, эта женщина лгала, чтение, разумеется, расстроило ее. Оно расстроило и Сэди, но лишь потому, что казалось таким мелодраматически-жалким, наркотиком – эта мечта об Армагеддоне, которая выглядела скорее комически, нежели угрожающе.

– Скажи ему, – посоветовала она Вирджинии. – Давай! Скажи ему, что тебе это не нравится.

– К кому ты обращаешься? – сказал Бак. – Они же тебя не слышат.

Сэди не обратила внимания на замечание своего мужа.

– Да скажи же ты этому ублюдку, – настаивала она.

Но Вирджиния просто лежала, тогда как Гаер опять взялся за эту главу, его пыл казался еще более глупым, чем раньше.

«По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну, и на головах у ней как бы венцы, похожие на золотые, лица же ее – как лица человеческие.

И волосы у ней – как волосы у женщин, а зубы у ней были как у львов».

Сэди покачала головой: просто-таки комикс ужасов, предназначенных, чтобы пугать детей. Почему людям нужно умереть, чтобы вырасти из подобной чуши?

– Скажи ему, – вновь вступила она, – скажи ему, до чего нелепо это звучит.

Как только эти слова сорвались у нее с губ, Вирджиния села на постели и сказала:

– Джон?

Сэди устала на нее, понуждая продолжать:

– Ну же! Ну!

– Неужели обязательно нужно все время говорить лишь о смерти? Это очень подавляет.

Сэди чуть не начала аплодировать, это было не совсем то, что она имела в виду, но каждый имеет право на свое мнение.

– Что ты сказала? – спросил Гаер, полагая, что, возможно, он неправильно ее понял. Неужели она бросает ему вызов?

Вирджиния поднесла к губам дрожащую руку, словно пытаясь задержать еще невысказанные слова, но тем не менее они вырвались.

– Эти строки, которые ты читал. Я ненавижу их. Они такие...

– Глупые... – предположила Сэди.

– Неприятные, – сказала Вирджиния.

– Ты идешь спать или нет? – требовательно спросил Бак.

– Минутку, – ответила ему Сэди не оборачиваясь. – Я просто хочу поглядеть, что тут происходит.

– Жизнь – это не мыльная опера, – заметил Бак. Сэди уже собиралась возразить, но, прежде чем открыла рот, проповедник приблизился к постели Вирджинии, сжимая в руке Библию.

– Это – правдивые слова Господа, Вирджиния, – сказал он.

– Я знаю, Джон. Но есть и другие главы...

– Я всегда думал, что тебе нравится Апокалипсис.

– Нет, – сказала она, – он меня расстраивает.

– Ты просто устала.

– О да, – вставила Сэди, – это то, что они всегда тебе скажут, когда то, что ты говоришь им, слишком похоже на правду. Ты устала, говорят они, почему бы тебе не вздремнуть?

– Почему бы тебе не поспать немножко? – сказал Гаер. – А я пойду в соседний номер и поработаю там.

Вирджиния целых пять секунд выдерживала испытующий взгляд мужа, потом кивнула.

– Да, – согласилась она, – я действительно устала.

– Глупая женщина, – сказала ей Сэди. – Обороняйся, или он опять займется тем же самым. Только дай им палец, они всю руку откусят.

Бак возник за спиной Сэди.

– Я уже просил тебя один раз, – сказал он, беря ее за руку. – Ведь мы же здесь для того, чтобы снова стать друзьями. Так что давай займемся этим. – Он подтолкнул ее к двери, гораздо более грубо, чем это было необходимо. Она сбросила его руку.

– Не нужно так злиться, Бак, – сказала она.

– Ха! И это ты говоришь! – сказал он с безрадостным смехом. – Ты хочешь посмотреть, что такое злоба? – Сэди отвернулась от Вирджинии и посмотрела на своего мужа. – Вот это – злоба, – сказал он. Он снял пиджак, стянул с себя рубашку без застежек, чтобы открыть огнестрельную рану. На таком близком расстоянии пистолет Сэди проделал внушительную дыру в его груди, кровоточащую и с обгорелыми краями, она была свежая, как в момент его смерти. Он указал на нее пальцем, точно на орден. – Ты видишь это, золотко? Ведь это ты сделала.

Она без малейшего интереса поглядела на рану. Это наверняка было несмываемое клеймо – единственное, которое она когда-либо оставляла на мужчине, подумала Сэди.

– Ты ведь изменял мне с самого начала, верно? – спросила она.

– Мы говорим не об изменах, а о стрельбе, – заметил Бак.

– Похоже, одно приводит к другому, и не раз.

Бак сощурил свои и без того узкие глаза. Многие женщины не могли противиться такому взгляду, если учесть, сколько было на похоронах анонимных, но скорбящих дам.

– Ладно, – сказал он. – У меня были женщины. Что с того?

– Да то, что я застрелила тебя, – невыразительно ответила Сэди.

Это все, что она могла сказать по этому поводу. Именно поэтому судебный процесс был таким коротким.

– Ну, по крайней мере, ты можешь сказать мне, что тебе жаль, – вспыхнул Бак.

Какой-то момент Сэди обдумывала это предложение и ответила:

– Но ведь мне не жаль.

Она поняла, что ответ был не слишком тактичным, но это была неизбежная правда. Даже когда Сэди пристегнули к электрическому стулу и священник изо всех сил старался смягчить ее неумный дух, она все равно не жалела о том, как развернулись события.

– Все это бесполезно, – сказал Бак. – Мы пришли сюда, чтобы помириться, а ты даже не можешь сказать, что тебе жаль. Ты – больная женщина, ты хоть это знаешь? И всегда была такой. Всегда лезла в мои дела, всегда что-то вынюхивала у меня за спиной.

– Да ничего я не вынюхивала, – твердо ответила Сэди. – Эта твоя грязная тварь сама нашла меня.

– Грязная тварь?

– Ох, ну, конечно, Бак, грязная. Скрытная, мерзкая.

Он изо всех сил схватил ее.

– Возьми свои слова обратно, – потребовал он.

– Ты и раньше любил меня так пугать, – холодно сказала она, – именно поэтому я купила пистолет.

Он оттолкнул ее:

– Ладно, не говори, что я не старался. Я действительно старался. Но ведь ты не хотела отступить ни на шаг, верно? – Он указал на нее пальцем, голос его смягчился. – А ведь мы могли бы неплохо провести сегодняшнюю ночь, – пробормотал он. – Лишь ты и я, детка. Я бы немножко поиграл тебе на своей трубе, понимаешь, о чем я? Было такое время, когда ты бы мне не отказала.

Она тихо вздохнула. То, что он говорил, было правдой. Было время, когда она с благодарностью принимала те крохи, которые он ей давал, и считала себя счастливой женщиной. Но времена изменились.

– Да ладно, детка, расслабься, – нежно сказал он и начал стаскивать с себя рубаху. Живот у него был безволосым, как у младенца. – Что скажешь, если мы забудем все, что ты тут наговорила, и просто положим и поболтаем?

Она уже собралась ответить на это предложение, когда дверь в номер семь отворилась и зашел мужчина с добрыми глазами, а с ним женщина, чье лицо вызвало бурю воспоминаний в мозгу Сэди.

– Вода со льдом, – сказал Эрл. Сэди наблюдала, как он идет через комнату. Во всей Вичита-Фолл не было такого мужчины – во всяком случае, она не помнила никого подобного. Он почти что вернул ей желание жить.

– Так ты собираешься раздеваться? – спросил Бак за спиной.

– Одну минутку, Бак, бога ради, у нас впереди целая ночь.

– Я – Лаура-Мэй Кэйд, – сказала женщина с очень знакомым лицом, ставя на стол поднос со стаканами.

Разумеется, подумала Сэди, это – маленькая Лаура-Мэй. Девочке исполнилось пять или шесть лет, когда Сэди была здесь в последний раз, – странный, скрытный ребенок, все время глядела искоса. Прошедшие годы принесли ей физическую зрелость, но до сих пор в ее чуть асимметричных чертах осталась какая-то странность. Сэди повернулась к Баку, который сидел на кровати и расшнуровывал ботинки.

– Помнишь эту малышку? – спросила она. – Ну, ту, которой ты дал двадцать пять центов, просто чтобы она ушла?

– Так что насчет нее?

– Она здесь.

– Так что с того? – ответил он, явно без интереса.

Лаура-Мэй разлила воду по стаканам и понесла стакан в комнату к Вирджинии.

– Вот здорово, что вы к нам приехали, – сказала она, – ведь тут почти ничего не происходит. Разве что иногда торнадо...

Гаер кивнул Эрлу, тот вынул из кармана пятидолларовую банкноту и протянул ее Лауре-Мэй. Она поблагодарила его, сказав, что это необязательно, но банкноту взяла. Однако уходить явно не намеревалась.

– Из-за такой погоды люди чувствуют себя очень странно, – продолжала она.

Эрл мог заранее сказать, о чем пойдет речь, когда Лаура-Мэй откроет рот. Он уже выслушал всю эту историю по дороге сюда и знал, что Вирджиния не в таком состоянии, чтобы выслушивать подобное.

– Спасибо за воду, – сказал он, положил руку на локоть Лауры-Мэй и повел ее к двери, но Гаер остановил его.

– Моя жена страдает от перегрева, – сказал он.

– Вы должны быть очень осторожны, мадам, – посоветовала Вирджинии Лаура-Мэй. – Люди иногда делают уж такие странные вещи...

– Например? – спросила Вирджиния.

– Я не думаю, что мы... – начал Эрл, но прежде чем он сказал – «хотим это услышать», Лаура-Мэй небрежно ответила:

– Ах, в основном, убийства.

– Слышал? – гордо сказала Сэди. – Она все помнит.

– В этой самой комнате, – умудрилась вставить Лаура-Мэй, пока Эрл не вывел ее силой.

– Погоди! – сказала Вирджиния, когда они оба исчезли в дверях. – Эрл! Я хочу послушать, что тут произошло.

– Нет, ты не хочешь, – сказал ей Гаер.

– О, конечно же, хочет, – очень тихо сказала Сэди, разглядывая выражение лица Вирджинии. – Ведь ты действительно хочешь это знать, Джинни?

Растерявшись от обилия возможностей, Вирджиния глядела то на наружную дверь, то на проход в номер восемь, и ее глаза, казалось, остановились на Сэди. Взгляд был таким прямым, словно она в самом деле видела женщину. Лед в стакане звякнул. Она нахмурилась.

– Что не так? – спросил Гаер.

Вирджиния покачала головой.

– Я спросил, что не так, – настаивал Гаер.

Вирджиния поставила стакан на прикроватный столик. Спустя мгновение она очень просто сказала:

– Тут кто-то есть, Джон. Кто-то в нашей комнате. Я слышала голоса. Возбужденные.

– В соседнем номере, – ответил Гаер.

– Нет, в комнате Эрла.

– Она пуста. Должно быть, это в следующем номере.

Но Вирджинию нельзя было успокоить при помощи логики.

– Говорю тебе, я слышала голоса. И я видела что-то у изножья кровати. Что-то в воздухе.

– О господи боже, – прошептала Сэди, – проклятая баба – экстрасенс.

Бак поднялся. Теперь он был в одних шортах. Прошел к двери и с новым вниманием поглядел на Вирджинию.

– Ты уверена? – спросил он.

– Тише! – сказала Сэди, убираясь из поля зрения. – Она говорит, что может видеть нас.

– С тобой не все в порядке, Вирджиния, – говорил Гаер в соседней комнате. – Если эти пилюли, которые он тебе скармливал...

– Нет, – ответила Вирджиния, возвысив голос. – Когда ты наконец прекратишь говорить про эти таблетки? Они просто для того, чтобы я успокоилась, лучше спала.

Сейчас-то она отнюдь не спокойна, подумал Бак. Ему нравилось то, как она дрожит, пытается удержать слезы. Похоже, ей нужно, чтобы ей немножко поиграли на трубе, бедняжке Вирджинии, уж это наверняка поможет ей заснуть.

– Говорю тебе, что я могу видеть разные вещи, – втолковывала она своему мужу.

– Которые я не могу, – скептически откликнулся Гаер. – Именно это ты хочешь сказать? Что у тебя есть способность видеть то, что для нас, остальных, скрыто?

– Да я же не горжусь этим, черт побери! – воскликнула она, раздраженная иронией в его голосе.

– Давай-ка выйдем, Бак, – сказала Сэди. – Мы расстраиваем ее. Ей известно, что мы здесь.

– Так что с того? – откликнулся Бак. – Этот муж-придурок ей не верит. Погляди на него. Он же думает, что она не в себе.

– Мы уж точно сведем ее с ума, если будем расхаживать тут, – сказала Сэди. – По крайней мере, давай будем говорить потише, ладно?

Бак поглядел на Сэди и изобразил подобие улыбки.

– Хочешь, чтобы я это сделал? – сказал он игриво. – Я уберусь с их дороги, если мы немножко поразвлечемся.

Перед тем как ответить, Сэди с миг колебалась. Возможно, для всех будет лучше, если она уступит настояниям Бака. Этот человек был младенцем с эмоциональной точки зрения, всегда был. Секс был одним из тех немногих способов, при помощи которых он мог выразить себя.

– Ладно, Бак, – сказала она. – Я только немного освежусь и причешу волосы.

В это время в номере семь происходил неприятный разговор.

– Я собираюсь принять душ, Вирджиния, – сказал Гаер. – Я предлагаю тебе лечь и успокоиться. Прекрати корчить из себя дуру. Если ты будешь продолжать разговаривать таким образом, то испортишь всю поездку. Ты меня слышишь?

Вирджиния посмотрела на мужа очень внимательно, как никогда не отваживалась до этого.

– О да, – сказала она без всякого выражения, – я тебя слышу.

Казалось, он удовлетворился этим. Стянул пиджак и отправился в ванную, прихватив с собой Библию. Она слышала, как закрылась дверь, и устало вздохнула. Она знала, что за этим взаимным раздражением последуют обвинения с его стороны, что все последующие дни он будет требовать от нее раскаяния. Она поглядела на сквозную дверь. Там больше не было никаких признаков воздушных теней, и шепота оттуда тоже не доносилось. Возможно, всего лишь возможно, она действительно все вообразила. Она открыла сумочку и вытащила спрятанную там бутылочку с таблетками. Все время поглядывая на дверь ванной, выбрала себе смесь из трех разновидностей и запила их глотком ледяной воды. Вообще-то лед в кувшине уже давно растаял. Вода, которую она глотала, была пресной, как дождь, который все лил и лил за окном. Может быть, к утру весь мир смоет с лица земли. Если так, подумала она сонно, скорбеть по этому поводу она не будет.

– Я же просил тебя ничего не говорить про убийство, – сказал Эрл Лауре-Мэй. – Миссис Гаер такой разговор может не понравиться.

– Люди убивали во все времена, – ответила Лаура-Мэй не раскаявшись. – Не может же она жить все время, спрятав голову в песок.

Эрл ничего не ответил. Они как раз подошли к выходу из здания. Впереди лежала залитая дождем парковка. Лаура-Мэй подняла лицо и поглядела на него. Она была немножко ниже его ростом. Ее глаза были большими и сверкающими. Хоть он и рассердился, но не мог не заметить того, какими полными и блестящими были ее губы.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Я не хотела, чтобы у тебя были неприятности.

– Да я знаю. Я просто расстроен.

– Это жара, – вернулась она к любимой теме. – Как я и говорила, она что-то делает с мозгами людей. Сам знаешь. – Взгляд ее на секунду заколебался, а по лицу пробежало выражение неуверенности. Эрл почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки. Был ли это намек? Она явно предлагала что-то. Но он не мог произнести ни слова. Наконец заговорила именно она:

– Ты должен возвращаться прямо сейчас?

Эрл сглотнул, горло у него пересохло.

– Не вижу причины, – сказал он. – Я имею в виду, что, если они хотят поговорить друг с другом, я не собираюсь вступать.

– Что-то неладно? – спросила она.

– Похоже. Я просто хочу, чтобы они спокойно уладили все дела. Я им только помешаю. Я им не нужен.

Лаура-Мэй опустила взгляд вниз.

– А мне нужен, – выдохнула она. Он едва расслышал, что она сказала, так шумел дождь.

Он осторожно поднес к ее щеке руку и дотронулся до нее. Она задрожала даже от этого легкого прикосновения. Тогда он наклонил голову и поцеловал ее, и она ответила ему.

– Почему бы нам не пойти в мою комнату? – прошептала она в его губы. – Мне бы не хотелось делать это на улице.

– А как насчет твоего папы?

– К этому времени он уже мертвецки пьян, каждую ночь происходит одно и то же. Просто иди себе спокойно. Он никогда не узнает.

Эрл был не слишком доволен такой тактикой. Если его найдут в постели с Лаурой-Мэй, он потеряет больше, нежели работу. Он был женатым человеком, даже при том, что уже три месяца не видел Барбару. Лаура-Мэй почувствовала его нерешительность.

– Ты можешь не ходить, если не хочешь, – сказала она.

– Это не потому.

Он поглядел на нее, она облизнула губы. Это было абсолютно бессознательное действие, он был уверен, но этого хватило, чтобы решиться. Все, что лежало впереди – фарс и неизбежная трагедия, хоть тогда он и не знал этого, – все было предрешено, когда Лаура-Мэй с такой небрежной чувственностью облизала губы.

– Ах, черт, – сказал он, – ты – это нечто, ты это знаешь?

Он склонился к ней и поцеловал ее вновь, а в это время над Скеллитауном облака разразились громовым раскатом, словно цирковой барабан перед особенно опасным акробатическим номером.

В номере семь Вирджиния спала и видела сны. Кошмарные сны. Таблеткам не удалось благополучно доставить ее в тихую сонную заводь. Во сне она заблудилась в ужасающей буре. Она цеплялась за искалеченное дерево – жалкий якорь в таком урагане, – а ветер поднимал в воздух коров и автомобили, засасывал полмира в черные облака, вскипавшие над головой. И как только она подумала, что ей предстоит умереть здесь, абсолютно одной, она увидела две фигуры в нескольких ярдах впереди, они появлялись и вновь исчезали за мерцающей пеленой пыли, которую поднял ураган. Она не могла разглядеть их лиц, поэтому окликнула их:

– Кто вы?

В соседней комнате Сэди слышала, как Вирджиния разговаривает во сне. Что ей снится, этой женщине, гадала она. Она боролась с искушением пройти в комнату Вирджинии и прошептать ей что-нибудь на ухо.

А за сомкнутыми веками Вирджинии все длился сон. Хоть она и позвала этих незнакомцев сквозь бурю, казалось, они не слышали ее. Боясь оставаться одной, она покинула надеж-

ное дерево – которое тут же вырвало с корнем и унесло прочь, – и начала прорываться сквозь жалящую пыль туда, где стояли незнакомцы. Один был мужчиной, второй – женщиной, оба были вооружены. И когда она вновь окликнула их, давая им знать, что она здесь, они напали друг на друга, в их шее и груди открылись смертельные раны.

– Убийство! – прокричала она, а ветер швырнул кровь противников ей в лицо. – Ради бога, остановите их кто-нибудь! Убийство!

И внезапно она проснулась, сердце ее колотилось так, что вот-вот готово было взорваться. Сон все еще порхал у нее перед глазами. Она потрясла головой, чтобы избавиться от чудовищных образов, затем осторожно передвинулась к краю кровати и встала. Голова была такой легкой, что, казалось, могла парить, как воздушный шар. Ей нужно было хоть немного свежего воздуха. За всю свою жизнь она не чувствовала себя так странно. Так, словно потеряла малейшее представление о том, что реально, а что – нет, словно обычный, реальный мир проскальзывал у нее между пальцами точно вода. Она подошла к наружной двери. В ванной был Джон, и она слышала его – он говорил вслух, обращаясь к зеркалу без сомнения, отшлифовывая каждую деталь предстоящего выступления. Она вышла в коридор. Там было чуть свежее, но не намного. В одном из номеров в конце блока плакал ребенок. Пока она слушала, кто-то резким голосом велел ему замолчать. Секунд на десять ребенок затих, потом заплакал снова, еще громче. «Давай! – сказала она ребенку. – У тебя есть столько поводов». Она верила людям в несчастье – похоже, это было единственное, во что она еще верила. Печаль была гораздо честнее, чем искусственная жизнерадостность, которая нынче вошла в моду: фальшивый карнавал пустоголового оптимизма, которым заслонялось отчаяние, гнездящееся в каждом сердце. Ребенок был мудр: он плакал в ночи, не боясь выказать свои страхи. И она молчаливо аплодировала этой честности.

В ванной Джону Гаеру надоело изображение его собственного лица в зеркале, и он углубился в свои мысли. Он опустил крышку унитаза на сиденье и просидел так молча несколько минут. Он чувствовал запах собственного пота, ему нужно было принять душ, а потом – хорошенько выспаться. А завтра – Пампа. Встречи, речи, тысячи рук, которые нужно будет пожать, тысячи благословений, которые нужно будет раздать. Иногда он чувствовал себя уставшим и тогда начинал гадать, не облегчит ли Господь хоть немного его ношу? Но ведь это Дьявол нашептывал ему в ухо – верно ведь? Он не собирался обращать внимание на этот вкрадчивый голос. Если хоть раз прислушаешься, сомнения одолеют тебя, как сейчас они одолели Вирджинию. Где-то на дороге, когда он отвернулся от нее, занимаясь делами Господними, она заблудилась, и Нечистый нашел ее в странствиях. Он, Джон Гаер, обязан привести жену назад, на тропу Правды, заставить увидеть, в какой опасности оказалась ее душа. Будут слезы и жалобы, а может, он слегка понаставит ей синяков. Но синяки исцеляются.

Он отложил Библию, опустился на колени в узком пространстве между ванной и умывальником и начал молиться. Пытался найти какие-то начальные слова, какую-то мягкую мольбу, чтобы ему дали силы исполнить долг и привести Вирджинию на путь истинный. Но вся мягкость покинула его. На ум приходили лишь слова Апокалипсиса. Он позволил им сорваться с губ, даже притом, что пылавшая в нем лихорадка разгоралась все ярче, по мере того как он молился.

– О чем ты думаешь? – спросила Эрла Лаура-Мэй, проводя его в спальню. Эрл был слишком поражен, чтобы выдать вразумительный ответ. Спальня была Мавзолеем, возведенным, казалось, в честь Банальности. На полках, на стенах и даже на полу красовались вещи, которые можно было подобрать на любой свалке: жестянки из-под кока-колы, коллекция пестрых этикеток, журналы с оборванными обложками, сломанные игрушки, помутневшие зеркала, открытки, которые никогда не будут посланы, письма, которые никогда не будут прочитаны, –

печальный парад забытых и потерянных вещей. Его взгляд метался взад и вперед по замысловатой экспозиции и не нашел ни одной стоящей и целой вещи среди всего этого хлама. Мысль, что все это было делом рук Лауры-Мэй, заставила сжаться желудок Эрла. Женщина явно не в себе.

– Это моя коллекция, – сказала она ему.

– Да, я вижу, – ответил он.

– Я собирала все это с тех пор, как мне исполнилось шесть. – Она прошла через комнату к туалетному столику, где, как Эрл знал, большинство женщин начали бы приводить себя в порядок. Но здесь было лишь продолжение выставки.

– Знаешь, каждый оставляет что-то после себя, – сказала Эрлу Лаура-Мэй, приподнимая очередной хлам с такой нежностью, будто это – драгоценный камень. Перед тем как поставить предмет обратно, она тщательно осмотрела его. Только теперь Эрл увидел, что весь видимый беспорядок на деле был тщательно систематизирован и каждый предмет – пронумерован, точно в этом безумии была какая-то система.

– В самом деле? – спросил Эрл.

– О да. Каждый. Даже если это – обгоревшая спичка или салфетка в губной помаде. У нас была девушка-мексиканка, Офелия, которая убирала комнаты, когда я была маленькой. Все это началось, когда мы с ней так играли, правда. Она всегда приносила мне что-то, принадлежавшее съехавшим гостям. Когда она умерла, я сама продолжала собирать эту коллекцию, всегда что-нибудь сохраняла. Как память.

Эрл начал понимать поэзию абсурда этого музея. В ладном теле Лауры-Мэй прятались честолюбивые амбиции великого организатора. Не потому, что она относилась к этой коллекции как к предметам искусства, но потому, что собирала вещи, чья природа была интимной, вещи-символы ушедших отсюда людей, которых, вероятнее всего, она никогда больше не увидит.

– Ты пометила их все, – сказал он.

– О да, – ответила она. – От них было бы мало пользы, если бы я не знала, кому что принадлежало, верно?

Эрл полагал, что да.

– Невероятно, – прошептал он совершенно искренне.

Она улыбнулась ему, он подозревал, что немногие люди видели ее коллекцию. Он чувствовал себя странно польщенным.

– У меня есть кое-какие по-настоящему ценные вещи, – сказала она, открывая средний ящик своего гардероба. – Вещи, которые я не выставляю напоказ.

– О? – сказал он.

Ящик, который она открыла, был набит мягкой бумагой, которая хрустела, пока Лаура-Мэй копалась в нем, выбирая предметы для спецпоказа. Грязная салфетка, ее нашли под кроватью у голливудской звезды, которая трагически погибла через шесть недель после того, как останавливалась в мотеле; шприц из-под героина, беззаботно оставленный неким Иксом; пустая коробка спичек, которая, как Лаура-Мэй выяснила, была приобретена в баре для гомосексуалистов в Амарилло, оставленная тут неким Игреком. Имена, которые она называла, ничего не говорили Эрлу, но он подыгрывал ей так, как она хотела, издавая то недоверчивые восклицания, то мягкий смех. Ее удовольствие, поощряемое слушателем, росло. Она показала ему всю экспозицию из гардероба, сопровождая каждый предмет то анекдотом, то биографической деталью. Закончив, Лаура-Мэй сказала:

– Я на самом деле не сказала тебе правды, когда говорила, что мы начали играть так с Офелией. На самом деле это случилось позже.

– Так когда ты начала все это собирать? – спросил он.

Она опустилась на колени и открыла нижний ящик гардероба ключом на цепочке, который носила на шее. Там, в шкафу, был лишь один предмет, его она подняла почти с трепетом и выпрямилась, чтобы показать ему.

– Что это?

– Ты спрашиваешь меня, что положило начало коллекции. Вот это. Я обнаружила его и никогда никому не показывала. Можешь поглядеть, если хочешь.

Она протянула ему это сокровище, и он развернул слежавшуюся белую тряпку, в которую предмет был завернут. Это был пистолет смит-вессон тридцать восьмого калибра в приличном состоянии. Через секунду Эрл понял, к какому именно историческому событию оружие относится.

– Это пистолет, которым Сэди Дарнинг... – сказал он, поднимая его. – Я прав?

Она просияла.

– Я нашла его в куче мусора за мотелем до того, как полиция начала его разыскивать. Была такая суматоха, понимаешь, а на меня никто не обращал внимания. И, конечно, они искали его не очень долго.

– Почему?

– День спустя нас настиг торнадо. Снял крышу с мотеля, а школу всю снес. В том году погибло много народу. У нас несколько недель были похороны.

– Они совсем тебя не расспрашивали?

– Я им здорово врала, – сказала она довольно.

– И ты никогда не заявляла о нем? Все эти годы?

Она презрительно взглянула на него при этом предположении.

– Тогда бы его у меня забрали.

– Ведь это – вещественное доказательство.

– Они же все равно ее приговорили, верно? – ответила она. – Сэди призналась во всем, с самого начала. Какая разница, если бы они нашли оружие, которым она его убила?

Эрл вертел в руках пистолет. На нем была засохшая грязь.

– Это кровь, – сообщила ему Лаура-Мэй. – Он был еще мокрый, когда я нашла его. Должно быть, она дотрагивалась им до тела Бака, хотела убедиться, что тот мертв. Использовала только две пули. Все остальные – до сих пор там.

Эрл никогда особенно не любил оружия, с тех пор как его шурин случайно отстрелил себе три пальца. Мысль о том, что пистолет до сих пор заряжен, не слишком обрадовала его. Он вновь завернул его и протянул ей.

– Никогда не видел ничего подобного, – сказал он, пока Лаура-Мэй, нагнувшись, возвращала пистолет на место. – Ты редкая женщина, знаешь?

Она поглядела на него. Ее рука медленно скользнула ему в штаны.

– Я очень рада, что тебе все это понравилось, – сказала она.

– Сэди... Идешь ты в постель или нет?

– Я просто заканчиваю причесываться.

– Ты нечестно играешь. Прекрати думать про свои волосы и иди ко мне.

– Минутку!

– Дерьмо!

– Ты же не торопишься, верно, Бак? Я имею в виду, ты же никуда не собираешься?

Она увидела его отражение в зеркале. Он бросил на нее раздраженный взгляд:

– Думаешь, это смешно, а?

– Что смешно?

– То, что случилось. То, что ты меня застрелила. А сама села на электрический стул. Это почему-то принесло тебе удовлетворение.

Несколько мгновений она обдумывала то, что он сказал. Это был первый случай, когда Бак реально захотел поговорить серьезно, и она решила ответить ему правдиво.

– Да, – сказала она, когда уверилась, что это именно то, что хочет сказать. – Да, я думаю, что по-своему это доставило мне удовольствие.

– Я знал это, – ответил Бак.

– Говори потише, – вскинулась Сэди, – она слышит нас.

– Она вышла из номера. Я это слышал. И не надо менять тему разговора. – Он перека- тился на бок и сел на край постели. Ну и болезненная у него, должно быть, рана, подумала Сэди.

– Она сильно болит? – спросила она, поворачиваясь к нему.

– Ты что, смеешься? – сказал он, показывая ей дырку. – Что, по-твоему, она еще может делать?

– Я думала, это будет быстро, – сказала она. – Я не хотела, чтобы ты страдал.

– Это правда? – спросил Бак.

– Конечно. Ведь я когда-то тебя любила, Бак. Правда, любила. Знаешь, какие заголовки были в газетах на следующий день?

– Нет, – ответил Бак. – Я был занят другим, помнишь?

– «Мотель превратился в Бойню Любви» – так там говорилось. И были фотографии ком- наты, крови на полу и тебя, когда твое тело выносили под простыней.

– Мой звездный час, – сказал он горько. – И ведь мое лицо даже не появилось в газетах.

– Я никогда не забуду этот заголовок. «Бойня Любви»! Я думала, что это романтично. А ты? – Бак раздраженно хмыкнул. Тем не менее Сэди продолжала: – Пока я дожидалась элек- трического стула, получила триста предложений выйти замуж, я говорила тебе об этом когда- нибудь?

– Да ну? – сказал Бак. – А они пришли к тебе в гости? Немножко поиграли тебе на трубе, чтобы отвлечь от грандиозного дня в твоей жизни?

– Нет, – сказала Сэди ледяным тоном.

– Ты могла это устроить. Я – смог бы.

– Больше чем уверена, – ответила она.

– Когда я думаю об этом, Сэди, то распаляюсь. Почему ты не придешь ко мне, пока я еще горяченький?

– Мы пришли сюда, чтобы поговорить, Бак.

– Бога ради, да мы уже поговорили. Больше говорить я не хочу. Ну-ка, иди сюда. Ты же обещала. – Он почесал живот и с кривой улыбкой сказал: – Извини за кровь и все такое, но за это я не в ответе.

Она встала.

– Вот теперь ты ведешь себя разумно, – сказал он.

Пока Сэди Дарнинг шла к своей кровати, Вирджиния вновь вернулась с дождя в комнату. Ливень немного охладил ее лицо, а принятые транквилизаторы понемножку начали оказывать успокаивающее действие. В ванной Джон до сих пор молился, его голос то возвышался, то затихал. Она подошла к столу и поглядела на его записки, но слова, написанные убористым почерком, никак не хотели становиться четкими. Она подняла бумаги, чтобы поглядеть на них поближе, и, как только сделала это, из соседней комнаты раздался стон. Она замерла. Стон повторился, на этот раз более громко. Бумаги дрожали в ее руке, она умудрилась положить их обратно на стол, но голос послышался в третий раз, и тут бумаги выскользнули у нее из рук.

– Ну, давай же, черт тебя... – сказал голос, слова, хоть и смазанные, были все же понятны. За этим последовали еще стоны. Вирджиния осторожно двинулась к проходной двери, дрожь в руках распространилась на все тело.

– Сыграем еще? – спросил голос, и в нем слышался гнев.

Вирджиния осторожно заглянула в номер восемь, придерживаясь за косяк. На кровати была тень, она содрогалась, словно пытаясь пожрать саму себя. Вирджиния все стояла, уцепившись за дверь и пытаясь не закричать, когда из тени раздались голоса. Не один голос, а два. Слова были нечеткими, и в том состоянии паники, в котором она находилась, она едва ли различала их смысл. Однако отвернуться от этой сцены не могла. Стояла там, пытаясь разглядеть смутные очертания. Теперь слова казались ясными, и вместе с ними пришло понимание того, что происходит на постели. Она слышала женский голос, он звучал протестующе, теперь она различала эту женщину, та отбивалась от своего напарника, который пытался перехватить ее руки. Ее первое ощущение было правильным: это и было пожирание – своего рода.

Сэди поглядела в лицо Баку. На нем появилась эта его обычная мерзкая усмешка, и Сэди почувствовала, как в ней снова вспыхнул гнев. Вот для чего он пришел сегодня вечером. Не для разговора об их разбитых мечтаниях, а для того, чтобы смягчить ее злобу таким же образом, как делал это раньше, – шепча непристойности в ухо, пока укладывал ее на простыни. Удовольствие, которое он получал от ее неловкости, привело Сэди в ярость.

– Выпусти меня! – прокричала она громче, чем намеревалась.

У двери Вирджиния сказала:

– Оставь ее в покое.

– Похоже, у нас есть зрители, – усмехнулся Бак Дарнинг, довольный тем, что Вирджиния встревожилась. Сэди воспользовалась тем, что он отвлекся. Она выскользнула из объятий Бака и оттолкнула его, он с криком скатился с узкой постели. Поднявшись, она поглядела на перепуганную женщину в дверном проеме: сколько той удалось увидеть или услышать? Достаточно, чтобы понять, кто они такие?

Бак вылез из-за постели и подошел к своей бывшей убийце:

– Пошли. Это всего лишь сумасшедшая леди.

– Держись от меня подальше, – предупредила Сэди.

– Теперь ты ничего не можешь мне сделать, женщина. Я уже мертв, помнишь? – От напряжения его стреляные раны открылись. Из них сочилась кровь – она осмотрела себя: его кровь была также и на ней. Она попятилась к двери. Больше им нечего было делать вместе. Тот небольшой шанс на примирение, который у них был, выродился в кровавый фарс. Единственным выходом из этой печальной ситуации было – удалиться и оставить бедняжку Вирджинию раздумывать над тем, что она увидела и услышала. Чем дольше ей придется оставаться здесь, ссорясь с Баком, тем хуже может развернуться ситуация для всех троих.

– Куда ты идешь? – требовательно спросил Бак.

– Прочь отсюда, – ответила она. – Прочь от тебя. Я говорила, что любила тебя, Бак, верно? Ну... может, так оно и было. Но теперь я излечилась.

– Сука!

– Пока, Бак! Счастливой вечности.

– Дешевая сука!

Она не ответила на оскорбление, просто вышла из двери и ушла в ночь.

Вирджиния наблюдала, как одна из теней выплыла во входную дверь, и пыталась удержаться на грани разума и безумия, так вцепившись в косяк двери, что у нее побелели костяшки пальцев. Либо она должна выбросить все это из головы как можно скорее, либо убедиться в том, что в себе. Она повернулась к восьмому номеру спиной. Таблетки – вот что ей сейчас нужно. Она взяла свою сумочку только для того, чтобы выронить ее снова, когда ее дрожащие пальцы шарили в поисках пузырька с таблетками. Содержимое сумочки раскатилось по полу. Один из пузырьков, который был закрыт неплотно, открылся, рассыпав радужные таблетки. Она наклонилась, чтобы подобрать их. Слезы потекли из глаз, ослепляя ее, она набрала полгорсти таблеток и затолкала их в рот, пытаясь проглотить всухую. Барабанная дробь дождя по

крыше становилась все громче и громче – казалось, этот звук наполнил ее голову, а вдобавок ко всему по небу прокатился раскат грома.

И потом голос Джона:

– Что это ты делаешь, Вирджиния?

Она подняла на него взгляд, в глазах стояли слезы, рука, в которой были таблетки, прикрывала рот. Она совершенно забыла о своем муже, эти тени, дождь и голоса полностью выбили все остальное у нее из головы. Она разжала руку, и таблетки упали на ковер. Губы у нее тряслись, и она никак не могла заставить себя подняться.

– Я... я... опять слышала эти голоса, – сказала она.

Его глаза остановились на рассыпанном содержимом сумочки и на пузырьках с таблетками. Теперь ее преступление предстало пред его взором. Бессмысленно было отрицать хоть что-то, это только еще больше разъярит его.

– Женщина, – сказал он, – одного урока тебе оказалось недостаточно?

Она не ответила. Его следующая фраза потонула в раскате грома. Он повторил ее громче:

– Где ты достала таблетки, Вирджиния?

Она слабо покачала головой.

– Опять Эрл, я полагаю. Кто еще?

– Нет, – прошептала она.

– Не лги мне, Вирджиния! – Он возвысил голос, чтобы перекрыть бурю. – Ты же знаешь, что Господь услышит твою ложь, как я ее слышу. И ты будешь осуждена, Вирджиния! Осуждена!

– Пожалуйста, оставь меня, – взмолилась она.

– Ты травмишь себя.

– Но мне они нужны, Джон, – объясняла она ему. – В самом деле нужны.

У нее не хватало сил противиться, и в то же время она меньше всего хотела, чтобы он забрал у нее таблетки. Но что толку протестовать? Он сделает так, как считает нужным, он всегда так делал. Так что мудрее будет уступить и не распалять его ярость.

– Погляди на себя! – сказал он. – Рыщешь по полу.

– Не начинай все снова, Джон. Ты победил. Забери таблетки. Давай! Забери их!

Он явно был разочарован ее быстрой капитуляцией, словно актер, который долго репетировал излюбленную сцену, но обнаружил, что занавес упал раньше времени. Но он выжал все возможное из ее вызова, бросив сумочку на постель и собрав все пузырьки.

– Это все? – требовательно спросил он.

– Да, – ответила она.

– Я не убежден в этом, Вирджиния.

– Это все! – прокричала она ему. Потом сказала более мягко: – Я клянусь... это все.

– Эрл пожалеет об этом. Это я могу тебе обещать. Он воспользовался твоей слабостью...

– Нет!

– ... твоей слабостью и твоим страхом. Этот человек – слуга Сатаны, теперь это ясно.

– Да не говори ты ерунды! – сказала она, не ожидая от себя такой ярости. – Я просила его принести их мне. – Она с трудом встала на ноги. – Он вовсе не хотел послушаться тебя, Джон. Это все я.

Гаер покачал головой.

– Нет, Вирджиния. Ты не спасешь его. Нет. Он специально работал у меня, чтобы исподтишка вредить мне. Теперь я ясно вижу. Он хотел поразить меня через тебя. Ну что же, теперь я буду умнее. О да. О да!

Он внезапно повернулся и швырнул пузырьки с таблетками сквозь открытую дверь в темную дождливую ночь. Вирджиния смотрела, как они падают, и сердце ее заныло. Теперь будет очень трудно сохранить рассудок в подобные ночи – в ночи, когда все сходит с ума, – ведь

правда? – потому что дождь барабанит прямо тебе по черепу, а в воздухе разлито убийство, а этот проклятый дурень выбросил последнюю надежду на спасение. Он вновь повернулся к ней, его великолепные зубы были ощерены.

– Сколько можно повторять тебе одно и то же?

Похоже, что он все еще не покинул сцену.

– Я не слышу тебя, – сказала она, зажимая уши руками. – Я не хочу слушать!

Но даже при этом его голос доносился до нее сквозь шум дождя:

– А я очень терпелив, Вирджиния. Господь тоже терпеливо ждет Страшного суда. А где, интересно, Эрл?

Она покачала головой. Вновь раздался раскат грома, она даже не знала, в ее ли голове или снаружи.

– Так где он, – настаивал Гаер. – Отправился раздобыть еще немного этой гадости?

– Нет! – взмолилась она. – Я не знаю, куда он пошел.

– Молись, женщина, – сказал Гаер. – Ты должна стать на колени и молить Бога, чтобы он избавил тебя от Сатаны.

Смысл этих слов был в том, что он оставлял ее одну трястись в пустом номере и отправлялся разыскивать Эрла. Скоро он вернется, разумеется. Последуют очередные обвинения, а с ее стороны – обязательные слезы. А что до Эрла, ему придется защищаться так, как только он сможет. Она соскользнула на кровать, и ее воспаленные глаза уставились на таблетки, которые все еще были разбросаны по полу. Не все потеряно. Там оставалось штук двадцать, так что придется урезать дозу, но все же это лучше, чем ничего. Вытерев глаза тыльной стороной руки, она склонилась на колени, чтобы подобрать пилюли. И тут она поняла, что на нее кто-то смотрит. Неужели проповедник возвратился так скоро? Она поглядела вверх. Дверь все еще была открыта, но его там не было. Ее сердце на миг пропустило удар, и она подумала о тенях в соседнем номере. Там их было две. Одна исчезла. А вторая?

Взгляд ее скользнул на проходную дверь. Призрак стоял там, точно темный мазок на светлом фоне, и, с тех пор как она смотрела на него, казался материальнее. Может, потому, что она примирилась с его существованием, а может – он дал себя разглядеть более подробно. Во всяком случае, у него был человеческий облик, и он явно был мужчиной. Он глядел на нее, в этом она не сомневалась. Даже могла разглядеть его глаза, если очень старалась. Она все больше и больше, с каждым новым вздохом убеждалась, что он существует на самом деле.

Она поднялась очень медленно. Тень сделала шаг из двери, ведущей в соседний номер. Вирджиния осторожно продвинулась к наружной двери, не сводя испуганного взгляда с темного пятна. Однако оно, завидев ее движение, скользнуло навстречу и с необычайной скоростью оказалось между ней и ночью. Ее вытянутая рука коснулась его размытой фигуры, и, словно освещенный вспышкой молнии, ее новый знакомец предстал перед ней, снова превратившись в размытое пятно, когда она убрала руку. Она увидела мертвеца – в груди его зияла дыра. Может, он пришел из ее сна, чтобы увести из мира живых? Она уже подумала о том, чтобы побежать за Джоном, вернуть его обратно, но это значило вновь приблизиться к входной двери и войти в этот жуткий контакт с пришельцем. Вместо этого она осторожно отступила, шепча про себя молитвы; возможно, Джон все это время был прав – возможно, таблетки довели ее до безумия, те самые таблетки, которые теперь рассыпались в порошок под ее ногами. В ней поднимался ужас. Было ли это воображение, или призрак действительно раскрыл ей объятия?

Ее нога запнулась за край коврового покрытия. И прежде чем она успела ухватиться за что-нибудь, она уже падала назад. Руки судорожно шарили в поисках поддержки. И вновь она натолкнулась на это чудовищное порождение кошмаров, вновь эта ужасная картина возникла у нее перед глазами. Но на этот раз кошмар не исчезал, потому что это создание схватило ее за руку и крепко держало. Пальцы замерзли, словно она погрузила их в ледяную воду. Она заво-

пила, чтобы ее выпустили, пытаясь оттолкнуть пришельца другой рукой, но тот просто-напросто удержал и эту.

Оказавшись не в состоянии сопротивляться, она встретила с ним взглядом. На нее смотрели глаза, которые отнюдь не принадлежали Дьяволу, – они были чуть глуповатыми, даже комичными, а слабый рот лишь подтверждал первое впечатление. Внезапно она перестала бояться. Это был совсем не демон. Это была всего лишь галлюцинация, вызванная усталостью и таблетками, и он не мог причинить ей вреда. Единственная опасность была в том, что она может повредить самой себе, если начнет отбиваться от иллюзии.

Бак почувствовал, что сопротивление Вирджинии слабеет.

– Вот так лучше, – заявил он. – Ты ведь просто хочешь, чтобы я немножечко поиграл тебе на трубе, верно, Джинни?

Он не был уверен, что она слышит его, но это дела не меняло. Он мог сделать свои намерения совершенно очевидными. Выпустив руку, он провел ладонью по ее груди.

Она вздохнула, в ее прекрасных глазах появилось беспокойство, но она даже не пробовала сопротивляться его вниманию.

– Ты не существуешь, – сказала она невыразительно. – Ты только порождение моего мозга, как сказал Джон. Это все из-за таблеток.

Бак решил: пусть себе женщина бормочет, что ей угодно, раз это делает ее более сговорчивой.

– Ведь это правда, не так ли? – спросила она. – Ты ведь не существуешь, верно?

Он ответил очень вежливо, по-прежнему тиская ее.

– Разумеется. Я – просто сон, вот и все. – Казалось, этот ответ удовлетворил ее. – Так не будешь драться? – спросил он. – Я войду и уйду, ты даже не заметишь.

В конторе управляющего никого не было. Из комнаты за конторой Гаер услышал телевизор. Из-за этого Гаер почему-то подумал, что Эрл должен быть где-то поблизости. Он вышел из номера вместе с девушкой, которая принесла воду со льдом, и они уж наверняка не отправились на прогулку в такую погоду. Гром за последние несколько минут начал греметь почти над головой. Гаеру нравился этот звук и фейерверк, который устроили молнии. Это соответствовало его ощущениям момента.

– Эрл! – проорал он, пробираясь через конторку в комнату с телевизором.

Позднее кино уже подходило к концу: звук был оглушающе громким, фантастический зверь неизвестной породы уже почти сокрушил Токио, граждане разбежались, испуганно вопя. Перед этим апокалипсисом из папье-маше спал в кресле пожилой человек. Его не могли разбудить ни крики Гаера, ни раскаты грома. Бутылка со спиртным, которую он нежно уместил на коленях, накренилась в его руке и жидкость пролилась на штаны. Вся эта сцена воняла бурбоном и развратом, Гаер отметил это, чтобы как-то использовать в своих проповедях.

Из конторы потянуло холодом. Гаер обернулся, полагая, что кто-то вошел, но никого в конторе за его спиной не было. Он уставился в пространство. Всю дорогу до конторы у него было такое ощущение, будто за ним кто-то следит, однако, когда он оглядывался, никого не видел. Так что он отбросил свои подозрения. Такие страхи присущи старикам и женщинам, которые боятся темноты. Он прошел между спящим пьянчугой и руинами Токио к закрытой задней двери.

– Эрл! – позвал он. – Ответь мне.

Сэди наблюдала, как Гаер открыл дверь и шагнул в кухню. Его напыщенность забавляла ее: как такое мелодраматическое поведение могло существовать в столь просвещенный век? Ей никогда не нравились церковники, но этот экземпляр раздражал особенно – под его благочестием скрывалось больше, нежели просто нетерпимость. Он был рассерженным и непредсказуемым и ему больше чем не понравится то, что он увидит в комнате Лауры-Мэй. Сэди

там уже была. Какое-то время она наблюдала за любовниками, пока их страсть не распалила ее, и тогда она вышла под дождь, чтобы немного остыть. Теперь же появление проповедника вернуло ее туда, откуда она вышла, поскольку боялась, что, как бы не развернулись события, эта ночь вряд ли окончится хорошо.

В кухне Гаер завопил опять. Он явно наслаждался звуками собственного голоса.

– Эрл! Ты меня слышишь? Меня не проведешь!

В комнате Лауры-Мэй Эрл пытался сделать одновременно три дела. Во-первых, поцеловать женщину, с которой они только что занимались любовью. Во-вторых, натянуть свои, еще мокрые после дождя штаны. И, в-третьих, придумать какой-нибудь благовидный предлог для объяснения своего пребывания здесь, если Гаер все же ворвется в комнату. Но, как бы то ни было, выполнить все эти три намерения ему не удалось. Его язык все еще касался нежного рта Лауры-Мэй, когда дверь с силой отворилась.

– Я нашел тебя!

Эрл прервал поцелуй и повернулся навстречу этому обличительному голосу. Гаер стоял в дверном проеме, мокрые волосы облегали голову, точно серая шапка, лицо пылало яростью. Свет, который отбрасывал затянутый шелком абажур возле кровати, делал его фигуру массивной, в глазах проповедника пылал маниакальный огонь пророка. Эрл уже слышал от Вирджинии о вспышках божественной ярости Гаера – о сломанной мебели и переломанных костях.

– Что, твоей низости нет пределов? – требовательно спросил он. Слова срывались с его узких губ с деланным спокойствием. Эрл натянул штаны и наклонился, чтобы застегнуть молнию.

– Это не ваше дело... – начал он, но ярость Гаера заморозила готовые сорваться с языка слова.

Лауру-Мэй запугать было не так легко.

– Выметайтесь отсюда, – сказала она, натягивая простыню, чтобы прикрыть роскошные груди. Эрл оглянулся на нее, на гладкое плечо, которое он недавно целовал. Он хотел вновь поцеловать ее, но человек в черном четырьмя быстрыми шагами пересек комнату и схватил его за руку и за волосы. Это движение в загроможденном помещении Лауры-Мэй произвело эффект землетрясения. Экспонаты драгоценной коллекции соскользнули с полок и гардероба, один предмет упал на другой, тот – на соседа, и все это сборище банальностей оказалось на полу. Но Лаура-Мэй не обращала внимания на все эти разрушения – единственное, что сейчас для нее что-то значило, – это человек, который так чудесно обращался с ней в постели. Она различала тревогу в глазах Эрла, когда проповедник оттаскивал его, и разделила эту тревогу.

– Оставь его! – заорала она, отбрасывая свою скромность и спрыгнув с постели. – Он не делал ничего плохого!

Церковник остановился, чтобы ответить, тогда как Эрл безуспешно пытался освободиться.

– Что знаешь ты о том, что плохо, шлюха? – плюнул в нее Гаер. – Ты слишком погрязла в грехе. Ты, в своей наготе, в своей вонючей постели!

Кровать действительно воняла, но только лишь мылом и недавней любовью. Ей не за что было извиняться, и она не собиралась позволять этому унылому моралисту оскорблять себя.

– Я вызову полицию! – предупредила она. – Если ты не оставишь его в покое, я позову их.

Гаер даже не потрудился ответить на эту угрозу. Он просто вытащил Эрла из комнаты в кухню. Лаура-Мэй кричала:

– Держись, Эрл! Я вызову помощь!

Ее любовник не отвечал. Он был слишком занят, обороняясь от Гаера, который пытался вырвать с корнем его волосы.

Иногда, когда дни были долгими и одинокими, Лаура-Мэй воображала себе темного человека, похожего на этого проповедника. Она представляла себе, как он приходит вместе с

торнадо, из облака пыли. Она воображала, как он уводил ее с собой – лишь частично против ее воли. Однако человек, который делил с ней сегодня ночью постель, был абсолютно не похож на любовника ее мечты – он был глуповат и доброжелателен. Если он умрет от рук человека вроде Гаера, чей образ она вызывала в тоскливом отчаянии, – она никогда не простит себе этого.

Она услышала, как ее отец сказал «Что там происходит?» в дальней комнате. Что-то упало и разбилось, вероятно, тарелка из буфета или стакан, который он держал в руке. Она молилась, чтобы папа не вмешался и не попробовал стукнуть церковника – если он это сделает, Гаер развеет его по ветру. Лаура-Мэй вернулась к постели, чтобы отыскать свою одежду, та затерялась среди простыней, и раздражение женщины усиливалось с каждой секундой бесплодных поисков. Она расшвыряла подушки, одна из которых упала на крышку гардероба, и еще несколько драгоценных экспонатов слетело на пол. Когда она натягивала нижнее белье, в дверях появился отец. Его и без того покрасневшее от выпивки лицо стало просто пурпурным, когда он увидел, в каком она состоянии.

– Чем ты занималась, Лаура-Мэй?

– Не обращай внимания, па, нет времени объяснять.

– Но отсюда вышли люди...

– Я знаю. Я знаю. Я хочу, чтобы ты позвонил шерифу в Панхандаль, понимаешь?

– Так что происходит?

– Неважно. Просто позвони Альвину, и побыстрее, или у нас на руках будет еще один труп.

Мысль об убийстве слегка оживила Мильтона Кэйда. Он исчез, оставив свою дочь одеваться дальше. Лаура-Мэй знала, что в такую ночь, как эта, шериф Альвин Бейкер и его помощник вряд ли доберутся сюда быстро. А пока один Бог знает, что этот бешеный священник может натворить.

Из дверного проема Сэди наблюдала, как женщина одевается. Лаура-Мэй была довольно простенькой, по крайней мере на критический взгляд Сэди, а ее бледная кожа делала ее почти бесплотной, невзирая на полную фигуру. Но вообще-то, подумала Сэди, я-то кто такая, чтобы осуждать человека за отсутствие вещественности? На себя погляди. И впервые за все тридцать лет она пожалела об отсутствии тела. Частично потому, что она не могла сыграть никакой роли в драме, которая стремительно разворачивалась вокруг.

В кухне внезапно протрезвевший Милтон Кэйд названивал по телефону, пытаясь принудить к действиям людей из Панхандалья, тогда как Лаура-Мэй, которая уже закончила одеваться, открыла нижний ящик гардероба и извлекла оттуда кое-что. Сэди поглядела через плечо женщины, чтобы узнать, что там за трофей, и по ее телу пробежал холодок узнавания, а взгляд остановился на принадлежавшем ей когда-то пистолете. Так, значит, именно Лаура-Мэй нашла пистолет, вот та шестилетняя растяпа, которая все время попадалась под ноги в коридоре тридцать лет назад, играла сама с собой и распевала песни в горячем неподвижном воздухе.

Сэди с удовольствием вновь разглядывала оружие убийства. Может, подумала она, я все же оставила после себя кое-что, что может повлиять на будущее, может, я больше, чем заголовки в бульварной газетенке и смутная память в стареющих головах. Она новым, живым взглядом наблюдала, как Лаура-Мэй натянула туфли и вышла в гудящую на улице бурю.

Вирджиния бессильно прислонилась к стене номера семь и глядела на смутную фигуру, маячившую в дверном проеме. Она позволила своей галлюцинации вести себя таким образом, и никогда за ее сорок с лишним лет она не слышала таких развратных уговоров. Но несмотря на то что призрак подступал к ней вновь и вновь, прижимал свое холодное тело к ее телу, касался ледяными, скользкими губами ее губ, он так и не смог переступить черту. Он пытался три раза, три раза те торопливые слова, которые он шептал ей на ухо, не стали явью. Теперь

он охранял двери, готовясь, как она предполагала, к еще одной попытке. Она видела его лицо достаточно ясно и читала на нем стыд и растерянность. Может, подумала она, он так смотрит, потому что собирается убить меня?

Снаружи она услышала голос мужа, перекрывающий громовые раскаты, и протестующий голос Эрла, также на повышенных тонах. Они пререкались – это было очевидно. Она прислонилась к стене, пытаясь что-то сказать, а порождение ее бреда зловеще наблюдало за ней.

– Ничего у тебя не получилось, – сказала она.

Оно не ответило.

– Ты мне просто мерещишься, и у тебя ничего не получилось.

Призрак открыл рот и показал ей бледный язык. Она не понимала, почему он не исчезает, но, возможно, он так и будет таскаться за ней, пока не закончится действие пилуль. Не важно. Она выстояла перед тем худшим, что он мог сделать, и теперь, со временем, призрак наверняка оставит ее в покое. То, что он не смог взять ее силой, заставило ее почувствовать свою власть над ним.

Она подошла к двери, больше не испытывая страха. Призрак вышел из своего расслабленного состояния.

– Куда это ты идешь? – спросил он.

– Наружу, – ответила она, – помочь Эрлу.

– О! – сказал он ей. – Мы с тобой еще не закончили.

– Ты – всего лишь фантом, – убежденно сказала она. – Ты не можешь остановить меня.

Он усмехнулся ей. Усмешка была на три четверти злобной, но на четверть – обаятельной.

– Ты не права, Вирджиния, – сказал Бак. Больше не имело смысла морочить женщине голову, он устал от этой игры. И возможно, у него ничего не получилось, потому что она предложила себя так легко, веря, что он – какой-то безвредный ночной кошмар. – Я – не бред, женщина. Я – Бак Дарнинг.

Она поглядела на колеблющуюся фигуру и нахмурилась. Что это, какой-то новый трюк, который играет с ней ее психика?

– Тридцать лет назад меня застрелили в этой комнате. Вообще-то, как раз там, где ты сейчас стоишь.

Инстинктивно Вирджиния глянула на ковер себе под ноги, словно ожидая, что там все еще остались пятна крови.

– Мы вернулись сегодня, Сэди и я, – продолжал призрак. – Остановка на одну ночь на Бойне Любви. Так называли это место, ты знаешь? Люди приходили сюда, чтобы просто поглядеть на вот эту комнату, просто поглядеть, где это Сэди Дарнинг застрелила своего мужа Бака. Больные люди, как ты думаешь, Вирджиния? Они больше интересуются убийством, а не любовью. Я – не такой... Знаешь, я всегда любил любовь. Вообще-то, это единственное, к чему я был хоть как-то способен.

– Ты лгал мне, – сказала она. – Ты *использовал* меня.

– Да я еще не закончил, – пообещал Бак. – На самом деле я только-только начал.

Он пошел к ней от двери, но на этот раз она подготовилась. Как только он дотронулся до нее и дымка вновь оделась плотью, она изо всех сил ударила его. Бак отодвинулся, чтобы избежать удара, и она проскочила мимо него к двери. Распущенные волосы залепили ей глаза, но она на ощупь пробиралась к свободе. Туманная рука схватила ее, но хватка была слишком слабой и соскользнула.

– Я буду ждать, – крикнул Бак ей вслед, в то время как она бежала по коридору навстречу буре. – Ты меня слышишь, сука? Я буду ждать!

Он вовсе не мучился от своего промаха. Она ведь вернется, верно? А он, не видимый никем, кроме женщины, на этот раз сможет извлечь из этого пользу. Если она расскажет своим спутникам, что видит его, они подумают, что она не в себе, – и, может, запрет ее, а тогда уж

он останется с ней один на один. Нет, тут он должен взять верх. Она вернется продрогшая, ее платье прилипнет к телу, возможно, она будет испугана, в слезах, слишком слабая, чтобы сопротивляться его попыткам. Уж тогда они закатят отличную музыку. О да! Пока она не будет умолять его остановиться.

Сэди вышла наружу вслед за Лаурой-Мэй.

– Куда ты идешь? – спрашивал Мильтон свою дочь, но она не ответила. – Иисусе! – воскликнул он ей вслед, похоже все заметив. – Где ты раздобыла эту пушку?

Дождь был чудовищным. Он колотил о землю, о последние листья тополя, по крыше, по голове. Он за секунду промочил волосы Лауры-Мэй, распластав их по лбу и по шее.

– Эрл! – кричала она. – Где ты? Эрл!

Она побежала через стоянку, на бегу выкрикивая его имя. Дождь превратил пыль в густую грязь, которая хватала ее за щиколотки. Она добежала до второго здания. Несколько гостей, которых разбудили вопли Гаера, глядели на нее из окон. Некоторые двери были открыты; какой-то мужчина с банкой пива в руке стоял в дверном проеме и требовал, чтобы ему объяснили, что тут происходит.

– Люди все носятся как сумасшедшие, – сказал он. – Развопились тут. Мы сюда приехали, чтобы побыть в тишине, господи боже. – Девушка младше его лет на двадцать выглянула из-за плеча любителя пива.

– У нее пистолет, Двайн, – сказала она. – Ты видишь?

– Куда они ушли? – спросила Лаура-Мэй любителя пива.

– Кто? – ответил Двайн.

– Сумасшедшие! – проорала Лаура-Мэй, стараясь перекричать еще один раскат грома.

– Они завернули за контору, – сказал Двайн, глядя скорее на пистолет, чем на Лауру-Мэй. – Их здесь нет. В самом деле, нет.

Лаура-Мэй вновь побежала к конторе. Дождь и молнии слепили ее, и она с трудом удерживала равновесие в скользкой грязи.

– Эрл! – кричала она. – Ты здесь?

Сэди неотрывно следовала за ней. Эта Кэйд была отважной, сомнения нет, но в ее голосе звучала истерическая нотка, которая Сэди очень не понравилась. Это дело (убийство) требует хладнокровия. Нужно делать все небрежно, почти не думая, как будто выключаешь радио или прихлопываешь комара. Паника послужит лишь помехой, страсть – тоже. Вот почему, когда она вынула свой смит-вессон и направила на Бака, в ней не было и следа гнева, который толкал бы ее под руку, мешая попасть в цель. Вот поэтому, рассудив как следует, они и послали ее на электрический стул. Не потому, что она вообще сделала это, но потому, что сделала слишком хорошо.

Лаура-Мэй не была так хладнокровна. Дыхание у нее прерывалось, а по тому, как она, всхлипывая, выкрикивала имя Эрла, было ясно, что она близка к истерике. Она завернула за угол конторы, где вывеска мотеля бросала холодный свет на пустырь за домом, и на этот раз, когда она в очередной раз позвала Эрла, раздался ответный крик. Она остановилась, вглядываясь сквозь пелену дождя. Это был голос Эрла, как она и надеялась, но он не звал ее.

– Ублюдок! – кричал Эрл. – Ты выжил из ума. Отпусти меня!

Теперь она могла рассмотреть невдалеке две фигуры. Эрл, чей живот был заляпан грязью, стоял на коленях среди репейников и мусора. Гаер стоял над ним, держа руку у него на голове и пригибая Эрла к земле.

– Признайся в своем преступлении, грешник!

– Черт тебя дерит, *нет*!

– Ты появился здесь, чтобы расстроить мою поездку. Признайся! Признайся в этом!

– Иди к черту!

– Признайся в своей скверне, или я переломаю твои кости!

Эрл боролся, пытаясь освободиться от Гаера, но проповедник явно был сильнее.

– Молись! – сказал он, опуская лицо Эрла в грязь. – Молись!

– Отъебись! – орал Эрл в ответ.

Гаер ухватил Эрла за волосы, а другая рука уже поднялась, чтобы нанести сокрушительный удар по запрокинутому лицу. Но прежде чем он успел ударить, на сцене появилась Лаура-Мэй, сделала два или три шага по грязи по направлению к ним. В трясущейся руке у нее был смит-вессон.

– Отойди от него, – потребовала она.

Сэди спокойно отметила, что женщина целит неправильно. Даже при ясной погоде она, вероятно, была бы паршивым стрелком, но сейчас, в таком состоянии, при такой буре, даже опытный террорист мог бы промахнуться. Гаер повернулся и поглядел на Лауру-Мэй. Он не проявлял ни малейшего волнения. Он думает то же, что и я, подумала Сэди, он чертовски хорошо знает, что волнение ей не на руку.

– Шлюха! – громко крикнул Гаер, возводя взор к небу. – Господь, видишь ли ты ее? Видишь ее позор, ее блуд? Отметь ее! Она – одна из дочерей вавилонских!

Лаура-Мэй не совсем поняла подробности, но общее направление речей Гаера для нее было вполне ясно.

– Я не шлюха! – завопила она в ответ, и смит-вессон прыгал в ее руке, готовый выстрелить. – Ты не можешь называть меня шлюхой!

– Пожалуйста, Лаура-Мэй... – сказал Эрл, отталкивая Гаера, чтобы поглядеть на женщину, – уйди отсюда. Он не в себе.

Она не обратила внимания на его требовательный тон.

– Если ты не уйдешь от него... – сказала она, указывая дулом пистолета на человека в черном.

– Да? – издевательски спросил Гаер. – И что же ты сделаешь, шлюха?

– Я выстрелю! Ей-богу! Я выстрелю!

По другую сторону здания конторы Вирджиния набрела в грязи на бутылку с таблетками, которую выбросил Гаер. Она наклонилась, чтобы поднять ее, и тут ей пришла в голову идея получше. Ей больше не нужны пилюли, верно ведь? Она говорила с мертвецом, одно лишь ее прикосновение сделало Бака Дарнинга видимым для нее. Что за способности! Ее видения были реальными и всегда были такими – более правдивыми, чем весь этот Апокалипсис, полученный из вторых рук, старый, изношенный, который штудировал ее достойный жалости муж. Что могут сделать пилюли – разве что замутить вновь обретенный талант. Пусть себе лежат.

Множество гостей накинули куртки и повыходили из номеров поглядеть, из-за чего поднялся весь этот шум.

– Что тут было? Несчастный случай? – окликнула Вирджинию какая-то женщина. Лишь только эти слова слетели с ее губ – прозвучал выстрел.

– Джон, – сказала Вирджиния.

Прежде чем эхо от выстрела стихло, она пошла на звук. Она уже представила себе, что там обнаружит, – своего мужа, неподвижно лежащего на земле, и торжествующего убийцу, который стоит над ним в грязи на коленях. Она ускорила шаг, на ум ей пришли молитвы. Она молилась не для того, чтобы тот сценарий, который она представила себе, оказался ложным, но скорее, за то, чтобы Бог простил ее, ведь она так хотела, чтобы он был истинным.

Однако сцена, которая развернулась перед ней по другую сторону здания, опровергла все ее ожидания. Проповедник был жив. Он стоял совершенно нетронутый. Рядом с ним, раскинувшись на грязной земле, лежал Эрл. Неподалеку стояла женщина, которая несколько часов назад заносила к ним в номер воду со льдом. В руке у нее был пистолет. Он все еще дымился. Как только Вирджиния поглядела на Лауру-Мэй, из тьмы выступила фигура и выхватила ору-

жие из ее руки. Пистолет упал на землю. Вирджиния проследила за ним взглядом. Лаура-Мэй выглядела обескураженной, она не понимала, как умудрилась выронить пистолет. Однако Вирджиния знала. Она видела прозрачный силуэт призрака и угадала, кто это. Это наверняка была Сэди Дарнинг, благодаря которой этот мотель окрестили Бойней Любви.

Глаза Лауры-Мэй нашли Эрла, она издала вопль ужаса и побежала к нему.

– Не умирай, Эрл! Умоляю тебя, не умирай!

Эрл поглядел на нее из грязевой ванны, в которую его погрузили, и покачал головой.

– Ты промахнулась на целую милю, – сказал он.

Рядом Гаер упал на колени, руки сжаты, лицо поднято к дождю.

– О, Господь, я благодарю тебя за то, что ты сохранил это свое оружие, и в час нужды...

Вирджинии захотелось заткнуть этого идиота. Этого человека, который так глубоко уверил ее в том, что она не в себе, отчего она чуть не отдалась Баку Дарнингу. Ладно, с нее хватит. Она уже достаточно боялась. Она видела, как Сэди действовала, влияя на реальный мир, видела, как то же делал Бак. Теперь нужно, чтобы процесс пошел в обратном направлении. Она решительно подошла к тому месту, где лежал смит-вессон, и подняла его.

Как только она это сделала, то почувствовала совсем рядом присутствие Сэди Дарнинг. Голос, такой тихий, что она едва его слышала, сказал у ее уха:

– Разве это мудро?

Вирджиния не знала ответа на этот вопрос. И вообще, что есть мудрость? Разумеется, не застывшая риторика сухих проповедей. Может, мудрыми были Лаура-Мэй и Эрл, которые сидели в грязи, не обращая внимания на молитвы и проклятия Гаера и на взгляды постояльцев, сбежавшихся, чтобы посмотреть, кого убивают. Или, возможно, мудрость состояла в том, чтобы отыскать червоточину в своей жизни и уничтожить ее раз и навсегда. С оружием в руке она вновь направилась в номер семь, почувствовав, что рядом с ней обеспокоенно шагает Сэди Дарнинг.

– Не Бака?.. – прошептала Сэди. – Нет, конечно.

– Он напал на меня, – сказала Вирджиния.

– Ах ты, бедная овечка.

– Я не овечка, – ответила Вирджиния, – больше нет.

Поняв, что женщина абсолютно владеет собой, Сэди попятилась, опасаясь, что ее присутствие насторожит Бака.

Она наблюдала, как Вирджиния пересекла парковочную площадку, миновала тополь и шагнула в номер, где ждал ее мучитель. Огни все еще горели, после синего мрака снаружи они казались очень яркими. Но Дарнинга нигде не было. Комната номера восемь тоже оказалась пустой. Потом раздался знакомый голос.

– Ты вернулась, – сказал Бак.

Вирджиния резко обернулась, сжимая в руке пистолет, но пряча его от Бака. Он вышел из ванной и сейчас стоял между ней и дверью.

– Я так и знал, что ты вернешься. Все они так делают.

– Я хочу, чтобы ты показался, – сказала Вирджиния.

– Я гол как младенец, – сказал Бак. – Что ты хочешь, чтобы я сделал? Снял с себя кожу? Может получится довольно забавно.

– Покажись Джону, моему мужу. Пусть он увидит, что ошибался.

– Ах, бедняга Джон. Я не думаю, что ему хотелось бы меня увидеть, а?

– Он думает, что я не в себе.

– Сумасшествие бывает иногда очень полезно, – заметил Бак. – Они чуть не стащили Сэди с электрического стула, настаивая на том, что она за себя не отвечала. Но она была слишком честной, чтобы выгадывать себе жизнь. И просто продолжала втолковывать им: «Я хотела,

чтобы он умер. Поэтому я застрелила его». Она никогда не отличалась особым здравомыслием. Но ты... теперь, я думаю, ты знаешь, что для тебя лучше.

Тень чуть изменила форму. Вирджиния не могла как следует различить, что там делал Бак, но, несомненно, это было что-то непристойное.

– Подойди и возьми, Вирджиния, – сказал он. – Хватай.

Она вынула из-за спины смит-вессон и направила на него.

– Не сейчас, – сказала она.

– Ты не сможешь причинить мне вреда этой штукой, – ответил он. – Ведь я уже мертв, помнишь?

– Ты же сделал мне больно. Почему же я не могу тоже причинить тебе вред?

Бак покачал своей эфирной головой и грубо засмеялся. Пока он развлекался, за окном, со стороны шоссе, раздался вой полицейских сирен.

– Да что ты вообще знаешь? – сказал Бак. – Такой шум подняли. Давай, пойдем поиграем немножко на трубе, золотко, пока нам не помешали.

– Я предупреждаю тебя, это пистолет Сэди...

– Да ты не сделаешь мне ничего, – прошептал Бак. – Я знаю женщин. Они говорят одно, а делают противоположное.

Он засмеялся и шагнул к ней.

– Не делай этого, – предупредила она.

Он сделал еще один шаг, и она нажала на курок. В ту же секунду, как она услышала звук выстрела и почувствовала, как пистолет дернулся у нее в руке, в дверном проеме появился Джон. Стоял ли он там все время или только что вернулся с дождя, окончив все молитвы и желая поучить Откровению свою заблудшую жену. Она так никогда и не узнает. Пуля скользнула сквозь Бака, расщепив его туманное тело, и с потрясающей точностью попала в проповедника. Он не видел ее полета. Пуля пробила ему горло и кровь выплеснулась на рубашку. Фигура Бака растворилась, точно пылевое облако, и он исчез.

Джон Гаер нахмурился и отшатнулся к дверному косяку в поисках опоры. Но удержаться не смог и упал на спину в дверной проем, точно опрокинутая статуя, лицо его омыл дождь. Однако кровь все продолжала течь. Она растекалась сверкающей лужей и все еще текла, когда Альвин Бейкер и его помощник появились на пороге с пистолетами наготове.

Теперь ее муж никогда не узнает, подумала Вирджиния, вот жалость-то. Он никогда не поймет, до чего же был глуп, и не оценит степень своего неведения. Во всяком случае, по эту сторону могилы. Он был в безопасности, будь он проклят, а она осталась с дымящимся пистолетом в руке, и Бог знает, какую цену ей придется заплатить за то, что она совершила.

– Положите пистолет и выходите, – голос, доносящийся со стоянки, был жестким и бескомпромиссным.

Вирджиния не ответила.

– Вы слышите меня, там, внутри? Это шериф Бейкер. Это место окружено, так что выходите, иначе вы погибнете.

Вирджиния присела на кровати и раздумывала над альтернативами. Они не покарают ее так, как покарали Сэди за то, что она сделала. Но ей долгое время придется просидеть в тюрьме, а она уже устала от ограничений. Если сейчас она и не была безумной, то длительное заключение легко перенесет ее через эту грань. Лучше покончить здесь, подумала она. Она подняла теплый смит-вессон, поднесла его к подбородку, плотно прижав дуло, чтобы выстрел наверняка снес ей половину черепа.

– Разве это мудро? – спросила Сэди, когда палец Вирджинии напрягся на курке.

– Они запрут меня, – ответила она. – Я не смогу этого вынести.

– Верно. Они на какое-то время поместят тебя за решетку. Но не надолго.

– Должно быть, ты шутишь. Я хладнокровно застрелила своего мужа.

– Ты же не хотела, – успокоила ее Сэди. – Ты же целилась в Бака.

– И в самом деле? – сказала Вирджиния. – Не знаю.

– Ты можешь разыгрывать безумие – это то, что я должна была сделать. Просто выбери наиболее вероятную версию и стой на ней.

Вирджиния покачала головой, она не слишком-то умела лгать.

– А когда ты освободишься, – продолжала Сэди, – то будешь знаменитой. Ради этого стоит жить, верно?

Об этом Вирджиния не думала. На ее лице засветился слабый призрак улыбки. Снаружи шериф Бейкер повторял свои приказы – чтобы она выбросила в дверь оружие и вышла с поднятыми руками.

– У вас есть десять секунд, леди, – заявил он. – Я сказал – *десять*.

– Я больше не смогу унижаться, – прошептала Вирджиния. – Просто не смогу.

Сэди пожала плечами:

– Жаль. Дождь стихает. Там, в небе, луна.

– Луна? В самом деле?

Бейкер начал отсчет.

– Ты сама должна решить, – сказала Сэди. – При малейшей возможности они тебя пристрелят. И с радостью.

Бейкер досчитал до восьми. Вирджиния встала.

– Стойте! – крикнула она в дверь.

Бейкер прекратил считать. Вирджиния бросила пистолет в грязь.

– Хорошо, – сказала Сэди. – Я так довольна.

– Я не смогу одна, – ответила Вирджиния.

– И нет нужды.

На парковочной площадке собралась внушительная аудитория: разумеется, Эрл и Лаура-Мэй, Мильтон Кэйд, Двайн со своей девушкой, шериф Бейкер, его помощник и кучка постояльцев мотеля. Они стояли, храня уважительное молчание, и смотрели на Вирджинию Гаер со смешанным выражением тревоги и благоговейного трепета.

– Поднимите руки вверх, чтобы я их видел, – крикнул Бейкер.

Вирджиния сделала, как он велел.

– Погляди, – сказала Сэди, показывая в небо.

Луна поднималась в зенит, огромная, белая.

– Почему ты застрелила его? – спросила девушка Двайна.

– Дьявол велел мне это сделать, – ответила Вирджиния, глядя на луну и изображая на лице как можно более безумную улыбку.

Изыди, Сатана **(пер. Марии Галиной)**

Обстоятельства дали Грегориусу состояние, определить размеры которого было невозможно. Он владел кораблями и дворцами, жеребцами и городами. И в самом деле, он владел стольким, что для тех, в чьи обязанности входила оценка собственности Грегориуса – после того, как события, о которых здесь говорится, подошли к чудовищному концу, – было легче и быстрее, казалось, перечислить то, чем Грегориус не владел.

Да, он был очень богат, но далеко не счастлив. Он получил католическое воспитание в детстве – перед тем, как ошеломляюще разбогател, – и в молодости не раз в тяжелую минуту искал утешения в вере. Но потом пренебрег ею, и лишь в возрасте пятидесяти пяти лет, когда весь мир лежал у его ног, проснулся однажды ночью и обнаружил, что Господь оставил его.

Это был тяжелый удар, но он тут же предпринял шаги, которые помогли бы излечить эту утрату и исправить дело. Он поехал в Рим и говорил там с Папой, он молился день и ночь, он основал духовные семинарии и лепрозории. Однако Бог не являлся ему – даже кончика ногтя на его ноге не увидел Грегориус, так что казалось, Господь совсем его покинул.

Близкий к отчаянию, он вбил себе в голову, что может вернуться в лоно Творца лишь в одном случае – если подвергнет серьезной опасности свою душу. Эта идея была не совсем безумной. Предположим, думал он, я смогу организовать встречу с Сатаной, с Нечистым. Так что же, видя меня на краю гибели, разве не захочет Господь, разве он не будет обязан вмешаться и привести меня к Себе?

Замысел был хорош, но как реализовать его? Дьявол не является по вызову, даже к таким промышленным магнатам, как Грегориус, а предпринятые им исследования показали, что все традиционные методы вызова Князя Тьмы – надругательства над святынями, жертвоприношение младенцев – были не более эффективны, чем его благие дела в поисках Иеговы. Лишь после года напряженных изысканий он наконец разработал свой грандиозный план. Он построит Ад на Земле – современное Инферно, такое, что Искуситель поддастся искушению и придет туда – как кукушка приходит отложить яйцо в свитое кем-то другим гнездо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.